

СВИ

СЛЕД В ИСТОРИИ

ФРИДРИХ БАРБАРОССА

МАРСЕЛЬ ПАКО

ФРИДРИХ БАРБАРОССА

МАРСЕЛЬ ПАКО

Ф

Серия «След в истории»

Марсель ПАКО

ФРИДРИХ
БАРБАРОССА

РОСТОВ-НА-ДОНУ
ФЕНИКС
1998

ББК 63.3 (03)
П 13

Перевод с французского *Редичкиной Т.Н.*

Марсель Пако
П 13 **ФРИДРИХ БАРБАРОССА.** Серия «След в истории». Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. — 320 с.

В образе Фридриха Барбароссы объединились история и легенда. С одной стороны, он воплотил в себе «куртуазные» добродетели, с другой, сумел упрочить монархическую власть, считая высшими ценностями авторитет престола и любовь к славе. Его амбиции были сродни духу эпохи, а миф о Фридрихе I навсегда связал его имя с идеей германского величия.

Последующие неудачи многих суверенов Священной германо-римской империи породили мечты немцев о мировом властелине, который вернул бы страну в золотой век. С тех пор имя Фридриха Барбароссы стали связывать с немецким национализмом.

Книга предлагается широкому кругу читателей.

ISBN 5-222-00366-3

ББК 63.3(03)

© Перевод: Редичкина Т.Н.,
1998.

© Оформление: издательство
«Феникс», 1998.

Посвящается
Франсуазе и Жан-Пьеру

Предисловие

Многие современные историки, в том числе и самые авторитетные, считают, что биография – это ложноисторический жанр, приписывающий деятельности отдельного человека заслуги, которых он не смог бы добиться без содействия многих других людей и без помощи обстоятельств, которые в иных ситуациях были бы ему неподвластны. По их мнению, единственно правдивой может быть лишь история людей в сообществе, когда поведение их «обусловлено» совокупностью элементов экономического, интеллектуального, духовного и политического порядка.

Такая интерпретация истории может считаться совершенно точной лишь при условии, что мы не будем впадать в догматизм и настаивать на тезисе, будто единственно представляющим интерес является изучение «элементов, обуславливающих человеческие поступки», среди которых первоочередную роль всегда играли факторы, так или иначе связанные с экономикой. Это означало бы, что мы забываем о самих людях или что они тогда только представляют ценность, когда их можно изобразить в виде кривых на графиках; это означало бы также, что они нам интересны лишь в той мере, в которой стараются удовлетворить собственные материальные потребности, либо могут быть нами включены в псевдо-математическое воссоздание прошлого. Человек, представленный исключительно биологически или механически (операции по покупке – продаже – движению), как

и человек-цифра (номер — это всего лишь абстракция), совершенно не соответствуют реальности.

История с большой буквы — речь идет о ней — является «глобальным знанием», состоящим из экономических обстоятельств, духовных устремлений, интеллектуальной моды, верований, мечтаний, доктрин, страстей, амбиций и мифов, представляющих собой совокупность материальных фактов, идей и чувств, которые в любую эпоху формируют мышление людей и определяют их взаимоотношения. История, выстроенная таким образом, чрезвычайно сложна. Чтобы быть понятой, она должна быть подвержена, подобно живому существу, множеству испытаний; каждая из слагающих ее тканей должна быть доверена микроскопу специалиста, изучать ее следует по различным и многочисленным срезам. То, что из этих срезов наиболее интересным является тот, что связан с экономикой и ее глубинными структурами, сомнений не вызывает. Но есть и иные направления в исторических исследованиях.

Небезынтересен и политический срез, но при условии, что мы возьмемся за его рассмотрение после экономического и духовного анализа. По сравнению с ними политический срез намного шире, даже если и не настолько глубок, что делает возможным синтетический подход к его изучению. Именно таким образом история, так сказать, «событийная» после ее составления сможет удачно дополнить историю «структурную» и постоянно продвигать ее развитие дальше. Так же дело обстоит и с биографией — хоть это и несколько особый жанр, ибо ее основная ценность заключается в том, что позволяет нам изучить одного человека, приняв его психологию и мышление как свидетельство его эпохи. А если этот человек к тому же совершил какое-либо важное деяние, то итог его деятельности позволит лучше понять переменчивую и

сложную игру обстоятельств, имевших место в соответствующее время.

По всем этим причинам книга о личности, жизни и деяниях Фридриха Барбароссы должна представлять подлинный интерес, так как персонаж этот довольно хорошо представляет германское рыцарское общество XII века. К тому же он наилучшим образом выразил имперский идеал и понял ситуацию и стремления Германии и Италии к его достижению. Наконец, он осуществил задачу, проясняющую положение крупного государственного деятеля с его возможностями и бессилием перед реальными процессами истории, о которой нельзя умолчать. Все это и навело меня на мысль о труде, к которому я был подготовлен моими предыдущими исследованиями о папе Александре III и короле Людовике VII.

Эта книга, как более скромная работа, написана на основе серьезного знания источников и раздумий над немецкими трудами, посвященными Барбароссе, Штауфенам и средневековой Империи.

Однако мне сложно было бы написать эту книгу, если бы я постоянно не обращался за помощью к некому документу, наилучшим образом представляющему историю императоров XII и XIII веков, а именно — к курсу, который когда-то читал в Сорбонне Ш.Э. Перрен и который был опубликован в машинописном виде Центром университетской документации.

Таким образом, эта научно-популярная книга имеет своей целью дать всего лишь некую информацию образованным читателям и вызвать у них интерес к истории Германии и Италии — без сомнения самому яркому периоду развития Европы в средние века.

ГЛАВА I

Империя в 1152 году

4 марта 1152 года немецкие принцы, собравшиеся во Франкфурте, избрали королем Германии и королем Священной Римской империи герцога Швабии Фридриха Гогенштауфена, более известного в истории под именем Фридриха I Барбароссы. Наследуя своему дяде Конраду III, скончавшемуся в Бамберге 15 февраля того же года, этот персонаж получал доступ к Империи, поскольку это избрание давало ему императорскую власть, однако сам титул можно было носить только после торжественной коронации папой римским.

Чем же была эта империя, которую историки именуют романо-германской и которая, будучи по существу средневековым учреждением, должна была просуществовать до того дня, когда Наполеон I, воссоединивший Германию, перешедшую под его контроль, посчитал необходимым для собственного величия ее упразднить (6 августа 1806 года)? Термин империя требует пояснения: в области всеобщей истории он выражает одновременно и идею, и идеал.

Идея состояла в объединении в одну политическую организацию народов, принадлежащих к одной и той же цивилизации. Так, в античном мире была империя Александра Македонского и особенно Римская империя, первая распространяла сияние эллинизма, вторая основывалась на благодеяниях романского мира, считавшихся неценимыми и незаменимыми. В раннем средневековье была империя Карла

Великого, вдохновлявшаяся христианством и насквозь пропитанная им.

Ближе к нашим временам была империя Наполеона I, теоретически основывавшаяся на философских концепциях Революции 1789 года, затем британская и французская колониальные империи, распространившие в мире язык, мысль и культуру английской монархии и Французской республики.

Идеал империи заключался в идее, в том смысле, что идея обладала внутренним динамизмом, толкавшим ее к максимальной самореализации. Целью любой империи всегда было распространение в наибольших масштабах как в душах и сердцах, так и в территориальном плане определяющих ее принципов цивилизации. Таким образом, само это понятие вело к экспансии и завоеваниям, тогда как идеал требовал, чтобы народы, подчиненные этим учреждением или допущенные в него, для достижения наибольшей выгоды от всеобщего согласия строго подчинялись его законам и не ставили под сомнение верховную власть императора. С этой точки зрения империя представляется как мощная держава. Во всяком случае, таковы устойчивые амбиции весьма сильной власти.

Средневековая империя полностью отвечает этой характеристике. Если поддерживающая ее идея не всегда четко прослеживается, то представляемый ею идеал – одновременно единство и мощь – оказывает на претендующих на корону принцев необыкновенно завораживающее действие. Здесь иногда предстаешь то ли перед мифом, то ли перед реальностью, рядом с историей обнаруживаешь легенду, проникаешь больше в мечты, нежели в честолюбие, а в мистику больше, чем в религию.

Империя, созданная Карлом Великим в 800 году, предстала как реставрация Римской империи, потому что воспоминания о триумфальных успехах последней

оставались живыми в некоторых интеллектуальных кругах. Действительно, она базировалась сначала на латинском христианстве: империя Каролингов, лежащая на территории Франции, северной и центральной Италии, на севере Испании и в Германии, территориально соответствовала католическому Западу, за исключением островов. Когда в результате завоеваний она расширилась, в частности, за счет Саксонии, ее первой задачей стало обращение в свою веру жителей новоприобретенных земель. Наконец, правительство империи оказало огромную помощь Церкви в более глубоком внедрении обязательной веры в массы всех своих подданных. Что же касается власти, то Карл Великий весьма постарался сделать ее более действенной.

Конечно же, ему это не удалось ввиду экономических условий того времени и невозможности действительно контролировать такие обширные территории. Но Карл Великий прочно укрепил в сознании современников понятие Запада, несмотря ни на что представляющего единое целое и носящее однородный характер по сравнению с Византийской империей, которая на Востоке переплавляла в греческой форме для литья *pars orientalis* старой *Romanitas* и в отношении религии все больше отделялась от римской церкви, чье поле деятельности ограничивалось землями Запада.

Под воздействием множества причин: людских разногласий, подъема земельной аристократии, углубления разрыва между идеей и реальностью, вторжений норманнов и сарацин империя Каролингов пала. В 888 году она практически перестала существовать; в 924 году последний император из династии, основанной Карлом Великим, скончался, не оставив преемника.

Идея империи, однако, не умерла. Это стало ясно в 962 году, когда король Германии Оттон Великий, прочно закрепив монархическую власть в Германии,

достигнув признания своего авторитета после победы над венграми (955 г.) и положив конец угрозе разрушений, которую в течение многих десятилетий представлял этот народ для Запада, наконец, найдя способ и случай выступить в роли арбитра при разрешении итальянских проблем в самом Риме, взял себе императорский титул и заставил папу короновать себя императором. При этом он выдвигал на первый план доктрину и идеал, основанные одновременно на христианстве и стремлении к экспансии. Он восстановил империю, названную впоследствии историками романо-германской, и которую современники Оттона, как и современники Карла Великого, называли просто империей.

С 962 по 1152 гг. десять властителей один за другим сменились на этом престоле. Сначала были три Оттона: основатель империи Оттон I Великий (король Германии с 936, император с 962 по 973 гг.), его сын Оттон II (973–983 гг.), его внук Оттон III (983–1002 гг.). Потом настала очередь правнука отца Оттона I, Баварского герцога Генриха II (1002–1024 гг.), после которого пошли франкские (или салические) императоры: Конрад II (1024–1039 гг.), Генрих III (1039–1056 гг.), Генрих IV (1056–1106 гг.), Генрих V (1106–1125 гг.). Затем трон поочередно доставался Саксонскому герцогу Лотарю III Суплинбургскому (1125–1137 гг.) и Конраду III Гогенштауфену (1138–1152 гг.).

Все эти сто девяносто лет империя территориально оставалась германской и римской, то есть немецкой и итальянской. Она включала Германское королевство, которое простиралось примерно от Шельды и Мааса до славянских земель за Лабой и Заале, от Северного моря, Эйдера и Балтики до Альп, и Итальянское королевство, которое занимало север и центр полуострова до границ папских земель. Кроме того,

ГЕРМАНИЯ ОКОЛО 1150 ГОДА

1. Герцогство Саксонское.
2. Герцогство Богемское.
3. Герцогство Швабское.
4. Герцогство Баварское.
5. Герцогство Верхняя Лотарингия.
6. Герцогство Нижняя Лотарингия.
7. Герцогство Каринтийское.
8. Северная марка.
9. Лужицкая марка.
10. Мисльенская марка.
11. Австрийская марка.
12. Графство Гольштейнское.
13. Ландграфство Тюрингское.
14. Франкония (различные графства).

в нее входило Бургундское королевство (Западная Швейцария, Франш-Конте, регионы, расположенные между Роной и Альпами до Средиземного моря), присоединенное к империи в 1038 году. Наконец, она пыталась при каждом удобном случае упрочить свою власть и в других итальянских землях. Но ей так никогда и не удалось установить свое господство в иных регионах.

Во всяком случае, наряду с этими достижениями, игры честолюбия и воображения относительно расширения империи никогда не прекращались. Следовательно в эти годы и даже в середине XII века еще вполне могли разрабатываться многие имперские концепции.

Первая из них соответствовала политической и географической ситуации, не оставляя места мифу: империя была германской, так как выражение *Imperium Teutonicorum* появилось в первый и единственный раз именно в эпоху Фридриха Барбароссы. Многие императоры XI–XII веков мечтали об этом. По их представлениям, имперская власть прочно опиралась на мощь Германского королевства и прежде всего должна была приносить выгоду Германии. Однако это не означало, что империя территориально ограничивалась только этой страной. Совершенно естественно – ведь это была империя – ей надо было включить в себя Италию или, по крайней мере, Итальянское королевство. Необходимо было достичь господства на полуострове, даже если это требовало огромных усилий, а господство это истощало ресурсы и резервы Германии. В этом случае в зависимости от того, кто находился у власти, от прочих обстоятельств, сопутствовавших одному и тому же правлению, Германия могла перестать быть главным звеном империи, уступив эту миссию Италии. Точнее сказать, императоры, опираясь на Германию и ощущая свою

связь с ней, будучи Германскими королями, могли для достижения этой цели, которую считали себя обязанными преследовать, а именно: крепко держаться за полуостров, даже поставить немецкую державу на службу итальянской политике, которая в этом случае становилась имперским делом.

Может быть, эта германо-итальянская концепция содержала в себе тщеславное намерение распространить империю на весь христианский Запад, как это некогда сделал Карл Великий. Во всяком случае четко выделить это намерение в развитии политических событий нелегко. Как бы то ни было, присоединение Бургундского королевства в 1038 году обнаруживало желание объединить под эгидой одного императора три скипетра из оставшихся после раздела владений Каролингов.

Что до четвертого скипетра – французского – то откуда нам знать, не мечтал ли о нем еще какой-нибудь император?

Возможно, Отгон Великий, вмешавшись непосредственно в династические споры потомков Карла и Роберта, думал о контроле над Французским королевством, но не похоже, чтобы он мечтал стать королем Франции. Однако это не мешало возникновению время от времени требования суверенитета над всеми христианскими землями Западной Европы, требования, которое подпитывалось воспоминаниями и легендами о Карле Великом. Это выразилось в несколько пренебрежительных определениях типа *regulus* – королек, которыми иногда именовали других монархов.

В правление Генриха IV, Бензон, епископ Альбский, пламенный защитник императора, выделял его из «провинциальных корольков». В эпоху же Барбароссы нормандский клирик Этьен Руанский, монах из монастыря в Ле Бек, представлял монарха как

законного наследника Каролингов, а потомка Капетингов считал узурпатором.

Тем не менее, эта западная идея об империи оставалась очень смутной, так как единственная ссылка на деяния Карла Великого была сделана не столько для утверждения европейской юрисдикции, сколько для прославления достижений Каролингов и германцев. Законным преемником Карла Великого объявлялся германский император, поскольку в 962 году реальная власть на Западе была у немцев. Около 1150 года *Kaiserchronik*, труд, составленный на баварском наречии, пересказал без всякой последовательности историю императоров от Августа до Конрада III, в которой утверждалось, что римляне сами отказались от права назначать императора сначала в пользу франков, затем в пользу германцев, и все это, как вскоре стал утверждать писатель Оттон из Фрейзинга, совершалось по воле Провидения.

Но ничто в этих заявлениях и объяснениях не указывало точно и ясно на прямое господство германцев над всем Западом и, в частности, над Французским королевством. Однако все свидетельствовало о том, что германский император был самым авторитетным и самым могущественным властителем, первым среди западных принцев.

Если где и просматривалось явное стремление к более весомой власти, так это в мечте о всемирной Империи. Это и была, наряду с германской идеей, самая интересная форма, в рамках которой задумывался в средние века имперский организм. Более того, единственный император-предшественник Фридриха Барбароссы, а именно Оттон III, воцарившийся уже не в Германии, а в Риме, наилучшим образом выразил эту универсалистскую программу, и все или почти все остальные в какой-то момент почувствовали в глубине души задор этой величайшей страстной мечты.

Мечта эта, которая так мечтой и осталась, основывалась на желании объединения всего христианского мира под императорским скипетром, то есть одновременным владычеством над всем Западом и всем Востоком. Оттон III, сын германского императора, а по материнской линии внук императора византийского, однажды в необыкновенном порыве, политическом и мистическом одновременно, стал претендовать на управление обеими империями. Послание, адресованное ему и переданное нам Одилоном, аббатом Клуни, достаточно ясно демонстрирует это стремление владеть всем христианским миром вместе с желанием защищать этот мир от неверных:

«Пусть славянин ворчит, а венгр скрежещет зубами; пусть грек остолбенеет и сарацин в смущении ударится в бегство; пусть африканцы платят дань, а испанец молит о помощи. Пусть Бургундия чтит императора и поклоняется ему, а Аквитания радостно устремляется ему навстречу. Пусть вся Галлия скажет: «Кто слышал о подобном?» И итальянский народ, воздев руки кверху, воскликнет: «Богом клянемся, се есть единственный сын кесаря Оттон Великий».

Конечно, Оттон III так никогда и не осуществил свою мечту. В самой Италии он натолкнулся на очень сильное сопротивление.

Скончался он преждевременно, неудача его была очевидной.

Однако задуманная им идея пережила его. Она привела некоторых, по крайней мере немецких монархов, к тому, что они отказались считать византийского суверена настоящим императором и вознамерились подчинить его своему влиянию.

Дело в том, что универсализм опирался не только на мысль об укреплении христианского единства, но также на воспоминания о Римской империи, восстановление которой, как считают некоторые авторы,

предпринял Карл Великий и которая представлялась как историческое воплощение идеи мирового господства. Впрочем, во время правления Оттона III это выразилось в переезде императора и его двора в Рим, объявленный в грамоте, датированной 1001 годом, «столицей мира». В дальнейшем почти все императоры в свою очередь считали, что Вечный город является их настоящей метрополией, даже если они и не пребывали там постоянно. И все же такая концепция роли Рима не всегда свидетельствовала о поисках путей к созданию Мировой империи. Она в действительности означала лишь желание управлять всей Италией. В этом естественная и настоятельно необходимая программа любого романо-германского суверена сходилась с идеалом полной и всеобщей суверенности, и каждый раз трудно было определить в этом долю политического реализма и долю фантазии.

Такое же затруднение испытываешь и при констатации того, что универсализм, если он представлялся как поиск согласия всех народов находиться под одной и той же властью, как бы лишенной национальной принадлежности, стремился к самоосуществлению через усиление германского давления на другие группы народов.

Поэтому здесь невозможно установить, в какой мере претензии на мировое господство служили лишь маскировкой простого желания расширить границы германской державы.

Все это подводит нас к необходимости признать, что в этих понятиях доктрина и идеал постоянно смешивались. Зато на практике позиция германских императоров X, XI и XII веков была гораздо проще. Все, кроме Оттона III, считали, что их империя состояла из Германии и Италии, расширенных за счет Бургундии, даже если им нередко случалось мечтать о более внушительных достижениях и претендовать на более значительное господство.

Империя была по сути германской еще и благодаря системе, согласно которой принц мог получить доступ к титулу императора, а именно системе, основанной на выборности.

В этом-то и состоял принцип, который в сущности не был чисто немецким и который, кроме того, не мог быть порожден каролингским строем, поскольку строй этот базировался, прежде всего, на законах наследственности. Некоторые историки считают, что этот принцип возник из желания подражать римлянам античной эпохи. Но такое объяснение полностью опровергается фактами. С одной стороны, римские императоры, действительно, никогда не избирались; если же власть не могла быть передана по наследству, то преемник провозглашался народом или армией. С другой стороны, в средние века речь шла о назначении не германского императора, а всего лишь короля Германии. Так происходило потому, что, как и во Франции в эту же эпоху, королевская власть была слишком слабой, чтобы строго придерживаться правил преемственности власти, и в тот момент, когда на повестке дня встал вопрос о престолонаследии, все влиятельные особы были, естественно, призваны решить этот вопрос путем избрания преемника.

Действительно, выборная система существовала уже во времена упадка династии Каролингов. В 879 году Бозон, лицо постороннее для династии, заставил как церковную, так и светскую знать, собравшуюся в Мантай, провозгласить его королем Прованса. В декабре 884 года, после смерти Карломана, внука Карла Лысого, самые крупные и богатые землевладельцы призвали на французский трон короля Германии, потомка Каролингов по прямой линии, Карла Толстого. В 888 году, после его кончины, они остановили свой выбор на Эде, графе Парижском, сыне Роберта Сильного и первом представителе потомков Роберта,

известных с 987 года под именем Капетингов. И наконец в 887 году аристократия Германии свергла Карла Толстого с германского престола, чтобы посадить туда Арнольда Каринтийского. Таким образом, уже в конце IX века все монархи Запада оказались в зависимости от аристократии, сосредоточившей в своих руках земельные владения и военную силу. И в Германии, и во Франции короли выбирались.

Но в то время как во Франции в течение XI века эта практика выборов претерпела изменения и в XII веке вновь восстановились прежние традиции наследственной власти, в Германии все обстояло иначе.

Если трон был вакантным, германская знать собиралась на ассамблею, чаще всего где-нибудь во Франконии, и приступала к выборам. Это собрание, возглавляемое архиепископом Майнцским, объединяло так называемых принцев: с одной стороны, духовная верхушка, то есть архиепископы, епископы, аббаты королевских монастырей; с другой – светские лица, а именно герцоги, маркграфы и графы. Так как согласно традиции монарх должен быть избран единогласно, то для достижения полного согласия проводился ряд подготовительных собраний. А затем уже торжественно приступали к выборам, в ходе которых каждый принц излагал свое мнение в соответствии с четко определенным порядком старшинства – сначала духовные лица, затем светские по герцогствам – и строго по тексту: *«Ego eligo N in dominum et regem atque rectorem et defensorem patriae»*:

«Избираю N господином, королем, главой и защитником страны».

В 1125 году, чтобы разом покончить с притязаниями салической династии, процедуру усовершенствовали – хотя как знать, не возвращались ли в дальнейшем к старой форме выборов; принцы четырех главных герцогств должны были избрать десять

великих электоров, которые затем договаривались и выдвигали от имени каждой из своих земель одного кандидата. Затем они путем голосования выбирали одного из этих кандидатов, и такая система позволяла пойти навстречу претенденту, поддерживаемому сторонниками ранее правившего семейства, а следовательно, и тенденциям в пользу передачи короны по наследству, что подтверждалось видимостью голосования.

Эта церемония, все участники которой были немцы, назначала короля Германии, подвергавшегося затем помазанию и коронованию, чаще всего в Ахене, архиепископом Кельнским, которому ассистировали его коллеги из Майнца и Трира. Но избранник, как правило, не носил титула, определенно относившегося к Германии. Некоторые авторы хроник называют его иногда *rex teutonicorum* (король немцев); ему случалось самого себя именовать *rex francorum* (король франков), чтобы напомнить о родственных связях с Каролингами, но для своих подданных он был просто *rex*. Зато сразу после назначения он получал титул, который далеко превосходил немецкие реалии и указывал на мечты об империи, а именно — титул короля римлян. Этим самым он действительно давал понять, что является сувереном этого «королевства римлян», то есть империи, включавшей королевства Германии, Италии и Бургундии. Он законным путем становился монархом этих трех стран с правом, если считал это необходимым, короноваться королем Италии и королем Бургундии отдельно, как и Германии, хотя миропомазание архиепископом Кельнским в момент коронации его королем римлян в принципе освобождало его от двух других подобных церемоний. Однако эта священная процедура не давала ему титула императора. Чтобы иметь право носить его официально, нужно было короноваться в Риме у папы. Только тогда он становился императором.

Таков был режим перехода к империи, который свято почитался германской знатью и в котором римский

первосвященник играл выдающуюся роль. Беспрекословно соблюдаемый со времен Оттона Великого порядок этот, однако, требовал пересмотра. В самом деле, в середине XII века, как и до этого, против такого режима могло быть три возражения.

Первое состояло в опасении появления императоров, которые захотят подменить выборность наследованием, с тем чтобы однажды основать династию и изменить выборную систему. С 962 по 1125 годы монархи неоднократно пытались провести в жизнь такое изменение – если не юридически, то хотя бы фактически. За эту задачу брались Оттон Великий, потом Оттон II, но их попытки провалились в связи с преждевременной кончиной Оттона III. Затем представители франконской династии вновь вроде бы добились желаемого, так как в течение целого века (1024–1125 гг.) сыновья их наследовали отцам.

Не ставя под вопрос выборные привилегии принцев, каждый король этой династии старался обеспечить успех своему сыну на выборах еще при жизни. В 1026 году именно так Конрад II добился назначения Генриха III, который в свою очередь организовал в 1052 г. избрание Генриха IV, бывшего в тот момент еще ребенком, а тот в 1099 году сделал то же самое для Генриха V.

Таким образом, в эту эпоху наследственная власть пыталась войти в обычай в сочетании с выборностью подобно тому, как в то же время делалось во Франции. Более того, электоры, в основном, оставались приверженцами другой традиции, восходящей к древним германским верованиям, согласно которой монарха следовало выбирать в определенных семейных династиях, пользующихся священным авторитетом, и, следовательно, более способных к руководству. Наконец, допускалось, что король на смертном одре мог обратить внимание принцев на то лицо, которому он

передавал знаки королевской власти. Такой опыт также способствовал усилению стремлений к наследственной власти. Но все же к концу правления Генриха V (1125 г.) выборная система вновь обрела силу. В тот год, а потом в 1138 году, после смерти Лотаря III, принцы даже отказались избрать того, кому император перед смертью доверил символы монаршей власти.

Второе возражение могло относиться к самим электорам в связи с римским характером империи, требовавшим, чтобы юридически голосование проводилось среди жителей Рима, которым некогда принадлежало право провозглашать *princeps*, а уж никак не среди немецких прелатов и знати. Именно этот тезис в интересующем нас 1152 году провозгласил один из публицистов Вечного города самым категоричным образом: «Поскольку вся власть, — писал он, — все достоинство государства находятся в руках римлян, поскольку император зависит от римлян, а не римляне от императора, то какой закон, какое соображение могли бы запретить сенату и народу самим выбрать императора?» Тем не менее, если универсалистская политика Оттона III в прошлом дала какую-то юридическую силу этим теориям, то необходимо признать, что они так и не стали ничем большим, нежели требованиями граждан бывшей столицы, и ни при каких обстоятельствах не имели ни малейшего шанса на осуществление.

Третье возражение против режима избрания немецкими принцами могло быть выдвинуто Святым престолом, ибо поскольку избранник имел право на императорский титул только после коронации папой, то нельзя ли из этого сделать вывод, что именно папа «делает» императора императором? Согласно этой доктрине, электоры якобы только представляют данное лицо вниманию верховного первосвященника, за которым остается право надеть или нет на голову

избранника высшую корону. Во время борьбы за инвеституру Григорий VII сверг Генриха VI и признал в пику ему королем римлян и кандидатом на главу империи его соперника Рудольфа Швабского. Таким образом, он использовал или хотел показать, что использует свой авторитет и власть, которые давали ему право юрисдикции в вопросах императорской власти. Впрочем, претензии эти были сформулированы только в этой связи. Тем не менее, были писцы, ярые сторонники папской власти, попытавшиеся выразить в хрониках мысли, ставшие венцом этой важнейшей идеи. В них в самом деле содержалось очень серьезное возражение против выборного принципа, который являлся постоянной угрозой величию империи.

Если, отвлекшись от анализа доктрин и учреждений, мы обратимся к политической ситуации в 1152 году, то прежде всего столкнемся именно с этой угрозой. Ибо в тот год империя была весьма ослаблена.

Основной причиной такого положения явилось то потрясение, которое она испытала из-за конфликта в связи с инвеститурами.

Действительно, с 1075 по 1122 гг. Генрих IV и Генрих V всерьез столкнулись с властью папы. Желая как следует реформировать обычаи духовенства и глубже укоренить в душах верующих заветы христианства, папы пришли к необходимости запретить королям посвящать в сан епископов через передачу им посоха и перстня, то есть вмешиваться в вопросы назначения иерархов, раздавая епископские должности по собственному усмотрению. С одной стороны, это вмешательство рассматривалось монархами как посягательство на одно из их исконных прав – право инвеституры, то есть вручения регалий, с другой стороны, в Германии со времен Оттона Великого монархия была сильна своим тесным сотрудничеством с епископатом, которому она позволяла править населением на местах,

епископат же, в свою очередь, требовал, чтобы король постоянно держал под контролем назначение епископов, которых он подбирал с расчетом на сотрудничество с ним, поскольку их функции, кои невозможно было передать по наследству, при каждой новой вакансии возвращались в распоряжение монарха. Следовательно, императоры никак не могли в этом уступить папе. Если бы Генрих IV серьезно взялся за разработку реформы вместе с папой, может быть, ему и удалось бы избежать конфликта, но в политическом плане он не мог принять программу канонической реставрации, ставившей под сомнение то, что он считал своим правом.

Так началась чрезвычайно тяжелая борьба, закончившаяся в 1122 году компромиссом: Вормским конкордатом. Король Германии отказывался от попыток непосредственно влиять на назначение епископов и аббатов, которые отныне должны были избираться путем свободного голосования духовных лиц в его присутствии, а вновь избранный прелат должен был поклясться ему в верности — что давало королю возможность при случае отозвать избранного, то есть настоять на новых выборах, а также право быть арбитром в случае разногласий между электорами, — только после клятвы верности королю высший из архиепископов посвящал нового избранника в сан. Следовательно, это соглашение сохраняло за монархом прерогативу контролировать действия назначенного лица, именно поэтому самые ревностные сторонники папской власти рассматривали его как полупоражение. Однако в действительности оно могло разрушить систему, разработанную Оттоном Великим, ибо монарху трудно было отвести кандидатуру, мало заботящуюся о делах венценосца, а больше радеющую о защите собственных интересов, но которую не в чем было бы упрекнуть по части добродетели, познаний и соответствия сану.

Соглашение вело к явному ослаблению империи, тем более что в связи с конфликтом по поводу отлучения от церкви Генриха IV и Генриха V, к тому же еще свержения с престола первого из них, императорский авторитет сильно пострадал, тогда как авторитет папы заметно возрос.

Ослабление империи сказалось в первой половине XII века в трех направлениях.

С одной стороны, воспользовавшись сопротивлением многих немецких епископов Генриху V, возражавших против скандально-авантюрной политики в отношении папы и просто-напросто желавших мира, или проникшихся идеями реформаторов, папские легаты получили возможность вмешиваться в назначения епископов, например, подменяя собой юрисдикцию высших архиепископов на основании полномочий, данных им папой.

Благодаря такому обновленному епископату они в дальнейшем получили право заниматься выборами монархов. В 1125 году архиепископ Майнцкий Адальберт по договоренности с двумя представителями Святого престола добился того, что принцы отвергли кандидатуру Фридриха Гогенштауфена, которому его дядя Генрих V перед самой смертью доверил знаки королевской власти.

Ловко выдвинув избирательный принцип, который франконская династия практически свела на нет, Адальберт сумел добиться назначения монархом человека, достигшего шестидесятилетнего возраста, к тому же не имевшего сына, а только дочь Гертруду.

7 марта 1138 года, через три месяца после кончины этого монарха повторилась та же интрига, но на сей раз аристократия уже больше была настроена на выборную систему и против кандидата, предложенного умершим, — его зятя Генриха Гордого: кардинал-легат Теодуин и архиепископ Трира Альберон

добились избрания Конрада Гогенштауфена, брата Фридриха, отвергнутого в 1125 году.

Более того, в эти годы влияние папы римского стало весьма очевидным. Поэтому-то слабый Лотарь в момент своего избрания обязался предоставить духовенству полную свободу в назначении епископов, отказаться от любого вмешательства в случае разногласий, а также принимать клятву вновь избранных прелатов после их посвящения в сан. После встречи с папой Иннокентием II в Льеже в 1131 году он подчинился правилам такого протокола, чем подтвердил свое послушание. И главное, в момент своей коронации императором в 1133 году он не возразил словам папы, сказавшего, что он «дарует ему титул императора во всей его полноте», согласился заказать в Латране фреску, изображавшую эту церемонию, на которой глава римской церкви восседает на своем троне, а император преклоняет перед ним колени, и вся эта сцена объясняется двумя латинскими стихами, гласящими, что «король стал вассалом папы и получил от него корону». Таким образом, четко обозначилась претензия папы на то, чтобы «делать короля императором», даже если такая претензия и не опиралась на целый ряд обоснованных доводов.

С другой стороны, происки римской церкви сильно осложнили внутренние раздоры Германии. Уже при Генрихе IV и Генрихе V многие принцы выступали против короля. После выборов 1125 года это противостояние приобрело еще более суровый характер в связи с тем, что Фридрих Гогенштауфен без колебаний применил силу. С помощью знати Швабии, Франконии, Австрии и нижней Лотарингии он сначала добился успеха и — в пику Лотарю — назначения королем своего брата Конрада. Но через несколько лет он потерпел поражение от монаршего зятя Генриха Гордого, потомка Вельфов из

Баварии. В 1138 году, когда игрой случая папа и епископы остановили свой выбор на Конраде, тут уже настала очередь Вельфов не согласиться. Германия разделилась на два лагеря. Эта гражданская чисто немецкая война ослабляла империю.

Наконец, завершение борьбы за инвеституру и папская политика после 1125 года подорвали императорские позиции в Италии.

Генрих V для большей свободы действий на полуострове предоставил городам «свободы», которых они прежде не имели. От этого усилились настроения расчленения, и более того, тенденции к раздробленности путем образования мелких самостоятельных «государств» (княжеств, поместий, коммун).

Святой престол, обеспокоенный тем, чтобы власть императора была не слишком сильной в стране, где находился он сам, беспрестанно поддерживал эти тенденции, даже если иной раз он сам в Риме рисковал оказаться их жертвой.

Таким образом, из-за избирательной системы, подорванной вследствие непрерывной деятельности папы, а также в результате немецких раздоров и итальянских стремлений к эмансипации, империя в 1152 году оказалась ослабленной. Впрочем, она и не располагала настоящими ресурсами, присущими империи, для преодоления этого кризиса, разве что авторитетом учреждения, который оставался весьма значительным. Император – если он владел как император какими-либо поместьями в Германии и Италии, но поместья эти не являлись солидными земельными владениями – не имел в своем распоряжении серьезной администрации. Он назначал канцлера – обязательно из духовенства, который был его главным советником и руководил службами, на которые возлагались обязанности составления приказов и писем. Кроме этого ничего не было. Имперская ассамблея

(рейхстаг), на которую собирались принцы, высказывала ему мнение о его намерениях; и она всегда больше мешала ему, чем помогала, так как ей трудно было что-либо предпринять без одобрения самых могущественных ее членов, а это требовало проведения подчас очень тонких переговоров. Кроме того, она обычно состояла из одних немцев; это была германская ассамблея и скорее королевский орган, нежели имперская составляющая власти монарха.

Империя, мощь которой в значительной степени зависела от личных достоинств императора, держалась на этой «реальности», с чертами которой мы сталкиваемся в связи с упоминанием об ассамблее, а именно — на Германском королевстве. Это означает, что разобраться по-настоящему во всем связанном с империей можно только в том случае, если хорошо знаешь Германское государство, а вместе с ним и истинное положение тех стран, которые в него входили.

ГЛАВА II

Германия в середине XII века

В 1152 году Германия была разделена конфликтом между Штауфенами и Вельфами, соперниками, поочередно удачливыми и неудачливыми в борьбе за королевскую и императорскую корону. Если мы сначала сконцентрируем наше внимание на этой борьбе, то сразу обнаружим весьма сложный «факт», который частично освещает внутренние противоречия. Дело в том, что Истории нравится постоянно играть с этой страной, которую всегда было так трудно собрать в единое целое, даже в наше время, и она то выдвигает на первый план какие-либо амбиции, то возрождает грандиозные мечты и демонстрирует самые необыкновенные «жесты»; разрабатывает вдруг то, что никак невозможно, и возводит для себя самые непреодолимые препятствия; странная судьба у этой страны и у этого народа: в средние века, как и в иные времена, под видом униформы, стирающей региональные различия и местные особенности, они полны самым горячим желанием сплоченности, но никогда не достигают подлинного единства.

География, которая никогда впрочем не навязывает событиям полностью определяющего направления, в данном случае не располагает ни к объединению, ни к раздробленности. К северу от Альп находятся плато и равнины, резко ограниченные на западе древними массивами, что составляет довольно однообразный пейзаж, разве что в южных районах и у

подножия древних хребтов рельеф приобретает волнообразный и даже складчатый характер.

Большие долины Рейна и Эльбы устремлены к Северному и Балтийскому морям, и хотя прирейнские и богемские горы образуют преграду, пробиваемую в том же направлении реками Одером и Вислой, никаких явных границ не наблюдается ни на западе, ни тем более на востоке, где обширные ровные пространства устремляются далеко вдаль. Зато климат весьма однороден. Он суров: зимы холодные, летом хоть и жарко, но часто идут дожди. Жизнь с этой точки зрения не представляется ни приятной, ни легкой; она развивает в людях храбрость и выносливость, но также и желание к перемене мест.

Под влиянием такого климата Германия известна как страна лесов, по большей части темных, с разбросанными среди них прогалинами, на которых сосредоточены большие села. Леса эти пересекаются долинами рек, где также расположены населенные пункты, над которыми возвышаются то тут, то там укрепленные замки — бурги, охраняющие местность и контролирующие все пути в округе. Далее на север в лесной чаще все больше обнаруживается просветов; во многих местах ее сменяют пустоши, по которым разбросаны озера, пруды и болота. К 1150 году все это представляло собой область, мало изменившуюся со времен Каролингов, экономика там по-прежнему опиралась на домениальную организацию и сельское хозяйство. Германия — сельская страна; в основном здесь выращивают зерновые культуры, а в некоторых местностях разводят виноградники.

Однако нельзя не отметить в этом описании экономической жизни появления новаторских элементов. С одной стороны, население, насчитывавшее в XI веке на территориях, соответствующих границам 1939 года, 1 миллион жителей, то есть равное населению более

плодородной Англии и малочисленное по сравнению с Францией (6 миллионов), в 1100-е годы начинает постоянно увеличиваться (примерно 3% в год). В лесах, которые начинают вырубать, появляются новые деревни. А главное – на обжитых пространствах людей становится слишком много и они селятся в других местах, например на востоке, отвоеванном принцами у славян. В то же время начинается интенсивный рост городов внутри страны, располагающей не только крупными реками, но и другими удобными путями. Оживляется долина Дуная. На юге развиваются торговые отношения с Италией. Они поддерживаются, прежде всего, по Бреннеру, а также по Мальвии. Для большей надежности в 1027 году по Веронскому соглашению между епископальным центром в Бриксене, графствами Триентским и Больцано вся верхняя область, расположенная между этим городом и северным берегом озера Комо, перешла в распоряжение герцогства Баварского. Таким образом, некоторые города уже напрямую были связаны с торговлей на полуострове, чем прежде всего воспользовались Ратисбони (Регенсбург), затем Нюрнберг, сами непосредственно установившие торговые отношения с Рейном, остающимся, по свидетельству хроники Оттона из Фрейзинга за 1150 год, главным полюсом «жизнедеятельности королевства» (*vis maxima regni*). Из центральных, западных и северных областей в 1100-е годы норвежские, фризские, фламандские купцы съезжаются в Кельн. Первые немецкие купцы появляются вскоре после этой даты; они прибывают из Кельна, Бремена, Тиля (на юг от Утрехта), Бардовика (на Эльбе); первые два из этих городов развиваются весьма интенсивно, что, естественно, снижает активность третьего. Немцы встречаются и на внешних рынках, в Висбю на острове Готланд (в Балтийском море), население которого

состоит, главным образом, из германцев, в Шлезвиге, принадлежащем Дании, и даже в Лондоне. Они в основном торгуют винами со среднего Рейна и из Эльзаса, сушеной рыбой из Скандинавии и фландрскими медью и серебром из Гарца, поставляемыми из Магдебурга (северо-восточная часть этого массива) в Кельн по большому тракту восток-запад, который проходит через активные торговые центры Гослар, Зост и Дортмунд, и наконец, солью из копей Люнебурга.

Все это, однако, не очень способствовало объединению. Германия не являлась единственной страной с континентальным климатом и по преимуществу сельскохозяйственной экономикой. Что же до факторов, оживляющих жизнь в стране, то они могли действовать в любом направлении. Напротив, история, творимая, в основном, людьми, часто действовала в пользу однородности нации и придавала ее стране самобытность.

Германия никогда не подвергалась основательной романизации, за исключением ее западной части между Рейном и Маасом; впрочем, римляне, ухватившиеся за эти области и сделав Трир одной из своих главных метрополий, относительно мало повлияли на них, особенно в духовно-интеллектуальном смысле. После исчезновения империи, отчасти вызванном вторжением народов, пришедших из-за Рейна, «германская закваска» укоренилась еще прочнее. Германия приобщилась к христианской религии и оказалась включенной в число земель Каролингов. Но после распада системы, созданной Карлом Великим, она вновь сформировала собственный блок, который было очень легко ограничить со стороны Франции, так как граница проходила чуть западнее от Мааса и пересекала его в районе Мезьер, проходя далее по Шельде до места ее впадения в море.

Таким образом были определены области королевства, простирающиеся за пределы указанных границ,

но уже по эту сторону Альп, с населением, которое в большинстве своем говорило на германском наречии. Эта языковая однородность, которую течение истории не нарушило, сохранив, однако, некоторые диалектические нюансы, а в некоторых районах — целые группы населения, говорящие на славянских (в Лужицкой, Мисьненской областях, в Богемии) или романских наречиях (в Ретской области, в Тироле, в Лотарингии), являлась основным и самым мощным объединяющим фактором. Само название Дойчланд — немецкое наименование Германии — напоминает о том, что это страна *Diutischiu*, выражение, которое на древнегерманском языке определяет народный говор.

С давних времен поселившиеся на землях к востоку от Рейна и к северу от Альп германские народы впоследствии заняли и германизировали соседние области: край между Рейном и Маасом, пограничные округа-марки за пределами Баварии для защиты ее с востока и юго-востока — Австрию (*Österreich*), или Восточное королевство, сформировавшееся к концу X века и объединявшее Штирию, Каринтию, Карниолию, а также графство Тироль и церковное княжество Бриксен. Так уточнились западные пограничные линии Германского королевства, включавшего часть современной Швейцарии к востоку от Рейса, и юго-восточные границы, включавшие герцогство Богемское, соседствующее с Моравией. Зато на востоке и северо-востоке, на территориях, пограничных со славянами, демаркационная линия была не такой четкой; она постоянно менялась в связи с тем, что немцы вели здесь захватнические войны и осуществляли колонизацию новых земель. За Эльбой и Заале продвижение на восток было приостановлено в конце XI века, но возобновилось в 1125 году. Графство Гольштейн стремилось захватить все балтийское побережье; Северная марка (*Nordmark*), доверенная в 1134 году

предприимчивому принцу Альбрехту Балленшгедтскому, по прозвищу Альбрехт Медведь (из дома Асканиев), завладело Бранденбургом; Мисыненская и Лужицкая области, возглавляемые семейством Веттин, достигали Силезии, которая, в свою очередь, принадлежала Польше, христианскому славянскому государству.

Итак, в XII веке Германию привлекала не только Италия, к которой ее толкали имперская мечта и империалистическая реальность; на Германию оказывало воздействие благодаря географии и динамизму ее народов притяжение Востока. На юге она хотела господствовать в силу того, что являлась империей; на востоке желала завоевывать, захватывать, оставлять завоеванное в своем владении: германизировать. В этом заключались ее две главных амбиции. Во всяком случае, следуя им, она могла не бояться дезинтеграции, как и амбиций своих соседей. Славяне занимали оборонительную позицию, а Польское королевство чаще всего соглашалось быть вассалом королевства Германского. Точно также обстояло дело и на севере с Данией. На юге Германия руководила Италией как частью империи. На западе Франция была озабочена другими проблемами, связанными, прежде всего, с отражением внешних попыток — Каталонии и Англии — расчленить ее целостность. В общем, именно в этом отсутствии реальных центробежных сил и внешней угрозы и заключался наилучший исторический шанс для Германии, объединившейся на основе языкового единства и цивилизации, которая родилась из этого единства.

И тем не менее история также сыграла и против этого объединения.

С одной стороны, действительно, самые западные области королевства (Брабант, Геннегау, Голландия) мало интересовались германскими предприятиями и продолжали жить собственной жизнью, ибо судьба их

сложилась вне зависимости от чисто немецкой реальности: эти края при Верденском разделе 843 года не вошли ни в долю Карла Лысого (Франция), ни в долю Людовика Германика (Германия), а были включены вместе с Италией, Провансом и Бургундией в территории, доставшиеся Лотарю, с тем чтобы со временем сформировать северную закраину Лотарингии, включенной в 925 году в тевтонское королевство.

Эти земли не стремились примкнуть к другой политической структуре, а желали вести свое собственное существование, не принимая во внимание, также и по географическим соображениям, самые важные немецкие достижения в южном и восточном направлениях.

С другой стороны, чисто германский гений и общеисторическое развитие ввели в игру два элемента, которые вроде бы могли ослабить сплоченность.

Первый из них исходил, как можно было с большей или меньшей ясностью полагать, от некоей власти, практически трудно определимой, но принадлежащей аристократии, власти того же происхождения и той же природы, что и королевская, возможно, и данная народом, но скорее — власть военачальника над своими воинами.

Итак, в аристократической среде самое важное место было занято теми, кто в X веке, при общем ослаблении центральных органов, сформировал для себя княжества, соответствовавшие — и это было их основополагающей чертой — «этническим группам, отличающимся друг от друга диалектами и юридическими учреждениями» (Ш.Э. Перрен). Так возникли этнические или национальные герцогства (*Stammesherzogtum*) Саксонское, Баварское, Швабское, Франконское и Лотарингское. Германия X века являлась страной, состоящей из пяти этих «государств», воодушевленных ярко выраженным партикуляризмом.

В конце X и XI веков королевская власть яростно старалась ослабить эти разъединяющие силы.

Частично ей удалось установить над ними свой контроль, оставив за собой право инвестировать герцогства, тем более что понятие этнического герцогства к тому времени стерлось и уступило место более простой реалии герцогства территориального или земельного, то есть совокупности территорий, неоднородных по обычаям и правовым основам, но управляемых одним герцогом. Тем не менее, в середине XII века еще существовали герцоги новой формации, отличающиеся от старых герцогов титулами и влиянием. Они правили по собственному усмотрению и руководили многочисленным населением, знатным и незнатным, распоряжаться которым монарх мог лишь через них. Они поддерживали идею общественной власти, осуществляемой коллективно королем и аристократией, и идея эта упрочилась с 1125 года, после того как выборная система вновь вошла в силу.

Однако следует избегать упрощенного подхода. Конечно, германское герцогство сопротивляется унификации, еще больше сопротивляется инертная масса центральной монаршей власти. Но герцогство никогда не выражает желания к дезинтеграции, к отделению, потому что, с одной стороны, связано с коллективной организацией понятием общественной власти, с другой — будучи изначально «этническим» и в дальнейшем оставаясь привязанным к старым традициями и к определенным территориям, оно ввиду всех этих причин остается исконно германским.

К этим же выводам — опасность для королевской власти, ослабление сплоченности, препятствия на пути к реальному союзу, но не угроза полного его распада, разобщения или исчезновения королевства — подводит нас анализ второго элемента, привнесенного историей в Германию середины XII века, а именно: феодализма, который обостряет распри между принцами (Вельфы и Штауфены). Как и во многих других районах Запада,

в Германии в IX и X веках установился феодальный строй, основанный на системе зависимости, связывающей наиболее слабых сеньоров с более сильной знатью, что конкретизировалось в клятвенном обещании верности. Соответственно, крупная знать оказывала протекцию вассалам, получавшим от нее ленные владения взамен обязательства выполнять различные повинности (уплата пошлин, свидетельство в суде, военная помощь). Результатом этого явилось усиление некоторых местных принцев, имеющих многочисленных вассалов, и, следовательно, ослабление королевской власти, не имеющей возможности напрямую распоряжаться всеми людьми, так как не все они находились в непосредственной вассальной зависимости от нее. Более того, общественные функции также имели тенденцию к феодализации, то есть рассматривались как назначения, пожалованные монархом в качестве лена и, следовательно, регламентированные феодальным правом, сводившим практически на нет контроль со стороны короля-сюзерена. Именно так обстояло дело и с городской юрисдикцией, которая первоначально являлась государственной службой местной администрации (графства) от имени центральной власти, а впоследствии стала главным звеном феодальной иерархии. Графство же было леном, который король не мог упразднить.

Однако и здесь не следует слишком омрачать картину. С одной стороны, действительно, благодаря деятельности Оттона Великого понятие государства и общественной власти сохранялось в Германии гораздо дольше, чем в соседних странах. За королем продолжали признавать его собственную власть, которую чувствовали и все подданные. Всюду допускались и местные формы власти, действующие как бы по доверенности от имени власти центральной, даже если политический миф объединял в одно понятие королевскую власть и аристократию. Тот факт, что начи-

ная с Оттона I до конца борьбы за инвеституру суверен правил в тесном сотрудничестве с архиепископами и епископами, которым он жаловал вместе с регалиями определенные права, связанные с их саном (пожалование это теряло свою силу со смертью прелата и не могло быть наследственным), послужил аргументом для сохранения такого положения вещей, даже если в начале XII века созданные Оттоном структуры и рухнули. Наконец, монарх оставался первым лицом в государстве на вершине феодальной иерархии, что обеспечивало ему — по крайней мере теоретически — особую юрисдикцию. Между тем, власть и сплоченность для собственной сохранности требуют, во-первых, наличия способов избежать, чтобы передача ленов по наследству вела к созданию крупной знатью автономных областей, неподвластных контролю центральной власти, как это было во Франции; во-вторых, чтобы вмешательства центральной власти ради общего блага, из соображений королевской ответственности, были одновременно эффективными и законными, одним словом, чтобы силой ее стало право и чтобы оно оправдывало применение этой силы. К сожалению, после смерти Генриха V (1115 г.), при Лотаре III и в последующие годы историческое развитие шло в противоположном направлении, во вред королевской власти и на пользу принципам и феодализации.

Таким образом, можно представить себе, насколько сложно было определить степень сплоченности Германии около 1150 года. Не было центробежных сил, ведущих к тотальному разобщению и раздробленности, но были факторы сопротивления и инертности по отношению к королевской власти, еще сохранявшей некоторый авторитет.

В территориальном, административном и феодальном плане королевство разделялось на некое число княжеств. Самыми крупными из них были, как уже

указывалось, герцогства, которых на тот момент насчитывалось шесть: на юге, с запада на восток — Швабия, Бавария, Каринтия (бывшая марка); на севере — Саксония; на востоке — Богемия; наконец, на западе — Верхняя Лотарингия, приблизительно соответствующая современной Лотарингии. Герцогство Нижняя Лотарингия, также происходящее из древнего этнического княжества, исчезло, а герцогский титул затребовал себе Брабант; то же самое произошло и с Франконией. Наряду с герцогствами и почти на равных с ними, но расположенные у восточных границ королевства, находились марки Бранденбургская (в начале описываемого нами периода называемая также Северной — Nordmark), Лужицкая, Миссенская, Австрия, Штирия и Карниолия (Крайна), во главе которых стояли маркграфы.

Между этими территориями и внутри них существуют многочисленные графства — в 1024 году их насчитывалось 224, — причем многие из них возникли в результате узурпации королевских прав. Некоторое число их — те, которые не вошли в герцогские или маркграфские структуры, — зависели от короля. Так было с графствами Франконским и Фризским, а также с округами, образовавшимися при разделе Нижней Лотарингии: Фландрией (большая часть которой отошла к Французскому королевству), Геннегау, Люксембургом, Голландией, Гельдрией. Так было с графами, которые сумели сохранить власть на объединенных землях и даже вершили там суд в качестве высшей инстанции; их называли ландграфами и самыми известными среди них были ландграфы Тюрингии (были еще и графы Тюрингские), Зундгау и Нордгау (в Эльзасе). Далее, иногда в непосредственной связи с герцогами, следовали пфальцграфы, происходящие от военачальников эпохи Каролингов, облеченных различными функциями, главным образом,

юридического характера при королевском дворе. Пфальцграфы Баварии, Швабии и Каринтии не были очень влиятельными; пфальцграф Саксонии имел больше авторитета. Самым знатным среди них являлся пфальцграф Нижней Лотарингии, носивший титул пфальцграфа Рейнского и правящий областью, которая впоследствии получит название Пфальц; так как герцогство Нижняя Лотарингия больше не существовало, он подчинялся непосредственно монарху. Что до прочих графств, подчинявшихся какому-либо герцогу, то для королевских администраторов они являлись всего лишь виконтствами, хотя расхожая терминология продолжала именовать их графствами.

Большая часть графств, за исключением ландграфств и некоторых из тех, которые только что упоминались, отныне не являлись большими владениями, подчиняющимися одному лицу. Напротив, они включали разрозненные поместья, где правовые вопросы решались в различных инстанциях, часто даже расположенных далеко одна от другой. Поэтому их владельцы, за неимением возможности носить имя области или реального графства, брали себе титул по имени их главного замка (*бурга*).

Рядом со светскими княжествами лежали княжества церковные, образовавшиеся, в основном, из города, в котором была расположена резиденция архиепископа или епископа, из соседствующей с ним области, огромного имущества и доходов. Самыми значительными являлись те, которые возглавлялись архиепископами, в частности Трир, Кельн и Майнц. Церковное княжество Зальцбург в Баварии также стоял в первом ряду благодаря богатству своих церквей; мало в чем уступали ему княжества Бремен-Гамбург и Магдебург.

Из сорока епископов, владевших земельными ленами в шести архиепископствах, некоторые считались

самыми знатными аристократами, например, епископ Бамбергский, или еще в большей степени епископ Вюрцбургский, иногда претендовавший на юрисдикцию во Франконии. Все эти принцы церкви, к которым следует добавить настоятелей королевских монастырей, подчинялись непосредственно королю, участвовавшему в их избрании согласно условиям Вормского конкордата, подписанного Лотарем III — мы уже писали об этом, — кроме Баварии, где монаршая прерогатива принадлежит герцогу.

Эти принцы (*Fürsten*), как светские, так и духовные лица, представлявшие королевскую власть в различных режимах, составляли верхушку немецкой знати. На следующей ступени за ними стояли крупные аллоидальные собственники, имевшие большие земельные владения и осуществлявшие среди местного населения командное право, и разные богатые люди, находившиеся в вассальной зависимости от вышестоящих. Всю эту знать можно разделить на три категории, которые соответствовали не юридическому происхождению их состояния (наследство или лен), а социальному положению и личному статусу того или иного лица: *Herren*, знатные сеньоры, владевшие крупными наследствами или ленами; *Ritter* — рыцари, владевшие маленькими ленами, но знатного происхождения; *Dienstmannen* — должностные лица, иногда очень состоятельные, но из простых семей, достигшие знатного положения исключительно благодаря службе. Вся эта знать в своих сеньориях правила населением как свободнорожденным, так и крепостным.

Вне этого класса сеньоров существуют округа с иными полномочиями, а именно — города.

В Германии, как и в других странах, города — дети торговли. К середине XII века они достигают расцвета, потому что, как уже указывалось, товарообмен активизируется и демография прогрессирует. Особенностью

городов являлось то, что они родились по королевской инициативе, за сувереном всегда признавалось право открывать рынки — дополнительное доказательство поддержания государственной идеи. Являясь, в первую очередь рынками, города могли развиваться лишь в той мере, в какой это разрешал король.

На самом деле монархи были крайне щедрыми. Они без особых ограничений жаловали своим вассалам-принцам, а особенно епископам экономическую прерогативу, всегда сопровождавшуюся сбором пошлин с торговых операций, чеканкой монеты и ведением междоусобных войн; зато города, куда купцы имели право прибывать в любое время, были поставлены официально под протекцию короля, в безопасности от внутренних войн.

Поэтому города росли либо вокруг административного ядра (в старинных епископских центрах или в бургах сеньоров), либо вблизи от населенных деревенских пунктов, которые со временем должны были слиться с городом и стать *Neustadt* (новым городом) рядом с первоначально торговым кварталом или *Altstadt* (старым городом). В XI веке все города управлялись принцами, которым их пожаловал король и доверявшим городское управление одному из своих должностных лиц (*Schultheiss*). Но с конца XI и в первой половине XII вв. давление купечества, желавшего вырваться из-под жесткой опеки, усиливалось, иногда даже с помощью самого короля, который рад был ослабить влияние принцев и давал купечеству особые привилегии (освобождение от уплаты пошлин, особый статус для горожан, которые все являлись свободными гражданами, участие в администрации). Таким образом, еще более связанные с сувереном горожане устанавливали собственные правила; они имели и представительство старшин в городском магистрате. Недалеко было то

время, когда они начнут сами избирать городской совет (*Rat*), который заменит прежние структуры и заправлять в котором будут они сами. С середины XII века, впрочем, уже начало вырабатываться городское право. Многие города развивались бурными темпами. Самыми активными из них – некоторые мы уже упоминали – были Кельн, который в начале XII века был окружен новой (второй) стеной и чья площадь составила 197 гектаров, чем далеко опередил все остальные города на Западе (при этом его население уступало итальянским городам); в прирейнской Германии – Вормс, Шпейер, Майнц, Базель; в центре – Вюрцбург; на юге – Ратисбонн, Нюрнберг, Бамберг, Аугсбург; на севере – Зост, Фрицлар, Магдебург, Гослар (где купеческие кварталы и старый город соединились в 1108 году), Волин (в устье Одера, на острове Волин, населенном скандинавами, славянами, а также немцами), уже приближавшийся к упадку, Штеттин (где славяне составляют большинство), Бремен, Дортмунд и Гильдесгейм, получившие в ту эпоху свои первые хартии.

Все эти центры, часто обязанные началом своего развития именно тому, что решение правовых вопросов в них было передоверено какому-нибудь принцу, могли ускользнуть от королевской власти.

Тем не менее они желали помочь монарху, все чаще выступавшему в роли их защитника и гаранта их прерогатив. Поэтому сеть этих городов и становится элементом сплочения в той сложной среде, коей является Германское королевство.

Действительно ли король Германии может быть силен? И насколько?

Повторим, в его актив следует зачесть тот факт, что идея общественной власти продержалась здесь дольше, чем где-либо, что эта идея принадлежала королю и позволяла ему действовать в зависимости

от обстоятельств на всей территории королевства (ни один вассал не мог запретить ему вступить в пределы своих ленных владений) и осуществлять юрисдикцию над всеми свободными людьми. Но не следует делать скороспелых выводов и ограничиваться одной лишь доктриной и учреждением, как это делали и делают до сих пор многие немецкие историки. Конечно, теоретически король имел абсолютное нетираническое право, он мог осуществлять свою миссию везде, но при этом должен был соблюдать правила, четко определенные в клятве, которую он произносил в день коронации и в соответствии с которой он обязался защищать истинную веру (от ереси и раскола), покровительствовать церкви и духовенству (не ограничивая их привилегий) и править по законам, установленным его предками (обычай, налагающий на него обязанности). Из такой концепции королевской власти следует, в принципе, что герцоги и графы выполняли свои функции от его имени и по его доверенности, и что архиепископы и епископы получают свои прерогативы из его рук (*regalia*). Тем не менее, практически эта высшая юрисдикция наталкивалась на силу самых богатых принцев, которые являлись электорами и всегда ради собственной выгоды могли обратиться к древним законам предков, предпочитая забыть о том, что выполняемые ими функции – это администрирование по доверенности. Ежемоментно политическая реальность зависела от отношений между королем и принцами, и эта взаимосвязь, в свою очередь, зависит от различных факторов.

В пользу трона необходимо отметить, что за ним полностью признавалась обязанность поддержания мира, поэтому-то и имело смысл обращаться в королевские инстанции. Монарх должен во имя почти религиозной обязанности «обеспечить каждому неприкосновенность его юридического статуса независимо

от того, идет ли речь о личности или ее имуществе» (Ш.Э. Перрен). А опасность в Германии XII века была велика, как впрочем и везде на Западе. Внутренние войны, которые сеньоры вели для сведения личных счетов — явление постоянное; их жертвами становились не только знать, которой это непосредственно касается, но также люди всех сословий. К тому же бандитизм во всех своих формах нес огромные разрушения и разорял страну. Назначение короля в том и состояло, чтобы воспротивиться этим бедам; он должен был установить в стране мир. Но если в других областях христианского мира, например, во Франции, первой в определении мер по прекращению вооруженных конфликтов выступала церковь (миротворчество, посредничество, перемирия), а короли старались убедить отдельных сеньоров и вместе с ними клялись уважать эти меры, то в Германии, по крайней мере со времен Генриха IV, глава государства сам принимал решение, провозглашая мир (*Landfrieden*), чему принцы должны были подчиниться и оказывать всемерное содействие.

Вот таким образом во имя мира германский монарх *фактически* осуществлял две важные прерогативы: призыв вассалов (командное право, позволявшее ему наказывать всякого, кто не подчинится его приказу) и помилование (дававшее ему возможность отменить наказание). Ради содействия в установлении мира он продолжал оставаться высшей судебной инстанцией — решение дел о кровопролитии и дел, могущих повлечь применение смертной казни (поджог, кража, измена, насилие, похищение людей), — которая, будучи теоретически основополагающим атрибутом государства, практически оставалась общественным учреждением. Значит, король является обладателем уголовной юрисдикции, право на которую автоматически получали только маркграфы, тогда как графы и виконты — ибо

чисто герцогского права не существовало — могли осуществлять юрисдикцию лишь в качестве повинности, полученной от короля. Кроме того, само собой разумеется, что королевский суд являлся также обычным судом второй инстанции для графских учреждений и мог рассматривать дела всего королевства. Установлено также, что никто кроме короля не мог переносить, перемещать, отменять заседания суда, шла ли речь о графских судах как самых главных судах в каждом регионе, или о судах ста присяжных, решающих от имени графа местные дела, как правило, меньшей значимости. Установлено, что если король находился в графстве, то юридические прерогативы графа брал на себя он. В конечном счете это он осуществлял юридическую власть повсеместно, кроме марок.

При рассмотрении прочих королевских прав можно заметить, что они ограничены в той мере, в которой он оказывается не в состоянии сохранить мир для их осуществления.

Таким образом, в военной области прерогатива призыва вассалов обеспечивала ему мобилизацию и командование армией, а также право освобождать от обязанностей (маркграфы и их люди не должны участвовать в походах, целью которых не являются вверенные им пограничные области). Но фактически объявление похода зависело от решения ассамблеи принцев, которое не касается всех свободных граждан королевства, так как монарх мобилизовал только своих непосредственных вассалов и принцев, поставляющих ему заранее определенный воинский контингент из числа их подданных. Таким образом, армия формировалась из конной знати (тактическая эволюция также привела к почти полному сокращению пехоты, что позволяет малоимущим, не имеющим возможности приобрести оружие и конскую сбрую, избежать рекрутского набора). Что касается

командования, то если королевское руководство не оспаривалось, войска принцев группировались под знаменами их военачальников — соответственно принцев. Все это характерно для феодальных вооруженных сил. Король первым имел право распорядиться собственной властью, которая велика, но лишь при условии сотрудничества со знатью и при наличии у короля качеств, необходимых для хорошего военачальника, так как авторитет являлся важнейшим элементом для данной системы сотрудничества, основанной на идее, что суверенность принадлежит монарху совместно с аристократией.

В экономическом отношении перечень особых полномочий длинен. Суверенитет имел прерогативы чеканки монеты, установления и взимания торговых и дорожных пошлин, открытия рынков. Но, как мы уже видели, всюду кроме своих собственных поместий и городов с прямым королевским управлением, король пожаловал эти права знати. Поэтому в стране имели хождение различные монеты, например кельнские, которые он не мог контролировать, даже если бы постарался распространить собственную монету, как это сделал Фридрих Барбаросса со своим *талером*, отчеканенным в Швейш-Галле. Зато он сохранял власть — и какую — на крупные и малые реки, на леса и копи (он владел серебряными копиями в Гарце, вокруг Раммельберга, возле Гослара). В общем-то, никакие пошлины не взимались с его подданных от имени общественной власти; налогов не существует. Король заставлял платить подати только с ленных и наследных владений и в городах.

Как король он был беден, тем более что выборная система помешала созданию настоящей королевской области, которой могли бы пользоваться все монархи независимо от их династического происхождения. В этом состоит существенная разница между

немецкой монархией и королевской властью при Капетингах. Напрасно франконские императоры, мечтавшие при Генрихе III и Генрихе IV о наследственной власти, пытались создать в районе Гарца некий резерв власти для трона. Им это не удалось.

Конечно, наряду с правами, выразившими его общественную миссию, и помимо архиепископов и епископов, а также нескольких городов, король располагал некоторыми поместьями, называемыми королевскими или императорскими владениями: землями, замками, городскими дворцами. Но эти владения были разбросаны по всему королевству; они несомненно облегчали осуществление управления, но не представляли никакой реальной силы. У короля даже не было столицы. Чтобы производить должное впечатление, он должен был рассчитывать почти исключительно на свое личное имущество, которое получил от своей семьи еще в бытность принцем и к которому практически добавлял теперь имущество монархии.

Еще одна помеха в формировании настоящей королевской области — довольно рудиментарная административная структура. Для управления страной суверен окружил себя священниками королевской капеллы, одни из которых выполняли при его дворе чисто духовные функции, в то время как другие составляли персонал королевской канцелярии. Она и являлась единственным настоящим «министерством». С виду учреждение со сложной структурой, в действительности же она была задумана очень просто. Был архиканцлер Германии, прелат из высшего духовенства (как правило, это архиепископ Майнцский), как и его коллеги верховные канцлеры Италии (архиепископ Кельнский) и Бургундии (чаще всего архиепископ Безансонский); но имелось всего одно подразделение, теоретически руководимое этими тремя лицами, а практически подчиненное своему собственному начальнику

– рейхсканцлеру, участвовавшему вместе со своими подчиненными в управлении не только Германским королевством, но и всей империей. Для центрального руководства имелся также двор с советниками короля – его родственниками, друзьями, лично преданными ему должностными лицами, чье положение крепостной знати зависело от королевских милостей – и с четырьмя высшими служителями: дворецким, стольником, маршалом и постельничим, чьи чисто почетные обязанности традиционно выполнялись пфальцграфом Рейнским, герцогом Богемским, герцогом Саксонским и герцогом Швабским.

Ступенькой ниже нет ничего. На местах функции графов феодализируются. Единственным органом, представлявшим одновременно центральную и местную власти, являлось собрание принцев, сейм (германский, когда там собирались только немцы, имперский в остальных случаях). Но он все чаще выступал в качестве феодальной ассамблеи, объединявшей вассалов монарха.

В этом и состояла главная реальность, а именно феодализм, мешавший королю постоянно осуществлять свою власть над сеньорами. Конечно, следуя традициям Оттона, он имел, во всяком случае теоретически, не только обычные права сюзеренности, ибо все принцы (герцоги, маркграфы, графы, виконты и высшее духовенство) присягали ему на верность, даже если они помимо того клялись ему в верности в благодарность за пожалованные им лены (что бывало чаще всего). Отсюда следует, что они должны были подчиняться его приказам, особенно если эти приказы одобрялись сеймом, тогда как клятва в верности обязывала их только давать ему советы, поддерживать в судебных делах, оказывать финансовую помощь в особых случаях и военную помощь определенное количество дней. Если принц нарушал свою

клятву верности, монарх мог наказать его и даже лишить титула и должности. Но, как считала знать, надо еще, чтобы это одобрило собрание принцев, и обычно, если феодальный суд постановлял о конфискации ленного владения принца (герцога, маркграфа или графа), то этот лен вновь жаловался другому лицу. Единственным преимуществом, которое монарх мог извлечь из этой процедуры, являлось право выбора нового обладателя лена.

В итоге все это доказывает, что в решении государственных вопросов (верность королю, подчинение его приказам) феодальные обычаи и особенно последнее слово оставались за монархом в той мере, в которой он был силен своей собственной властью как в самой Германии, так и в других королевствах.

ГЛАВА III

Италия около 1150 года.

Бургундское королевство

Италия в XII веке очень отличалась от других стран. Это была область, сложившаяся давным-давно, индивидуализированная в своих естественных границах – обширный полуостров, закрытый с севера альпийскими хребтами, – долго и основательно обживаемая римлянами, а после них, что бы там ни говорили, мало отмеченная германскими вторжениями, гордая своими предками, легко воодушевляющаяся, но также легко сникающая и весьма неоднородная. Довольно большая разница в климате между севером и югом, еще более разнообразный рельеф с высокими Альпийскими горами, мягкими холмами и плоским пейзажем долины По, скалистые склоны и грандиозные вершины Апеннин, внутренние водоемы, маленькие равнины, открывающиеся к морю, особенно на терренском побережье, бесчисленные заливчики и бухточки – все это делало Италию необыкновенно разнообразной. В свою очередь история, провоцируя здесь раньше и сильнее, чем в иных странах, глубокие социальные изменения, стесняла процессы выравнивания. Зато Италия, в отличие от Германии, не стремилась к внешней экспансии, однако ее богатства и слава могли сделать ее объектом чужих притязаний и прежде всего со стороны германского королевства, с которым она была связана в единую империю.

Можно сказать, что было несколько Италий, вместе составлявших одну страну с таким переменчивым обликом, но некоторые из ее характеристик оставались постоянными. Эту страну описывает немецкий автор хроники Отто, епископ из Фрейзинга, дядя Фридриха Барбароссы, посетивший ее, по-видимому, впервые в 1154 году. Описание это довольно известно и красочно:

«Эта страна, — пишет прелат, — ограничена Пиренеями (здесь именуемыми Альпами) и Апеннинскими, очень высокими и крутыми горами, вытянутыми в длинную цепь; она является как бы средоточием этих гор или их внутренним цветущим садом; она простирается от берегов Тирренского моря до берегов моря Адриатического... Орошаемая водами реки По, которую географы считают одной из трех самых известных рек Европы, эта страна благодаря доброте солнца и милости неба производит пшеницу, виноград и масло, она покрыта несравненными лесами из всех видов фруктовых деревьев, в частности, каштановыми, фиговыми и оливковыми... Эта страна разделена на города и сохраняет республиканский строй подобно древним римлянам. Италияны действительно любят свободу так, что, отбрасывая наглость власти, подчиняются скорее правительству консулов, чем суверенам. Они разделены на три сословия: капитаны, вассалы и чернь; а для того, чтобы избежать любой диктатуры, консулы избираются всеми тремя сословиями: их меняют почти ежегодно, чтобы они не проникались стремлением к господству. Отсюда следует, что во всей стране, разделенной на города, каждый из которых обязывает своих жителей держаться вместе, не найти ни одного благородного, знатного или честолюбивого человека, который не хотел бы стать во главе этого города. В соответствии с властью принуждать людей оставаться

всем вместе каждый называет подвластную ему территорию *contado*; но так как при каждой удобной возможности все стараются произвести впечатление на соседей, то не упускают случая дать рыцарский пояс или какое-либо звание молодым людям из низшего сословия или рабочим, занятым тяжелым и скудно оплачиваемым трудом, которых во всех иных странах отталкивают как чумных от почетных и либеральных постов. Из этого выходит, что богатством и властью они превосходят все прочие страны на земле. В том им способствует не только совершенство их техники, но и факт, что принцы взяли в обычай отсутствовать в этих заальпийских краях. Забыв о былом благородстве, итальянцы сохраняют черты варварства уже тем, что, похваляясь знанием законов, сами этим законам не подчиняются. И действительно, они никогда или почти никогда не встречают с почтением принца, которому по доброй воле должны были бы выразить покорность и смирение, и никогда или почти никогда не внемлют с повиновением его законным решениям, разве что бывают принуждены присутствием многих рыцарей почувствовать его власть. Поэтому нередко случается, что они враждебно встречают полные требования того, кого им должно было бы принимать как законного и снисходительного господина. От этого бывает двойной вред общественному делу, ибо, с одной стороны, принц тратит свои усилия на военные действия для усмирения граждан, с другой стороны, граждане подчиняются ему только ценой больших потерь своего достояния».

Прелести жизни в изобильном и плодородном крае (впрочем, автор в своей очарованности немца, открывающего для себя яркие пейзажи и экзотические плоды, несколько преувеличивает), городская цивилизация, требования и традиции свободы, доходящие

до отказа в послушании принцу, то есть императору — таковы основные черты, которыми Оттон из Фрейзинга наделяет полуостров и которые лишь отчасти соответствуют реальности.

Тем не менее автор хроники кое о чем запомнил. В Италии не только города и городское засилье. Есть и феодальное общество, хотя несколько искаженное и ослабленное. Кроме того, есть не только императорская Италия, образованная из Итальянского королевства; наряду с ней существуют, во-первых, королевство Сицилия, во-вторых, византийские анклав. Итальянское королевство единственное действительно входит и в состав империи, хотя воспоминания о некоторых суверенах Каролингах (Лотарь и особенно Людовик II) наводят на мысль о том, что теоретически весь полуостров подчиняется императору. Оно ограничено с севера альпийскими вершинами и ущельями от Монако, в принципе входящее в королевство, до Венеции, которая в него не входит. На юге граница проходит по линии, отделяющей Папскую область и герцогство Сполето от Сицилии; она ведет от Тирренского побережья между Террачиной и Гаэтой к Адриатическому побережью возле Васто, к югу от Кьети. Так что эти пределы те же, что и при Карле Великом, который создал страну по франкской модели, разделив ее на графства во главе с графами.

Но здесь, как и везде, в конце IX и X веках феодализм поглотил всю систему. Королевская власть стала фиктивной, и так продолжалось до того дня, когда Оттон Великий до некоторой степени восстановил авторитет монарха. Тем не менее, почти везде власть захватила знать; герцогства и маркизаты (здесь оба термина имеют одно и то же значение) образовались путем объединения нескольких графств или просто-напросто присвоением титулов. Графства превратились в лены, которые затем перешли во

владения какого-нибудь герцога или маркиза, а другие остались в вассальной зависимости от короля. В конце X века, кроме того, они большей частью распались либо потому, что графы уступили или передали часть своих земель, либо потому что монарх пожаловал графскую юрисдикцию (право высшей судебной инстанции) разным сеньорам, либо епископам были переданы графские функции и они постарались распространить их на все свое епископство.

Поэтому в XI веке границы королевства стали похожи на сложную феодальную карту, главными участками на которой были герцогства и маркизаты. Самым могущественным среди них являлся маркиз Тосканы, занимавшей большую площадь в Центральной Италии и включавшей графства, которые на самом деле находились в прямой вассальной зависимости от маркиза, а тот передавал временную власть епископам, осуществлявшим ее в своих городах и на соседних с ними землях. В Северной Италии бывшие марки Генуя и Ивреа, наоборот, распались, и многие семейства, например, Монферрат из области Асти, носили титул маркизов, что не было связано ни с какой особой властью. А Веронская марка, основанная Оттоном I, сократилась до довольно незначительной территории из-за церковных графств Тренто и Фриули (последнее принадлежало патриарху Аквилеи), которые подчинялись непосредственно германскому императору; к тому же маркиз Вероны не имел прямой юрисдикции в графствах и епископствах своей марки. Герцогство Романья и расположенные южнее герцогство Сполето и Анконская марка (созданная в XII веке за счет Сполето) образовали округа, которым тоже не хватало сплоченности и внутри которых графы и вассальные сеньоры пользовались большой независимостью.

Впрочем, в XII веке во всей Италии графы, сумевшие сохранить некоторую власть на местах, пользо-

вались слабостью центральной власти. То же наблюдалось и в отдельных церковных графствах, управляемых епископами Пармы, Верчелли, Пьяченцы, Новары и других. В Тоскане с 1115 года настоящего маркизата больше не существовало ввиду пресечения династии со смертью «великой графини» Матильды, повлекшей за собой серьезные раздоры между империей и Папской областью из-за ее наследства: разногласия касались, с одной стороны, высвободившихся таким образом графств Реджо, Модены, Мантуи и Феррары, вновь ставших королевскими, с другой — личных (наследных) владений усопшей, разбросанных в Тоскане даже в высокогорной долине Серчио и в Версилье (приморская область к северу от Пизы), в Апеннинах на юго-запад от Реджио и Болоньи, в низовьях По и, наконец, в графствах Мантуанском, Феррарском и Реджо. В результате в 1120-е годы здесь полностью исчезла центральная власть, чем прежде всего воспользовались города.

Городской фактор в гораздо большей степени, чем феодальная раздробленность, повлиял на раздел стран и в то же время сильно изменил феодальный строй, чем вызвал уже известное нам удивление Оттона из Фрейзинга, сторонника монаршей власти и весьма искусственного в вопросах вассальной зависимости. С раннего средневековья города полуострова развивались быстрее, чем где-либо, во-первых, потому что их было гораздо больше, и люди, особенно богачи и знать, привыкли в них жить; во-вторых, потому что там никогда не прекращалась коммерческая деятельность. Кроме того, с середины XI века возобновление перевозок по Средиземному морю пошло на пользу итальянским купцам, достаточно смелым и предприимчивым, чтобы заступить место византийцев (где давно уже наблюдался упадок) и мусульман. Сначала морской торговлей занимались некоторые из южных

ИТАЛИЯ ОКОЛО 1150 ГОДА:

1. Итальянское королевство.
2. Сицилийское королевство.
3. Патримония Св. Петра (церковные государства).
4. Герцогство Сполето.
5. Герцогство Романья.
6. Анконская марка.

городов, например, Бари, Амальфи или Салерно. Затем наступила очередь крупных северных портов – Генуи, Пизы и Венеции. Вскоре торговля с Востоком потребовала установления контактов с другими регионами Запада – для поисков новых товаров и рынков, а также развития ремесел для превращения сырья в готовые изделия. Все это, происходившее в период демографического прогресса, дало итальянским городам, особенно городам королевства, сильный импульс для развития, что выразилось в росте населения, расширении и украшении самих городов, углублении научной и художественной мысли, упрочении городской культуры, обогащении и усилении правящих классов в купеческой среде.

Естественно, эти классы постарались прибрать к рукам общественную власть. Путем переговоров или силой они добились сначала фактически, затем юридически передачи им графских полномочий, что позволило им полновластно править в городах.

Они сместили прежнее руководство, прежде всего, сеньоров-священников, а также светских маркизов и графов, действуя то при поддержке короля, то вопреки ему, а иной раз и попросту его игнорируя: все эти формы поведения стали возможными благодаря длительной борьбе за инвеституру – конфликту между папой и императором. Эти классы объединялись в коммуны или общины, а население связывало себя клятвами и формировало различные союзы для борьбы за свои права. Во время этих сражений и социальных перемен феодализм лишился главных центров господства, тем более, что каждая едва созданная коммуна потребовала себе юрисдикцию на все графство, то есть на соседнюю с коммуной территорию (*contado*) и получила ее в ущерб многим мелким местным сеньорам.

Прежние органы городского управления уступили место новым учреждениям, которые в середине XII

века уже имели почти одинаковые полномочия в большинстве городов королевства.

Главным учреждением стало общее собрание граждан, *arengo*, теоретически обладавшее верховной властью. Фактически же законодательные функции были делом более узкой группы – совета, осуществлявшего политическое руководство, управление, правосудие, военное командование и различные экономические права; все эти прерогативы доверялись нескольким лицам – консулам, избиравшимся обычно сроком на один год. Консульское правление было введено в Асти в 1093 году, в Ареццо в 1098 году, в Генуе в 1099 году, в Павии в 1105, в Болонье в 1123, в Сиене в 1125, во Флоренции в 1138 годах. К 1150 году оно было установлено или устанавливалось почти во всех остальных городах – Милане, Кремоне, Лоди, Пьяченце, Парме, Мантуе, Брешиа, Бергамо, Ферраре, Вероне, Тревизо, Виченце, Модене, Реджо, Пизе и т.д.

Впрочем, консульское правление – за исключением, пожалуй, Милана и Кремоны, где различные социальные группы также участвовали в создании консульского корпуса – находилось в руках аристократии, состоявшей из богатых купцов и знати, связанных общими интересами и брачными союзами (что, возможно, помогало людям незнатного происхождения стать рыцарями, как это отмечает Оттон из Фрейзинга). Почти во всех городах *majores* (называемые также *milites* благодаря тому, что они могли купить боевое оснащение для конницы, и принадлежащие к сословию капитанов и вассалов) осуществляли правление над *minores* или *pedites*, зачастую и в ущерб им.

Таким образом формировалась новая Италия, которая во многих из своих областей и в самых подвижных и сильных структурах уже не являлась феодалной. Конечно, прежний строй кое-где еще сохранялся, например, в альпийских областях – Пьемонте,

Верхней Ломбардии, Трентино, горных районах Романи, в Умбрии, Сабинии и герцогстве Сполето. Но и здесь он подвергся изменениям, взять хотя бы общественное сознание, которое больше не формировалось на основе зависимости между сеньорами и вассалами.

Эти перемены и городское засилье действовали во вред королевской власти. Впрочем, власть эта существовала лишь в теории, так как король Италии – это и король Германии, то есть император, и действовал он на полуострове именно в этом качестве. Как король он располагал весьма ограниченными средствами: официальная столица в Павии, королевские владения в Ломбардии, Пьемонте и Тоскане; но при этом у него не было никакой администрации за исключением архиканцлера Италии – чисто почетной функции. Поскольку ему при этом трудно было заставить вялую феодальную систему работать на себя, то ему оставалось лишь надеяться на верность городов империи.

Но в этом вопросе итальянцы сталкивались с двумя противоречивыми идеями, которые очень хорошо отразил Оттон из Фрейзинга, когда писал, что «похваляясь знанием законов, сами они этим законам не подчиняются». Потому что, с одной стороны, они старались защищать и сохранять свои муниципальные прерогативы, которые называли «свободами», и, приверженные этому «патриотизму», не могли допустить своего подчинения централизованному руководству, чьи законы вступали в противоречие с их собственными; с другой стороны, они все-таки ощущали необходимость в высшей власти, которая гарантировала бы им соблюдение их обычаев, покровительствовала им и в то же время спланировала королевство, которое в своих глубинных структурах являлось действительно однородным. Отсюда следует, что жители этих краев, не будучи ярыми приверженцами имперской государственной формы, понимали

и принимали ее необходимость. Но большинство из них более или менее сознательно желало, чтобы император не осуществлял свою высшую юрисдикцию полностью и постоянно, а уважал бы автономию городов, так как они образовывали один из главных элементов империи. Вот этого именно и не смог уловить Оттон из Фрейзинга: этого сочетания свободолюбия с желанием сильной власти в рамках почти конфедеративной системы.

Реальность, однако, была еще сложнее, потому что по причинам экономического порядка и из стремления к власти города очень часто соперничали друг с другом. Они завидовали один другому, нередко ненавидели друг друга – как Милан и Кремона, Генуя и Пиза – и каждый был готов уничтожить своего соперника, призвав на помощь императора. В этом и заключался фактор глубокой разобщенности, а для императора – постоянная возможность вторжения.

Эта картина, изображающая Итальянское королевство, была бы неполной, если бы мы не упомянули о Папской области, которая по способу управления и своей истории представляла исключительно оригинальное государство.

В середине XII века патримония святого Петра, как тогда говорили, уже не вполне соответствовала тем территориям и пожалованным землям, которые некогда признал и утвердил за римскими папами Карл Великий, а затем Оттон Великий. Узурпации и насильственные подчинения сократили ее размеры. Папская область состояла тогда из трех основных частей, которые были обращены в сторону Тирренского моря.

К югу от Тибра находились прилегающие друг к другу Кампанья и Приморская область, одна тянулась вдоль побережья, ограниченная на востоке Альбанскими и Лепинскими горами, другая – внутри страны, между этими хребтами и Апеннинскими, простираясь

вверх по течению Тибра до его притока Анио и по реке Сабине. Дальше на юг лежало королевство Сицилия; на востоке было герцогство Сполето.

По другую сторону от Тибра простиралось то, что официально именовалось патримонией святого Петра в Тускулуме – треугольник, ограниченный побережьем от Остии до Монтальто, местности на полпути между Орбетелло и Чивитавеккья, с внутренней стороны – руслом Тибра от Читта ди Каstellо до устья с анклавами Тоди, Нарни и Амелия на левом берегу, где уже лежало герцогство Сполето, на севере – линией, проходящей от Монтальто до Читта-ди-Каstellо и включающей озера Большенское, Тразименское и Браччанское, а также города Витербо, Орвьето, Перуджа и крепости Аквапенденте, Радикофани и Тосканелла.

Наконец, в месте, где обе эти области смыкаются, на обоих берегах Тибра лежал город Рим, первоначально основанный на левом берегу. Однако в раннем средневековье он уже не заполнял пространство, ограниченное старыми стенами, возведенными при Аврелиане, потому что население сгруппировалось в квадрате между гробницей Августа, церквями Санта-Мария-Маджоре и Сан-Джованни-да-Латерано и Авентинским холмом, особенно же в старых кварталах между форумом, гробницей и рекой и вокруг папского Латеранского дворца. Вне этого пространства густо населены были остров Тиберина, Трастевере и правый берег между базиликой Св. Петра и дворцом Св. Ангела.

Такое разделение Папской области обуславливалось не только географическими факторами. Оно соответствовало также политической и социальной ситуации. В Приморской области, в Кампанье, Сабинии и всей южной части Тускулум феодальный строй держался довольно прочно. Здесь не было городов как таковых; укрепленные поселения с замками – Террачина, Ананьи, Тиволи, Сутри – были сравнительно мало заселены

и не могли рассчитывать на экономический подъем; впрочем, эти местности были довольно бедны. Сеньоры-вассалы папы сохраняли здесь свою власть. Они происходили из семейств, сыгравших важные роли в истории Папской области, — Савелли, Франджипани, Колонна. Зато в остальной части Тускулум наряду с несколькими предприимчивыми помещиками, населявшими горный район Орвьето, города были богаче и следовали тем же путем общей эволюции, что и прочие итальянские города, а самыми развитыми среди них были Перуджа, Витербо и Орвьето.

Наконец, Рим тоже подвергся глубоким внутренним переменам, вызванным экономической перестройкой и той ролью, которую Вечный город играл на Западе в связи с борьбой за инвестицию, вернувшей прежний блеск и авторитет Святому престолу, а также возобновлением полоничеств, собирающих все более многочисленные толпы верующих. Аристократия, происходившая из старинных благородных семейств, более влиятельная здесь, чем купеческая знать, после крупного восстания захватила в 1143 году власть и провозгласила коммуну. Коммуной правило собрание, назвавшее себя Сенатом для возрождения античной традиции. Эта «революция» была направлена против власти пап, напрасно пытавшихся оказывать сопротивление (Иннокентий II, Селестен II и Лукиан II). В 1145 году Евгений III сделал попытку провести переговоры, но вскоре вынужден был бежать во Францию, откуда вернулся в конце 1149 года при помощи короля Сицилии.

Между тем в июне 1146 года в Риме появился ученый клирик Арнольд из Брешиа (Арнольд Брешианский), страстный приверженец реформы, пламенный критик церкви за ее стремление к обогащению и мощную иерархическую систему. Под его влиянием коммуна подорвала позиции церкви. Арнольд,

раздосадованный тем, что не нашел понимания у папы, возобновил свои нападки на курию; он оспаривал право святого престола добиваться и осуществлять в стране политическую власть и напоминал римлянам о том, что они сами должны управлять своим городом. Поэтому сразу после возвращения Евгений III столкнулся с еще большими трудностями, чем в 1146 году. В 1150–1152 годах он стал добиваться императорского вмешательства против Арнольда, коммун, некоторых сеньоров патримонии, пользовавшихся народными волнениями для установления собственной власти.

Действуя таким образом, он рисковал, так как мог тем самым предоставить императору – королю Италии нежелательные для себя аргументы в борьбе за власть в Церковной области. И в самом деле, трудно установить, входило ли это государство в состав Итальянского королевства. Карл Великий и его потомки, особенно Лотарь и Людовик II, никогда не уточняли юридическую сторону вопроса, но и не прекращали вмешательств в дела патримонии и Рима. Оттон Великий и многие из его преемников неоднократно добивались верховной власти, но папы так и не согласились явно и недвусмысленно признать правоту этих притязаний. По окончании борьбы за инвеституру, воспользовавшись возвышением церкви в Германии и видимым благоволением ее королей, папы привыкли считать себя суверенами.

Зато император мог претендовать на авторитет, опираясь на почти неопровержимый довод, не требующий толкования его прерогатив как короля Италии, ему достаточно было напомнить о своем титуле. Его империя, как преемница Римской империи, обеспечивала ему в Риме особый суверенитет, если не практическое правление. К тому же перед получением императорской короны, после своего избрания немецкими принцами, он признавался королем римлян. И наконец сама

Папская область передавала императорам особый титул поверенных в делах римской церкви, делавших их естественными покровителями святого престола и дававший им право вмешиваться в дела патримонии, хотя сам факт передачи этой функции мог рассматриваться как доказательство высшего авторитета папы.

Эта деликатная в юридическом и практическом смысле ситуация осложнилась из-за территориальных конфликтов. Первый спор, сам по себе довольно незначительный, противопоставил первосвященника и императора в вопросе о принадлежности Церковному государству укрепленных городков Радикофани и Аквапенденте. Но за ним последовали другие, более серьезные, по поводу герцогства Романьи, герцогства Сполето и Анконской марки и наследства великой графини Матильды.

Притязания Папской области на Романью были законными, так как действительно герцогство, оставшееся после византийских владений, составлявших в раннем средневековье экзархат Равенны (область Болоньи, Феррары, Равенны), было включено в территории, пожалованные Каролингами при образовании Церковных государств. То же самое и с Анконской маркой, первоначально принадлежавшей — во всяком случае частично — святому престолу под наименованием Пятиградья; затем, связи с ослаблением папской власти присоединилась к герцогству Сполето, от которого вскоре была отторжена, чтобы образовать вместе с областью Фермо настоящую марку. Зато на территорию Сполето святой престол прав как будто не имел.

Но около 1150 года Папская область не слишком притязала на эти земли, скорее всего из-за римского восстания. Вопрос о владениях Матильды в Тоскане и соседних с ней областях, напротив, оставался животрепещущим. Впрочем, следует признать, что был он непростым. Владения великой графини фактически со-

стояли из двух частей: с одной стороны, лены империи (Тосканский маркизат, графства Реджио, Модена, Мантуя и т.д.), которые после ее смерти естественно вернулись в имперскую казну, так как у графини не было наследников; с другой стороны, наследственные владения, расположенные почти целиком, как мы уже писали, в тех же областях, и которые графиня вновь получила от папы в качестве лена в 1102 году, оставив за собой право распоряжаться ими по своему усмотрению. Это наследство, превратившееся в лен святого престола, было завещано Матильдой в 1111 году своему дальнему родственнику Генриху V, который вступил во владение им в 1115 году и, будучи императором и на этом основании считая себя на особом положении, не пожелал принести за него присягу на верность римской церкви, что не исключало права церкви потребовать эти земли для себя. Более того, после смерти Генриха V (1125 г.) папа оказался вправе вновь завладеть управлением на этих землях или по крайней мере вновь укрепить их. К сожалению для него, бывшие вассалы Матильды предпочли обратиться к императору, дав понять, что император, кто бы им ни был, должен наследовать прерогативы Генриха V, который, в свою очередь, получил это наследство для себя лично. Итак, вопрос оказался очень тяжелым. Он осложнялся еще и тем, что прежние наследственные владения перемешались с ленными, право императора на которые не подлежало сомнению.

Как бы то ни было, Церковное государство было отдельной страной. Во всех планах — юридическом, политическом, экономическом и социальном — оно отличалось от королевства как такового или от остальной его части.

Однако никто не сомневался, что император имел более или менее теоретические и более или менее реальные права на это государство.

Прочие земли полуострова образовали две отдельные группы: Сицилийское королевство и Венецианскую республику. И то, и другое государства имели общую черту: они возникли из регионов, довольно долгое время находившихся под властью Византии.

Сицилийское королевство в 1152 году было в руках Роджера II, главы нормандской династии. В 1010 году несколько рыцарей из Нормандии, сыновья сеньора Отвиля, прибыли на юг Италии и остров Сицилию и поступили на службу местной знати, в принципе подчинявшейся Византии и выдерживавшей постоянный натиск мусульман, поселившихся здесь в 820–830-е годы. Мало-помалу эти рыцари изгнали часть захватчиков, а других подчинили себе. В то же время они выкроили сами себе владения-княжества, не считаясь с прерогативами Византии и подчиняя себе сеньоров, называвшихся «греками» (т.е. византийскими подданными – *Прим. перевод.*), и маленькие городские республики, в том числе Гаэту, Неаполь, Амальфи, ранее бывшие самостоятельными. В конце XI века здесь уже образовалось три крупных государства – герцогство Пулия и Калабрия, княжество Капуа, герцогство Сицилия. В 1127 году властелин двух последних из них Роджер II получил в наследство и Калабрию. В 1130 году он заставил своих вассалов дать себе королевский титул и короновался в Палермо. В том же году этот титул был утвержден антипапой Анаклетом в обмен на присягу королевства на верность римской церкви. В 1139 году папа Иннокентий II поддержал это соглашение.

Таким образом, весь юг Италии, кроме Папской области и герцогства Сполето, оказался под властью Роджера II, который владел этими землями на правах папского ленника. Впрочем, этот юридический казус не привел к окончательному миру с Папской областью, которая могла в отдельных случаях (Евгений III в 1149 году) испрашивать и получать сицилийскую

помощь. Однако она никогда не забывала о нормандских амбициях, предусматривавших более широкую территориальную экспансию и реальную власть над духовенством для своего монарха, добивавшегося своего избрания епископами. Несомненно, для того чтобы избежать такой опасности и сохранить для своего государства твердые гарантии, Иннокентий II признал Роджера II королем и своим вассалом. Но это не упрощало дела.

Византийская империя действительно могла напомнить о своих правах, которые были неоспоримы, так как Карл Великий и его преемники (кроме, пожалуй, Людовика II) не претендовали на господство над всем полуостровом. Около 1150 года император Мануил Комнин решил заявить свои претензии. Германскому же императору нечего было на это возразить; но в качестве поверенного в делах святого престола он мог править королевством от имени римской церкви и в собственных интересах.

Наконец, и сама динамика развития империи вынуждала его добиваться фактического господства над всей Италией, при том что с IX века византийское господство было лишь теоретическим. Но если бы он действовал из этих соображений, то что осталось бы от сюзеренных прав папы? Папе пришлось бы опасаться одновременно и сицилийских действий, и имперских амбиций, и удерживать Сицилийское королевство вне империи.

То же самое могло произойти и с Венецианской республикой, лагунной и островной областью, чью принадлежность Византии Карл Великий официально признал в 812 году и которая затем добилась независимости под эгидой герцога. Резиденция его находилась на острове Риальто, и он — под титулом дожа — завладел тремя соседними островами. Так что здесь ситуация не была аналогичной тому, что происходило

в Сицилии. Во-первых, Папская область никогда не проявляла интереса к Венеции. Во-вторых, если здесь и забыли о византийском господстве, то западные императоры никогда не пытались оспаривать ни правовое положение (византийская область), ни фактическое (независимость). Самое большее — мечтая о господстве над всей Италией, они логически должны были включать в это понятие и Венецию, и кое-кто из них мог бы об этом подумывать. Но это казалось им делом второстепенной важности из-за скромных размеров ее территории, а кроме того, они считали целесообразным оставить «свободу» этой купеческой республике, торговавшей с Германией, тем более, что с ней были связаны многие немецкие дельцы.

Если трудно четко определить права и возможности империи в отношении Сицилийского королевства и Венеции, то власть императора над Арлезианским и Бургундским королевством неоспорима, ибо она вытекает из законного и всеми признанного наследства.

В 888 году, при распаде империи Каролингов, вызванном поражением и смертью Карла Толстого, некто Рудольф I, сын герцога Осерского Конрада, получил титул короля Бургундии с правами на епископства Безансонское, Базельское, Лозаннское, Женевское и Сионское, то есть на территории, лежащие между Роной выше Лиона и Валлисскими (Пенинскими) Альпами на юге, Рейсом на востоке, руслом Рейна от места впадения в него этой реки до Базеля, затем Воротами Бургундии и южными отрогами Вогезов на севере и, наконец, Соной на западе. Ему наследовал его сын Рудольф II (912–937 гг.); он даже попытался было надеть на себя корону Италии, ради чего вступил в борьбу с Гуго Прованским, но был побежден. В последовавшем за этим договоре взамен отказа от притязаний на трон в Павии победитель оставил ему Арлезианское королевство,

специально для него созданное и простиравшееся между отрезком Роны (от озера Леман до моря, с несколькими анклавами на правом берегу в Виварэ) и Высокими Альпами. Так возникло Арлезианское и Бургундское королевство, иногда называвшееся просто Бургундским, а в дальнейшем также Арлезианским и Вьеннским, и правили им потомки Рудольфа II Конрад Миролюбивый (937–993 гг.) и Рудольф III (993–1032 гг.). Этот последний за неимением наследников согласился на переход его государства после его смерти под власть императора. В 1032 году немецкий монарх Конрад II стал королем Бургундии; в 1038 году ассамблея епископов и прелатов, собравшаяся в Солотурне, подтвердила законность этого акта, признав, что королевство Бургундия должно принадлежать императорам в соответствии с правилами императорского наследования. Итак, в 1152 году Бургундское королевство подчинялось императору.

Оно занимало довольно большую территорию, но суверен не мог осуществлять на ней власть во всей своей полноте, так как у него не было никакой администрации (разве что почетная функция архиканцлера Бургундии) и он никогда там подолгу не жил. Более того, монархи редко интересовались своим королевством. Поэтому области эти пользовались довольно большой свободой под властью сеньоров-вассалов империи. Самыми влиятельными среди них были маркизы Прованса и графы Воклюзские (Венессен), графы Прованские (в XII веке принадлежавшие к династии графов Барселонских), графы Форкалье и Ниццы, севернее – графы Вьеннские, Морьенвальские и Савойские, а также графы Бургундские, хозяева так называемого графства (ныне – Франш-Конте). Рядом, в долине Роны и на морском побережье, города Арль и Марсель начинали пере-

ход к самоуправлению, чего не было еще в городах внутри страны, таких как Безансон и Лион.

Таковыми в то время были итальянские, альпийские и приронские страны, составлявшие одну из частей империи, хоть и не самую важную, но благодаря Италии наиболее интересную и привлекательную. Они отличались природным разнообразием, значительной площадью, своеобразными экономическими и социальными структурами. В 1152 году они с динамикой своего развития и традициями, преимуществами и трудностями достались тому, кому немецкие принцы доверили самую главную корону Германии, — Фридриху Барбароссе.

ГЛАВА IV

Избранник и его программа

15 февраля 1152 года в Бамберге умер император Конрад III; 4 марта его племянник Фридрих, герцог Швабский, был избран королем Германии и через несколько дней коронован. Между этими двумя датами самые влиятельные принцы, от решения которых зависело избрание, не прекращали своих переговоров.

Кто были эти люди? Прежде всего те, кто принадлежал к клану покойного императора – Штауфенам, – глава которого являлся человеком, чей голос поддержат все остальные электоры.

Семейство это происходило от сеньора среднего достатка, Фридриха фон Бойрена, умершего в 1094 году, имевшего владения в швабской Юре (Бойрен) и владения жены в Эльзасе (область Зельц). Семья обязана была своим состоянием сыну Фридриха, тоже Фридриху, построившему неподалеку от замка Бойрен в области Гёппинген, на восток от Штутгарта, возле Лорша, замок Гогенштауфен (от которого и пошла сокращенная фамилия Штауфен).

Будучи верным сторонником Генриха IV во время восстания против него принцев, он получил в жены дочь императора Агнессу и в качестве лена – герцогство Швабское. Этот Фридрих умер в 1105 году, оставив двух сыновей. Младший стал императором Конрадом III, а старший, Фридрих Одноглазый, который в 1125 году являлся кандидатом на королевский

трон против Лотаря Суплинбургского, умер в 1147 году. Он и был отцом избранника 1152 года.

Наравне с ним главным представителем династии считался его двоюродный брат, сын покойного императора, еще один Фридрих, владевший герцогством Ротенбург; в 1152 году ему исполнилось семь лет. Клан Штауфенов мог также рассчитывать и на поддержку давних своих союзников – семейства Бабенбергов из Бамберга, глава которого, Леопольд, в начале XII века был маркграфом Австрии, после смерти Фридриха Гогенштауфена женился на Агнессе и таким образом стал отчимом Конрада II и Фридриха Одноглазого.

У Леопольда и Агнессы было три сына, которые стали сводными дядями Барбароссы. Старший из них, Леопольд, был одним из самых активных помощников Конрада и за это получил в лен герцогство Баварию, которым правил, сохраняя при этом Австрийскую марку.

Он умер в 1141 году, и его титулы герцога Баварского и маркграфа Австрии перешли к его младшему брату Генриху, прозванному Язомирготтом (из-за его манеры чертыхаться). И, наконец, самый младший из братьев, Оттон, избрал духовную карьеру: он стал епископом во Фрейзинге (Фрейзингене), мы уже ссылались на хроника этого прелата, бывшего одним из самых просвещенных людей своей эпохи; примиренец по натуре, он являлся верным сторонником Штауфенов. Генрих Язомирготт был несколько умереннее в своих привязанностях, особенно после того как женился на Гертруде, вдове Генриха Гордого.

Штауфенам, которых стали также называть Вайблингенами по одному из их замков (итальянцы произносили «гибеллины»), противостояли Вельфы (гвельфы) родом из Баварии, получившие это герцогство в лен от Генриха IV в 1070 году и с 1125

года не перестававшие бороться со своими соперниками с переменным успехом. В 1152 году их предводителем стал Генрих Лев, рядом и почти равный с ним — его дядя Вельф VI. Льву исполнилось двадцать два года (он родился в 1129 или 1130 году), он являлся сыном Генриха Гордого и Гертруды, дочери императора Лотаря III Супплинбургского, бывшего до своего избрания герцогом Саксонским. После кончины Лотаря в 1137 году Генрих Гордый, наследовавший герцогство Баварское, получил благодаря женитьбе герцогство Саксонское; он умер во цвете лет в 1139 году. Тогда Конрад III воспользовался бунтом Генриха Льва и Вельфа VI, младшего брата Генриха Гордого, и конфисковал оба герцогства. В 1142 году он согласился вернуть Саксонию Льву, но Баварию отдал Леопольду Австрийскому, который, в свою очередь, передал ее Генриху Язомирготту. Несмотря на это партия Вельфов оставалась сильной, они сохраняли большие владения не только в Саксонии, но и в Баварии — наследные и ленные поместья, не входящие в герцогство; кроме того, у них были владения в Италии. Впрочем, в 1151 году Генрих Лев не только сопротивлялся Конраду, он был очень опасен и как глава своих вассалов и сторонников анти-Штауфенов.

Помимо этих двух кланов были и другие влиятельные принцы, примыкающие попеременно то к одному лагерю, то к другому, например, герцог Бертольд фон Цэринген (имевший герцогский титул, потому что одному из его предков была пожалована Швабия), владевший Брисгау, Цюрихом и Берном, а также довольно обширными поместьями в Бургундском королевстве, где он официально был «ректором» (наместником короля — *Прим. перевод.*); а рядом с ним — представитель младшей ветви той же семьи, возглавлявший Веронскую марку и хозяин

замка в Бадене. Хотя Генрих Лев и женился на сестре первого из этих лиц, они не были решительно настроены против Штауфенов; они старались получить выгоду и от тех, и от других.

Пфальцграф Баварии Оттон фон Виттельсбах, напротив, держался лагеря анти-Вельфов, так же как и герцог Генрих фон Рацебург. Зато понять отношения некоторых других принцев трудно. Альберт фон Балленштедт, маркграф Бранденбургский, когда-то оказал большую поддержку Конраду, за что получил Саксонию, конфискованную у Генриха Льва. Но в 1142 году он ее тоже потерял. Граф Гольштейнский, Адольф II фон Шауэнбург, был очень независимым человеком и не доверял ни одной из враждующих партий. Что касается герцога Богемского Владислава II, то о его поведении сведений очень мало; то же самое можно сказать о герцоге Верхней Лотарингии, отпрыске династии, происходящей от Жерара де Шатенуа, герцоге Каринтийском, маркграфе Мисьненском и Лужицком из семьи Веттинов, пфальцграфе Рейнском Германе фон Шталеке и т.д.

Если мы обратимся к электорам-священникам, то увидим, что они больше были озабочены проблемами внутригосударственного мира. Конечно, некоторые из них склонялись в сторону Вельфов, но были и другие, возведенные в сан при Конраде III, приверженцы Штауфенов. Такими были и архиепископ Кельна Арнольд фон Вид, архиепископ Трира Хиллин, епископ Пассау Конрад (потомок Леопольда Бабенберга) и, конечно же, Оттон Фрейзингенский.

Они и вели переговоры во второй половине февраля. Переговоры эти проходили относительно гладко. В достижении соглашения помогли три момента. Во-первых, все устали от борьбы, которая давно потеряла первоначальный смысл: ведь ссору спровоцировали папские легаты, ускорившие в 1125 году

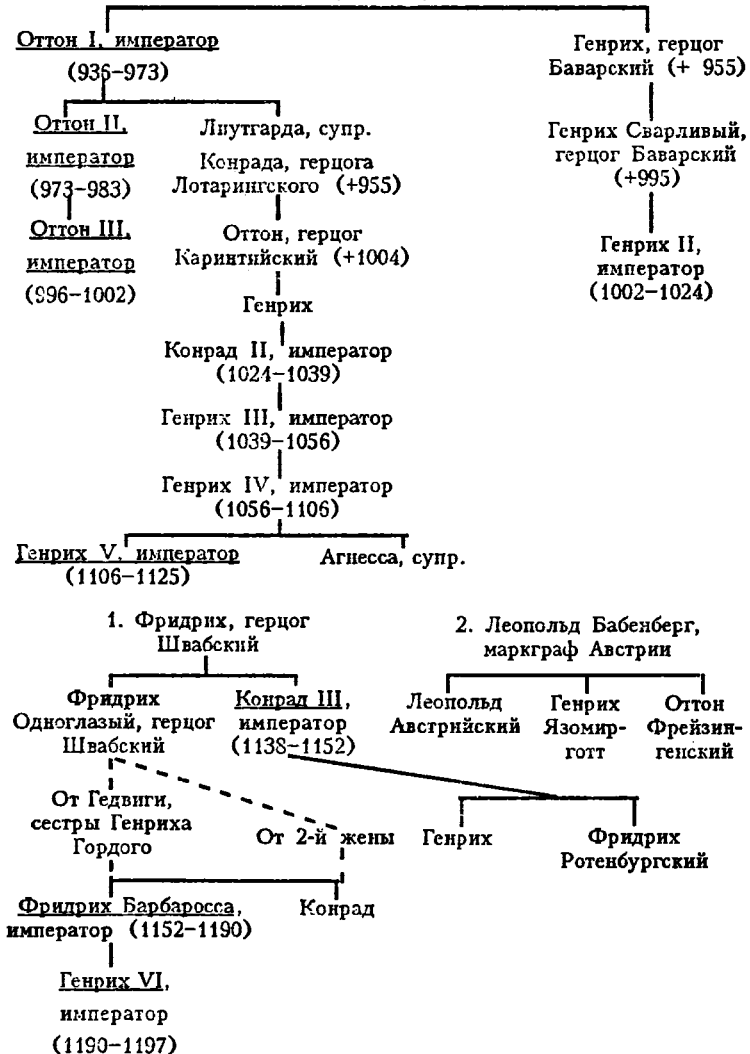
избрание Лотаря в пику Штауфенам и несомненно благоприятствовавшие браку дочери монарха с Генрихом Гордым; за ссорой последовал бунт отстраненного клана, затем конфискации, сражения и разрушения, которые в конечном счете не принесли пользы никому. Во-вторых, некоторые принцы опасались власти Вельфа, не пользовавшегося особой симпатией, который, став королем, мог бы круто обойтись со знатью, так как из-за жестокого характера он был способен на жесткие меры. Наконец, большинству электоров было трудно отвлечься от созданного ими же самими прецедента, когда в 1147 году они согласились еще при жизни Конрада III выбрать королем его сына Генриха. Но вскоре Генрих умер, и было логично оставить корону в семье Штауфенов, тем более, что император на смертном одре обратил внимание принцев на своего племянника Фридриха Барбароссу, вручив ему при всех знаки королевской власти. К тому же Фридрих был родственником Вельфов по материнской линии, так как его отец женился на Гедвиге, сестре Генриха Гордого и Вельфа VI в тот момент, когда появилась надежда на примирение обоих кланов. Таким образом, Фридрих, двоюродный брат Генриха Льва, был, как пишет Отгон Фрейзингенский, «краеугольным камнем, способным скрепить вместе две расходящиеся стены».

И еще один факт сгладил трудности. Пока герцог Саксонский прикидывал, на сколько электоров он может рассчитывать при голосовании, глава клана Штауфенов заявил о своей готовности компенсировать побежденному неудачу на выборах. Притом, на выборах не присутствовало ни одного папского легата, и все принцы, в свое время оскорбленные до глубины души поведением Лотаря в отношении святого престола, понимали, что не следует тянуть с решением до прибытия представителя папы. Все это

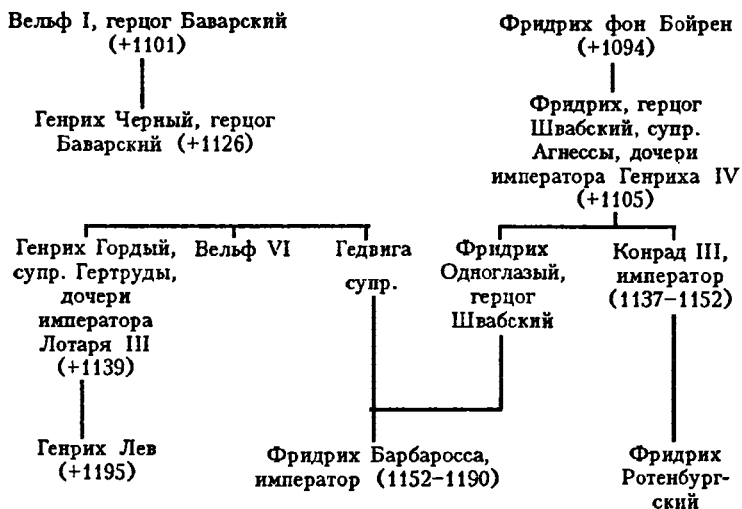
ИМПЕРАТОРЫ с 962 по 1190 годы

Генрих I Птицелов, король Германии

(919-936)

Примечание: Лотарь III Суплинбургский, император с 1125 по 1137 гг., в эту генеалогию не входит.

ВЕЛЬФЫ И ШТАУФЕНЫ

объясняет, почему Фридриха Барбароссу так быстро и единогласно избрали королем Германии и королем Римлян. 9 марта он был коронован в Ахене.

Ему шел тогда двадцать седьмой или двадцать восьмой год, так как он родился в 1125 или 1126 году. Это был человек среднего роста, широкоплечий, очень мускулистый, с немного вытянутым лицом и светлой, чуть рыжеватой бородой — отсюда прозвище, данное ему итальянцами (Барбаросса по-итальянски «рыжебородый» — *Прим. перевод.*); это был подвижный молодой человек, полный задора, любитель спортивных занятий (верховая езда, охота, плавание), пылко отдающийся своим увлечениям; короче, это был человек, который несмотря на молодость уже имел богатое прошлое.

О его детстве и воспитании почти ничего не известно. Естественно, он получил самую лучшую «военную» подготовку, которая была доступна немецкому

принцу в те времена, и прошел ее с энтузиазмом. Несомненно, он имел некий рудиментарный интеллектуальный багаж, больший, чем многие другие юные сеньоры в его эпоху, но любознательность все же не довела его до изучения латыни. Наиболее основательным было его политическое образование не столько благодаря теоретическим занятиям, которые проводили с ним клирики из Королевской капеллы вроде Вибальда, аббата из Кобея, а потом из Ставело, передавшего, быть может, ему немного своей культуры, сколько из-за того, что с самого раннего детства он оказался замешанным в важные события: можно сказать, наглядное обучение в сочетании с практикой.

Его отец был изгнан из своих поместий почти в самый момент его рождения за то, что не подчинился решениям Лотаря III, а через два года (в декабре 1127 года) бросил в адрес монарха самый дерзкий вызов – требование избрать другого короля в лице его брата Конрада, но очень скоро потерпел неудачу и с горечью обнаружил, что не так уж трудно вызвать бунт, гораздо труднее помешать знати переметнуться в другой лагерь, когда победа перестает вам сопутствовать, и был вынужден покориться вместе со всеми своими соратниками – таковы были воспоминания, которые молодой человек хранил всю жизнь и каждый раз переживал заново, слушая рассказы об этом в кругу семьи или истинно верных ему людей.

А потом, когда его дядя Конрад взошел на трон, наступили десять лет видимого спокойствия, за которые он приобщился к административным и политическим делам сначала при своем отце, поселившемся у себя в герцогстве Швабском и занятом увеличением семейных владений, а затем уже по собственной инициативе, начиная с того момента, когда Фридрих Одноглазый поставил его управлять своими владениями и герцогством, чтобы самому удалиться в один

из монастырей в Эльзасе. То были годы накопления опыта, когда будущий император прочувствовал и понял — независимо от извлеченной им от этого выгоды — все несовершенства и опасности феодальной системы. Действительно, это было время, когда анархия, порожденная гражданскими распрями, облегчала осуществление планов знатных сеньоров, когда междоусобные войны и ссечения счетов — не было ли это в каком-то смысле одним и тем же? — разоряли всю Германию. Барбаросса, воспользовавшийся этим, сражаясь в Баварии против Конрада фон Цэрингена и часто сопровождая своего дядю, достаточно насмотрелся всего этого, чтобы убедиться, насколько такие раздоры опасны для королевской власти в будущем, и что монарх, не сумевший упрочить свою власть в Германии, не сможет вести большую политику. Фридрих хорошо затвердил этот урок и никогда его не забывал.

В 1147 году после смерти отца он стал герцогом Швабским. Но еще до этого жизнь его была отмечена двумя важными событиями.

Во-первых, он женился (точная дата не установлена) на юной немке Адельгейде фон Фобург; во-вторых, вскоре после кончины отца он принял участие в крестовом походе, который организовали его дядя Конрад и французский король Людовик VII для освобождения Святой земли и проживающих в ней христиан Запада от турок.

Этот поход, плохо подготовленный, непродуманный, не согласованный с византийским императором Мануилом Комнином, завершился неудачей. Германское воинство, отправившееся первым, до выступления в поход подданных королевства Капетингов, испытало ряд трудностей сначала со стороны балканских народов, затем византийских властей и, наконец, французского авангарда. По прибытии в Малую Азию оно броси-

лось на турок и потерпело сокрушительное поражение возле Дорилеона (Эски-Шехир – *Прим. перевод.*) в октябре 1147 года. Тогда Конрад и его рыцари вернулись в Византию и оттуда морем достигли Акры, в то время как пехота во главе с его сводным братом Оттоном Фрейзингенским подверглась кровавой бойне возле Лаодикеи (Латакия – *Прим. перевод.*). В Сирии немцы вновь встретились с французами; они вместе осадили Дамаск, но взять его не смогли. Павший духом Конрад вернулся в Германию осенью 1148 года.

Это предприятие, требовавшее если не настоящего успеха, то, по крайней мере, славных подвигов, закончилось самым жалким образом. Оно тоже послужило уроком юному Фридриху и показало ему, какой выправкой должен обладать военачальник, чтобы на поле брани сохранять дисциплину в рядах феодального войска. Участие в походе предоставило ему возможность как следует потереться среди прочих немецких принцев, установить свои первые «личные» связи вне семейного клана и занять подобающее место в ряду немецкой знати. Именно в эти месяцы он ближе сошелся с Оттоном Фрейзингенским и Генрихом Язомирготтом, а также с епископом Генрихом Ратисбонским, познакомился с герцогом Богемским Владиславом и маркграфом Штирии и оказался рядом со своим дядей Вельфом VI. И, наконец, именно там благодаря своей храбрости и доблести он завоевал всеобщее уважение и особенно доверие Конрада.

Похоже, что именно тогда и зародилась в сознании императора идея о том, чтобы указать электорам на своего прославленного племянника, а в душе молодого человека родились императорские амбиции. Следующие два года, отмеченные новым разрывом между королем и Генрихом Львом при очень тягостных обстоятельствах, пролетели быстро. А потом мечта стала реальностью, реальностью мрачной и

горькой, в которой существенным элементом оставалось разобшение немецких принцев.

Перед лицом этой реальности Фридрих Барбаросса являл собой воплощение замечательных качеств.

Этот принц, физически крепкий и сильный, исключительно выносливый, приятный и даже очаровательный собеседник, когда он того желал, был прежде всего превосходным рыцарем, воодушевленным высоким идеалом, то есть убежденным, что он должен быть полезен и что служба его должна быть направлена на благие цели. Храбрость для силы и сила для права и правоты — таким мог бы стать его девиз. Это объясняет участие его в двух крестовых походах, заботу о справедливости, желание мира, даже если все эти дела были вызваны настоятельной необходимостью. Получив аристократическое воспитание и приняв требования этого общества, Фридрих всегда был честен, во всяком случае честнее своих современников, даже если порой должен был как глава государства уступать юридическим ухищрениям. Он был щедрым, с готовностью отдавая и личные средства, любил поддерживать дружбу между окружавшими его людьми и мирить ссорившихся, даже если ему приходилось иной раз, как любому могущественному монарху, быть расчетливым в снисходительности и умерять свои симпатии.

Эти душевные качества имели и обратные стороны. Храбрость может обернуться наглостью, сила стать насилием, обманутая честность и разочаровавшаяся щедрость могут переродиться в жестокость. В такие моменты гнева Фридрих бывал крайне суров, можно было даже задаться вопросом, не казались ли ему совершаемые им тогда деяния (разрушение Милана, повинности, налагаемые на некоторых итальянцев и т.д.) единственным средством для достижения поставленной перед собой цели. Это не мешает нам думать, что таков был очевид-

ный человеческий недостаток, часто встречающийся в ту эпоху, без которого средневековый принц не мог бы считаться крупным сеньором и который во Фридрихе проявился меньше, чем в других его современниках.

Дело в том, что он, укрощая свой воинственный нрав и приступы жестокости, был добрым христианином, твердым в вере, но при том просвещенным и достаточно понимающим суть этой веры, чтобы извлекать из нее для себя моральные обязательства. Его частная жизнь протекала спокойно и гладко. Он никогда не забывал, что принц-христианин должен защищать слабых и покровительствовать церкви. Он вникал в некоторые религиозные проблемы, разрешал действия, направленные против еретиков, помогал монастырям. Без колебаний отправлялся в крестовые походы, считая их высшим решением, которое мог принять католический король, и долгом, более обязывающим, чем прочие текущие дела. Тем не менее, его вера и соблюдение религиозных предписаний не мешали ему вести борьбу со святым престолом, но он никогда не хотел признать, что это противоборство было не просто политическим конфликтом, и считал себя вправе заниматься этими вопросами.

Он был уверен в своей принадлежности к высшей аристократии. Это не означало, что подобно другим принцам он был тщеславен и презирал народ. Но, как все сеньоры того времени, из вполне естественной гордыни был убежден, что принадлежал к правящему классу и что все, с кем ему полагалось быть щедрым, не имели к нему никакого отношения. Вполне типичный представитель своей касты, своего клана и ранга, он всегда считал себя знатнейшим среди знатных, принцем среди принцев, законно призванным волею судьбы к исключительно почетной карьере и грандиозным делам: вот тут-то частное лицо и становится государственным деятелем.

Государственным деятелем, самая главная черта которого — понимание его функций и обязанностей. А они заключаются в том, что он — король, тем более — император, он — Величество, так как его характер, складывающийся из гордости и стремления к славе, естественно подводит его к слиянию с Величием в одно целое. Поскольку он очень властен, то не допускает оспаривания своего суверенитета над подданными, вытекающего из его королевских прерогатив, феодальных обычаев и римского права, с которым ему вскоре предстоит познакомиться. В этом вопросе как в идейном плане, так и в политике он будет наиболее принципиален: империя — это он.

Это он, потому что пожелав и получив империю, старается сделать ее величайшим делом своей жизни, ибо он действительно очень властолюбив. Властолюбом он был с юности, остается им в зрелые годы, будет им и в старости. Впрочем, его амбиции неопределенны: он хочет все большего, без мистических эксцессов, без мифических поисков. Хочет быть самым совершенным из рыцарей, лучшим из военачальников, наиболее почитаемым из монархов, самым могущественным из императоров: благородные желания, заставляющие его постоянно что-то предпринимать и никогда не позволяющие отступить перед неудачей, потому что он по натуре оптимист, уверен в себе, доволен собой без глупого тщеславия и всегда счастлив тем, что Провидение подарило ему исключительную судьбу.

Его главная политическая добродетель наряду со вкусом и пониманием власти заключается в очень живом практицизме. Не то чтобы он никогда не мечтал, подобно любому монарху, о необыкновенных предприятиях и бурных успехах, — ведь империя легко может внушить волшебные видения. Но каждый раз в своих решениях и действиях, если не в своих отношениях, он сдерживал порывы, порожденные

иллюзиями. С самого своего восшествия на престол он очень хорошо понял положение и проблемы Германии, наметил и программу для Италии, в трудные моменты умея быть ловким реалистом, готовым к переговорам если не лично — этого он не любил, — то, по крайней мере, через посредничество тщательно отобранных агентов.

Умный и тонкий политик, любящий власть, а значит и любящий принимать решения, он был замечательным деятелем. Любовь к действиям, соответствующая его физической силе и живости ума, сделала его неутомимым. Немецкие дела, итальянские вопросы, духовные и религиозные проблемы, Запад и Восток, идеи и их осуществление — его интересовало все, он брался за все и занимался всем. Если бы он был глупым или бестолковым, если бы не был благородным в своих помыслах, амбициях и характере, то был бы всего лишь посредственным управляющим, пребывающим вечно в движении, всегда в поисках или ожидании результатов. Но, не будучи ни неумным, ни беспорядочным, метя высоко и задумывая все в крупных масштабах, он имел все необходимые качества для того, чтобы стать могущественным властелином как в мире, так и в войне, как в управлении и администрации, так и в отношениях со своими подданными, потому что моральные качества делали его лидером, внушающим больше уважения, нежели страха.

Все эти добродетели имели и обратные стороны. Вкус к власти и силе, амбициозность, привычка к действию, которая могла подавить размышление и правильную оценку реальности, приводили иногда к упрямству, не имевшему ничего общего с упорством, и к поражениям, являвшимся в какой-то степени ошибками. Ему случалось потерять много времени, прежде чем он понимал, что избранный путь неверен, и, то ли из гордыни, то ли из-за врожденного неумения

договариваться, не мог быстро сменить ориентацию. В этом заключались его личные недостатки. В некоторых случаях этому необыкновенному властелину не хватало хладнокровия и самообладания.

Этому замечательному человеку нужны были великие замыслы и удивительные предприятия. С 1152 года никто не сомневался, что он проявит себя в своих инициативах. Потому что с этого момента у него появилась программа, в деталях еще неясная, но задуманная с размахом и с таким расчетом, чтобы каждое направление его политики нашло в ней свое место.

Задача проста: Фридрих Барбаросса хочет восстановить монархическую власть в Германии, где царят беспорядок и анархия, и поднять как можно выше авторитет императора, который с 1125 года, если не ранее, ослабел и потускнел. Как заявляет он сразу же после своего избрания в письмах, адресованных разным лицам, в частности папе Евгению III, в этом заключается выпавший ему долг, так как император должен содействовать восстановлению, воссозданию и упрочению *славы* Королевства и империи — *honor regni, honor imperii*, — то есть власти, связанной с миссией, которую он выполняет как король Германии и как глава имперского учреждения. Если он этого не сделает, он утратит свой «honor», иначе говоря — власть и то, что из нее следует, осрбенно же авторитет, которым она наделяет; не выполнив этот долг, он будет «обесславлен» как невыполнивший свои обязательства в отношении империи, королевства и самого себя.

После уточнения этих целей намечаются различные методы их достижения в зависимости от того, какое значение придается Германии, а какое — империи. Можно считать, что обе части программы были четко разграничены или наоборот — тесно взаимосвязаны, потому что восстановление королевской

власти в Германии имело целью обеспечение упрочения власти имперской.

Придавая своей политике это второе значение, Фридрих имел в виду анархию в Германском королевстве, не выделяя это как отдельную цель, потому что считал Германию лишь инструментом для достижения своих имперских планов и был намерен поставить ее потенциал на службу империи.

Не похоже, чтобы в своей идее об империи он оставил достаточно места для мечты о мировом господстве, которое должно было объять весь христианский мир. В его окружении, конечно же, были какие-нибудь прелаты или рыцари, в мечтах своих иногда заносившиеся в такие высоты. Может быть, даже в глубине души, в каком-нибудь лихорадочном порыве он и сам мог воодушевиться до такой степени, чтобы поверить в возможность стать властелином мира. Но он был чересчур реалистом и слишком настойчиво преследовал ясные цели, чтобы подолгу гоняться за химерами. Для него империя, славу которой он хотел восстановить, была романо-германской, то есть ее суверенная юрисдикция распространялась на три королевства: Германию, Италию и Бургундию. Следовательно, это была империя Карла Великого, какой он себе ее представлял и какой хотел видеть, а именно — империя Каролингов, в которой главным звеном станет Германия. Исходя из этой идеи он разрабатывает то, что один историк впоследствии назовет «его великим замыслом», то есть проект, одновременно германский и имперский.

В Германии его авторитет требует восстановления высшей суверенной власти и контроля в собственных интересах за процессом феодализации, нанесшим серьезный ущерб монархическому устройству, начиная с борьбы за инвеституру и в период правления Лотаря III. Фридрих принимает феодальную

основу как данность и даже считает, что лен, полученный по наследству, становится выморочным, если за ним не признается юридического положения, позволяющего его определить как объект публичного или частного права. Для него нет лена, а есть лишь ленники, которые получают лены в зависимости от своей службы (нижние ступени вассальной лестницы) или выполняемых функций (верхушка иерархии). Герцоги, маркграфы и епископы получают лены согласно прерогативам, распространяющимся исключительно на общее достояние и являющимся наследственными согласно феодальному обычаю, уже введенному в стране. В качестве вассалов-ленников они обязаны служить королю. Если они не выполняют свой долг, король конфискует их лен — отбирает у них герцогство или графство, отменяет их права на них, но не имеет права на этом основании завладеть их личным (наследным) имуществом. Из этой системы извлекают выгоду обе стороны: монарх — потому что делает принцев представителями своей власти, принцы — потому что получают гарантию на свои титулы и должности. Во всяком случае, поскольку феодальная практика заключает в себе определенный риск паралича и анархии, Фридрих Барбаросса намерен укрепить суверенную власть, принадлежащую исключительно королю и, восстанавливая порядок внутри страны, навязать свои законы и собственное правосудие путем введения правил и соответствующих учреждений, прежде всего мировых судов, на всей территории королевства (*Landfriede*) с тем, чтобы им подчинялись все принцы.

Для успешного проведения этих мер необходимо постоянно поддерживать и укреплять суверенный контроль, иначе принцы найдут способ для всемерного упрочения своей автономии — что им позволит сделать в следующем веке Фридрих II.

Для империи программа направлена на создание территориального пространства, особенно крепко удерживаемого императором, который из этого пространства будет наблюдать за всеми остальными землями. Оно охватит юг Германии – Верхнюю Германию – и будет включать среднюю Рейнскую область, Швабию (принадлежащую Фридриху), Баварию, Австрию и соседние области (Каринтию, Тироль, Штирию), которые надо будет раздать верным принцам и друзьям. Оно охватит Альпы и Ломбардию, которую надо будет покорить и в которой тоже будут созданы властные структуры. Из этого твердого ядра легко будет опекать Северную Германию, Центральную и Южную Италию через королевских наместников. И тогда Фридрих тоже станет настоящим императором Запада, рядом с которым все прочие короли будут не более чем королями (*reguli*), как заявит его канцлер Капетингу Людовику VII.

Деятельность в Германии была делом предварительным, вторжение в Бургундию – второстепенным, а решение итальянской задачи – первоочередным. Укрепление империи состояло, прежде всего, в успешной деятельности на полуострове, причем действовать надо было в оттоновских традициях, из личных амбиций и из желания власти, а не – как это утверждает историк Иоганн Халлер – для получения преимущества в торговле и контроля над путями из Баварии и Австрии в Венецию. Ибо такое объяснение вновь привело бы к предположению, что, с одной стороны, сообщение между Германией и Адриатикой было хорошо налажено – а это было не так, – а с другой стороны, что Фридрих был готов к экономическим выводам, тогда как по духу они были ему совершенно чужды.

Определив свои цели и уточнив намерения, император получил четкое представление о средствах,

которыми он мог бы воспользоваться, и об их допустимых пределах.

В Германии у него не было, как у королей Капетингов, богатых поместий, а королевское имущество было небольшим и разбросанным по всей стране. Однако личные владения его семейства оказались немалыми. Помимо нескольких владений в Тюрингии, они находились в герцогстве Швабском, в частности, в долине Рейна: во-первых, в местности между Базелем и Фрейбургом, во-вторых, в районе Вормса и Шпейера, в долине Лаутера и в Эльзасе. Но этого явно было недостаточно для того, чтобы внушить уважение прочим принцам — с этой точки зрения Вельфы были богаче. Зато Штауфен располагал тремя возможностями, которыми не преминул воспользоваться.

Сразу после избрания он прежде всего решил извлечь максимальную выгоду из своего титула, то есть как можно лучше использовать свое право призыва вассалов для упрочения правосудия и мира, вмешиваясь в дела, в которых он мог бы сослаться на высшие мотивы. В то же время он продемонстрировал намерение не делать никаких уступок в том, что по традиции считалось его исключительным монаршим правом, например, согласившись с условиями Вормского компромисса, дабы избежать смешения временных понятий с духовными, он настоял на сохранении за монархом права на инвеституру, то есть на возведение в сан епископов. В качестве второй меры он считал, что миссия монарха может быть успешной только при условии взаимодействия с принцами. Рассуждать таким образом и действовать в соответствии с этим принципом означало признать, что аристократия призвана участвовать в королевском управлении, что, в свою очередь, должно было гарантировать ее верность. Поэтому, не вдаваясь в теорию власти, которая, кстати сказать,

его не интересовала, он был полон решимости не предпринимать в Германии ничего значительного без участия — по крайней мере фиктивного — принцев, которые со своей стороны должны были согласиться с реальными прерогативами монархии.

Третий фактор, с которым ему надо было считаться, определялся самим феодальным строем. Благодаря острому чувству реальности он понял, очевидно, еще до своего вступления на престол, что полный возврат к феодальным обычаям невозможен; сам он не смог бы, пожалуй, их отбросить, настолько этот строй проник в общественные нравы и сознание. Но он решил не быть жертвой этого строя. Поэтому если даже ему придется еще глубже укоренить эту систему в германской почве, то он будет следить за тем, чтобы феодальные порядки осуществлялись во взаимосвязи с упрочением королевской юрисдикции и уплотнением сотрудничества со знатью через вассальные отношения.

Видимо, такую программу трудно было воплотить в жизнь. Она таила в себе ряд опасностей. Слишком уступать феодальным привычкам, слишком стремиться к соглашению с крупной знатью, задабривая ее щедротами, — это могло в любой момент ослабить центральную власть и привести к противоположному результату.

Фридрих это прекрасно сознавал, но в течение всей жизни отказывался пожертвовать своим королевским правом и всегда считал, что если избранные им средства противоречат одно другому, то следует в первую очередь защищать монаршую миссию, которая должна быть воплощена в жизнь с опорой на людей, верных Штауфенам. Он неоднократно ясно давал это понять на словах и на деле.

Выбор методов, которые надлежало применить в Италии, был не настолько ясен, потому что император

ограничился лишь определением способа, которым он намеревался установить и осуществлять свою власть.

В первую очередь он решил стать настоящим сувереном Итальянского королевства, то есть получить в этой стране всеобщую поддержку своей политики, чтобы все примкнули к его империи, величие которой следовало поднять как можно выше. Сеньоры и города, знать и простоллодины должны были принять его суверенитет, не исключаящий сохранения некоторых местных свобод при условии, что он сам будет их контролировать. Значит, здесь, как и в Германии, он рассчитывал на сотрудничество. Но если в Германии он чувствовал себя обязанным идти все дальше по этому пути и считал естественным и обязательным сотрудничество короля с принцами, то в Италии это было всего лишь щедрое предложение, обсуждать которое он не собирался. Если жители этой страны были недовольны его властью или отказывались от сотрудничества, тогда сила — сила Германии — должна была их к этому принудить.

В остальной части полуострова, где он, возможно, не имел четкого намерения стать непосредственным властелином, он тем не менее желал признания за собой особого права на вмешательство, то есть это должен был быть суверенитет, который в действительности оставался бы фиктивным до особых случаев. Поэтому он согласился с фактом существования королевства Сицилии, но хотел помешать сицилийскому монарху под каким бы то ни было предлогом вступить в другие итальянские области и дать ему понять, что император выше его. Таким образом, *honor Imperii* не обязательно предполагал территориальный захват Сицилии и аннексию этой страны, а только лишь ее принижение и принуждение считаться с империей. Следует отметить, что не все историки именно так объясняют поведение Штауфена, некоторые заявляют, что он в первые же годы своего

правления составил план захвата Палермо и всего Сицилийского королевства. Правду в этом вопросе тем более трудно установить, что поиски ее могут проводиться лишь в области проектов, так как в действительности это завоевание никогда не предпринималось.

Какая бы позиция ни была избрана, имперские действия в Италии выдвигали на первый план вопрос об отношениях с Папской областью, владычицей обширных территорий на полуострове, непосредственно заинтересованной в сицилийских делах. В этом отношении имперская программа была сформулирована четко и ясно. Поскольку святой престол и империя Божьим промыслом были созданы для сотрудничества, Фридрих намеревался как можно больше помогать римской церкви в религиозных делах; в качестве ее поверенного и особого покровителя он был расположен оказывать ей поддержку в Папской области и в других странах против ее врагов, в числе коих была и римская коммуна. Но зато папа должен был признать королевские прерогативы в Германии — определенная доля участия в инвеституре епископов в качестве арбитражной инстанции в случае разногласий, через утверждение избранника в сане в обмен на клятву верности и т.д. Особенно было нужно, чтобы император мог действовать по своему усмотрению в Итальянском королевстве, в том числе и в Патримонии Св. Петра, если речь пойдет о политических вопросах, не входящих в компетенцию местной администрации. Необходимо было, чтобы он сотрудничал с Папским государством против Сицилии и вообще, чтобы папа поддерживал императора каждый раз, когда речь заходит об интересах империи.

Эта обширная и четкая программа тем не менее была неполной. Ведь если в Германии Штауфен планировал идти как можно дальше по пути сотрудничества с принцами, если в Италии он готов был даже применить силу при первой же необходимости и повсюду, где это

будет нужно, то в отношении Папской области он не определил для себя линии поведения на тот случай, если папа откажется от сотрудничества или от имперских проектов. Он просто знал, что здесь натолкнется на власть особого рода, которой ему как частному лицу и как христианину придется подчиниться. Зато в сфере общественных интересов темперамент не позволял ему отступать перед серьезным конфликтом, но он, естественно, рассчитывал ловко сыграть на устршении.

Помимо этих нескольких рассуждений новый монарх в 1152 году знал, чего хочет и как этого добиться. Физически, интеллектуально, политически он готов был выполнить возложенную на него миссию. Примечательно также, что он повсюду провозглашал союз с другими властными структурами, считая, что сотрудничество — лучший способ действий.

В Германии невзирая на времена его дело продолжил однажды Генрих Лев, прекрасно знающий германские реалии — фактор, который никогда нельзя упускать из виду для прослеживания развития и перипетий его политики. В Италии, напротив, сотрудничество оставалось ограниченным, так как в истории этой страны правление Фридриха часто представлялось как попытка править посредством силы; здесь ему вскоре пришлось отказаться от идеи сотрудничества со всеми итальянцами. Более двадцати лет он пытался выполнить свою программу скорее военным путем, чем через переговоры; потом, уяснив истинное положение вещей, начал разрабатывать в 1174–1177 годах новые методы, тем не менее ни в чем не изменившие цели, которую он преследовал своими предприятиями.

Итак, его слабость состояла в отсутствии у него опыта для решения итальянских вопросов, как, впрочем, и вопросов, касающихся святого престола. Несмотря на первоначально большие успехи ему пришлось с горечью в этом убедиться.

ГЛАВА V

Первые попытки и ошибки реставрации (1152–1156)

Едва став королем, Фридрих Барбаросса с жаром берется за все проблемы, не стесняясь признаваться в своих планах и трубить о своих претензиях, и уже через несколько дней все поняли, что времена Лотаря и Конрада закончились, а через несколько месяцев — что дело реставрации королевской власти ведется систематично и последовательно.

Его первым жестом сразу после коронации в Ахене было письмо папе Евгению III с сообщением о своем восхождении на трон: письмо, исполненное уважения и заверений в своей сыновней привязанности: *«...мы приносим Вам почет и любовь, а нашей пресвятой матери Римской церкви и всем духовным служителям ее — незамедлительное и законное правосудие, а также покровительство»*, и с заявлением о своем намерении помогать христианскому делу, приводя верующих к повиновению духовности власти и пастырям и наказывая тех, кто нарушит *«законы святых отцов и декреты святейших соборов»*.

Это послание содержало, однако, несколько удивительных моментов. Король Германии действительно не скрывал своего намерения работать одновременно над защитой *«достоинства Церкви»* и над реставрацией *«величия империи в ее прежнем блеске»*. Так он очень ловко давал понять, что желал

для выполнения этой двойной задачи установить тесное сотрудничество с первосвященником; однако утверждал свою полную свободу действий и целостность владений, на которые простирался его суверенитет, очень кстати приведя здесь же знаменитые слова папы Геласия I (496–502 гг.), заявившего, что *«мир (был) суверенно управляем священным авторитетом пап и королевской властью»*. Более того, он ни в коей мере не добивался подтверждения своего избрания и, составив письмо как король римлян — единственный титул, которым он себя именовал, — он указывал, что по решению принцев является тем, кого папа должен короновать императором.

Евгений III был, конечно же, удивлен тоном этого послания, контрастировавшим с тем, как все происходило при восхождении на престол Германии Лотаря и Конрада. Одновременно с этим посланием он получил и другое, — от Вибальда из Ставело, бывшего главным советником предыдущего монарха, который описал ему нового суверена как очень достойного принца *«с живым умом, скорого в решениях, удачливого в войнах, жадного до трудных предприятий и славы, неспособного переносить несправедливость, приветливого и щедрого, блестящего собеседника»*. Этот несколько успокаивающий портрет возвещал о том, что империя перешла в крепкие руки. Это же должны были повторить первосвященнику посланники, направленные Фридрихом для дачи ему всех необходимых разъяснений и представления проектов сотрудничества. Среди этих легатов находился новый архиепископ Трира Хиллин, ранее возведенный в сан согласно установкам Wormского конкордата, принесший клятву молодому королю, и который теперь прибыл просить папу о своем посвящении — поступок, свидетельствующий о похвальных намерениях. Хиллин был посвящен в сан

архиепископа, и Евгений III ответил Барбароссе тем, что принял к сведению – не более того, но весьма любезно – его выдвижение и его программу помощи церкви, и удовольствовался тем, что настоял на помощи, которую церковь ожидала от императора.

Первосвященник и в самом деле просил об этой помощи с 1151 года и требовал действий против коммуны, что и собирался сделать Конрад незадолго до смерти. Следовательно, папа вынужден был поддерживать добрые отношения с новым королем. К тому же он был достаточно опытен и снисходителен, чтобы понять и оценить напористость молодого монарха. Зато этот монарх не смог сразу же снарядить военную экспедицию в Италию, потому что в его глазах приоритетное значение имели немецкие дела. Но он сделал ловкий маневр. Так как архиепископ Кельнский торопил его с оказанием помощи святому престолу, он предложил принцам высказаться по этому вопросу. Светские сеньоры, не горевшие большим желанием лично принять участие в этом предприятии и отряжать в поход соответствующий воинский контингент, посоветовали ему подождать, что он и сделал, довольный тем, что у него появилась уважительная причина не торопить события и возможность публично продемонстрировать свою волю к сотрудничеству с немецкой аристократией. Тем не менее, он продолжил обсуждение вопроса о помощи с Папской областью, так как необходимо было договориться об императорской коронации, которую ему хотелось провести поскорее, а также об аннуляции его брака с Адельгейдой фон Фобург, от которой у него не было детей. Упомянув к тому же об итальянской проблеме, он постоянно извещал папу, что намерен ею заниматься.

В то же время король указывал, что третья корона – Бургундская – тоже ему небезразлична и что

она может рассчитывать найти свое место в «славе империи». В апреле или мае он возобновил функции по управлению этой страной, до того временно возложенные на герцога Бертольда фон Цэрингена, «ректора» королевства, а ему пожаловал здесь поместья; он обязался поддерживать его против происков, которые чинил Гильом (Вильгельм) Маконский, брат графа Рено, умершего в 1148 году. При этом он заявил о своем намерении лично осуществлять монаршие прерогативы в отношении епископских и архиепископских кресел и сам определял воинский контингент, который Бертольд должен будет направить в Итальянский поход. В том же мае месяце датские знатные сеньоры попросили его выступить в качестве арбитра между двумя кандидатами на датский королевский престол, что свидетельствует об авторитете, которым он пользовался уже тогда; на ассамблее в Мерзебурге он поддержал кандидатуру Свена, но не преминул потребовать от него признания германской сюзеренной власти.

Но все это, кроме установления контактов с папой, имело второстепенное значение по сравнению с итальянскими делами, в свою очередь обусловленными состоянием немецких дел, урегулирование которых составляло главную озабоченность короля.

С начала своего правления (1152 г.) он провозгласил учреждение мировых судов (*Land friede*), которое он продолжил и расширил в 1157 году, чтобы бороться против беспорядков и анархии и дать понять, что ответственность перед общественностью, взятая им на себя ради величия королевства и империи, дает ему право силой навязывать свое правосудие с целью создания правовой системы. Чтобы никто не мог в этом усомниться, было прямо заявлено, что этот эдикт принят самой королевской властью и ею одной, хотя для его применения нужно

будет созывать принцев на земельные ассамблеи и заставляя их клясться соблюдать его — осуществляя таким образом ловкое соединение монаршего суверенитета с аристократией. Относительно же самих предписаний, то самое строгое и самое новое из них касалось ношения оружия и судебных поединков (решение спорных вопросов путем поединков, утверждающих правоту победителя). Ношение оружия было запрещено крестьянам, дуэли разрешались только тем из знатных господ, чьи предки были пожалованы в рыцари. Но и другие статьи были небезынтересны: в них определялись меры наказания за убийство, нанесение увечья, воровство (смертная казнь за убийство кроме тех случаев, когда необходимая оборона могла быть подтверждена исходом судебного поединка); вводились штрафы для тех, кому вменялись в вину менее серьезные проступки, среди которых числилось несоблюдение цен на хлеб, установленных графами. Короче говоря, эдикт касался всех сословий, крестьянства и купечества, а особенно же знати, которая не могла самовольно начинать междоусобные войны. К тому же предусматриваемые санкции были применимы без всяких ограничений ко всем классам общества. Король сообщил о своем намерении разослать графам точные инструкции — еще один способ напомнить о том, что высшее правосудие зависит от него одного и что независимо от феодализации общественных функций граф в этих вопросах являлся лишь его доверенным лицом. Кроме того, он требовал четкого соблюдения эдикта в последующие годы и включил в него наказания за незаконно взимаемые дорожные пошлины.

С другой стороны, он продолжил начавшееся перед его избранием сближение с Вельфами. Чтобы показать, что он не собирается притеснять принцев при создании собственных обширных владений и что

намерен править, главным образом, на основании своей королевской миссии, а может быть, также, чтобы сдержать данное им Конраду обещание, король отказался от герцогства Швабского, которое пожаловал своему двоюродному брату Фридриху Ротенбургскому, сыну покойного императора: в тот момент этот жест обошелся ему недорого ввиду малолетства нового герцога, доверившего ему контроль над владениями. На ассамблее в Ратисбонне в июне он пошел еще дальше. Он пожаловал Вельфу VI маркизат в Тоскане, герцогство Сполето, Сардинию и все владения графини Матильды. Он согласился также на требование Генриха Льва о передаче ему Баварии в пику Генриху Язомирготту, но передал решение этого вопроса ассамблее принцев с перенесением сроков обсуждения на более позднюю дату, дав понять, что не возражает против возвращения герцогства сыну Генриха Гордого. Таким образом, согласие было восстановлено.

Но в то же время он без колебаний заявлял о своих королевских прерогативах, в частности, в отношении духовенства, как он это сделал при учреждении мировых судов. Поддерживая избрание нового архиепископа Трирского Хиллина до его посвящения в сан папой, он с первых же часов своего правления продемонстрировал желание строго соблюдать положения Вормского конкордата. Следовательно, король считал, что в случае разногласий между прелатами-электорами именно он будет выступать в роли арбитра, так как это ему избранник приносит клятву верности еще до того, как станет епископом; если же решение по этому вопросу будет вынесено другим авторитетным лицом или органом, то королю придется только согласиться с избранием вопреки соглашениям 1122 года, предусматривающим право монарха отвести данного кандидата еще до его

посвящения в сан, то есть признание за монархом права ознакомиться с личностью соискателя.

Он и продемонстрировал это свое право, когда узнал об избрании аббата из Прюма. После того как некоторые духовные лица заявили, что это назначение было сделано с учетом родственных связей кандидата, король резко оборвал обвинения, заявив, что он один здесь судья, и дал распоряжение благословить избранника. Он занял твердую позицию в вопросе о занятии архиепископского кресла в Магдебурге, вакантного после кончины Фридриха фон Веттина, наступившей 14 января 1152 года. Поскольку электоры не пришли к соглашению и не смогли выбрать из двух кандидатов одного, он сам взялся за это дело, отклонил кандидатуры обоих претендентов и организовал повторное голосование, в ходе которого потребовал избрания епископа из Цейца Вихмана. Тот, будучи уже епископом, не обязан был вновь проходить посвящение и занял архиепископское кресло с 1 ноября.

Немецкий епископат, стремившийся к соблюдению порядка и не боявшийся власти, а может быть, даже предпочитавший вмешательство короля, который был для них вполне доступен и нуждался в советах, нежели папу или его слишком предприимчивых легатов, не стал осуждать Фридриха. Он даже попросил Евгения III прислать Вихману омофор — знак его юрисдикции. Папа отказался, но осложнять отношения с королем не захотел. Все это доказывает, что за несколько месяцев все заинтересованные лица — папа римский, епископы, принцы — поняли, что наступают новые времена и что с молодым королем следует считаться.

А король осенью 1152 года решил, что самые срочные меры уже приняты и вообще он уже достаточно проявил себя, чтобы никто больше не сомневался, на

что он способен. Теперь он стал торопить продвижение переговоров с римской церковью.

Дело представлялось простым. Ему нужно было, во-первых, добиться признания его брака недействительным, во-вторых, организовать свое путешествие в Рим для принятия там из рук папы императорской короны и, наконец, в-третьих, получить согласие святого престола на его итальянскую политику. Но он ухитрился оговорить первый вопрос отдельно (ввиду его частного характера) и, таким образом, сумел на основании близкого родства супругов аннулировать свой союз с Адельгейдой фон Фобург без выплаты ей какой бы то ни было компенсации, тогда как два других пункта его ближайшей программы вызвали целую политическую дискуссию. Со своей стороны, Евгений III, по своему характеру склонный к соглашениям, нуждался, как известно, в германской помощи для восстановления своей власти в Риме и для защиты от Роджера II Сицилийского.

Предварительные консультации, активно проводившиеся с декабря 1152 года, привели к официальным переговорам, состоявшимся с Констанце, где семь кардиналов и аббат-цистерцианец из Кьяравалле представляли папу, а со стороны короля были епископы Гавельбергский и Констанцкий и три графа — один немец и два итальянца. Переговоры закончились 23 марта 1153 года торжественным соглашением, главные пункты которого составлены следующим образом:

1. Сеньор король (Римлян) обяжет одного из своих представителей поклясться от имени короля, а сам же он, вложив свою руку в руку легата сеньора папы, пообещает не заключать ни перемирия, ни мира ни с римлянами, ни с Роджером Сицилийским без согласия и одобрения Римской церкви и сеньора папы Евгения или его преемников, которые обязаны будут соблюдать этот договор с коро-

лем. И всеми силами своего королевства он будет стремиться подчинить римлян сеньору папе и Римской церкви, как они были ему покорны в течение последних ста лет.

2. Он станет поддерживать и защищать, насколько это будет в его силах и в качестве доверенного лица и поверенного в делах Римской церкви, авторитет папской власти (*honorem Papatus*) и *regalia* святейшего Петра, которыми папа распоряжается в настоящее время. Те же, которыми он в настоящее время не распоряжается, он (сеньор король) поможет ему (сеньору папе) всеми силами вернуть их и будет защищать, после того, как они будут возвращены.

3. Он не уступит королю Греков (императору Византии) никаких земель по эту сторону моря. А если тот захватит эту страну, то он силами Королевства примет все возможные меры для его изгнания.

Он выполнит все эти клаузулы и будет их соблюдать без отступлений и уворток.

4. Через устное обязательство апостолической власти сеньор папа, а также вышепоименованные кардиналы в присутствии вышепоименованных легатов сеньора короля, пообещает и будет прославлять короля как возлюбленного сына святейшего Петра, короновать его императором, не чиня ему ни осложнений, ни препятствий, когда он прибудет для получения всей полноты своего величия, и помогать ему в выполнении его миссии, состоящей в поддержании, приращивании и возвышении авторитета Королевства (*honorem regni*).

5. Всякому, кто посягнет на то, чтобы дерзко нарушить или уничтожить правосудие и авторитет Королевства, сеньор папа по сердечной просьбе носителя королевского сана направит каноническое предостережение, которое должно быть удовлетворено.

И если после апостольского предостережения эти люди откажутся воздать справедливость праву и власти короля, он (сеньор папа) пригрозит им отлучением от церкви.

6. Папа не уступит королю Греков никаких земель по эту сторону моря. Если тот дерзнет захватить эту страну, сеньор папа силой, дарованной ему святейшим Петром, примет все меры к его изгнанию.

7. Все эти клаузулы будут соблюдаться одной и другой сторонами без отступлений и уверток, кроме тех случаев, когда они будут изменены по добровольному и обоюдному согласию обеих сторон.

Этот исключительной важности текст, по поводу интерпретации которого в дальнейшем у папы и императора должны были возникнуть разногласия, фактически заключал в себе три соглашения:

– во-первых, активное сотрудничество в целях защиты и приувеличения путем совместных действий одновременно авторитета Папской области и авторитета империи (этот термин в тексте не упоминается, так как Фридрих в тот момент был еще только королем римлян), – сотрудничество, признающее раздельные власть и прерогативы за империей и за Папской областью, впрочем, имевшей и собственный «авторитет» (который в сравнении с авторитетом императора не мог быть ограничен только духовной сферой) и особые *regalia* (общественная власть), что представляло собой уступку со стороны Штауфена, не добивавшегося суверенитета в патримонии;

– во-вторых, альянс против византийских действий в Италии, означавший, что ни одна из частей полуострова не может претендовать на принадлежность Византийской империи;

– в-третьих, обязательство короля в одностороннем порядке выступить против римлян и никогда не вести переговоров ни с ними, ни с Сицилией.

Этот последний пункт, по-видимому, был без возражений принят Фридрихом, который считал, что императорская коронация стоит военных действий против римской коммуны. Что до Сицилии, то он мог подумать, что враждебность папы в отношении этого королевства такая же, впрочем, как и враждебность римской церкви в отношении римлян (это было очевидно), разумелась сама собой. Отсюда следовало, что для него Папская область *не могла* иметь намерения договариваться с Сицилией, если бы она это сделала, то нарушила бы дух соглашения, согласно которому святой престол должен был активно сотрудничать с ним *ради возвышения авторитета империи*, а это означало бы, по меньшей мере, признание за императором права самостоятельно определять политику на всем полуострове. Зато он связал себя четкими обязательствами.

В тот момент и в последующие месяцы ни одна из сторон не подумала о возможных разночтениях этого документа. Напротив, сотрудничество стало более тесным. После смерти Евгения III 8 июля 1153 года его преемник Анастасий IV совершил жест доброй воли, послав омофор Вихману из Магдебурга, в то время как Фридрих продолжал в Германии внедрение в практику судебного эдикта и запрещал епископам отчуждать имущество церкви, чего святой престол не мог не одобрить. В то же время шла подготовка к итальянскому походу.

Римляне его опасались; суверенный же первосвященник его ожидал, видимо, надеясь, что поход этот поможет приструнить нового короля Сицилии Вильгельма I, заменившего на троне своего отца Роджера II, умершего 26 февраля 1154 года.

Однако военная экспедиция на полуостров не вызывала энтузиазма у немецких принцев, более склонных заниматься делами своих княжеств. Во избежание

серьезных столкновений с ними и сохранения в Германии согласия и сотрудничества Фридриху пришлось удовольствоваться весьма ограниченным воинским контингентом. Перед отправкой в дорогу он ускорил обсуждение вопроса о герцогстве Баварском. Чтобы доказать свое доброе отношение к Генриху Льву, он пожаловал ему – в конце 1153 года – право самому принимать клятву верности епископа Ольденбургского, чье епископство было основано за Эльбой, на славянских землях; потом, в июне 1154 года, – та же прерогатива в отношении епископских должностей, недавно созданных в том же регионе, в Рацебурге и Мекленбурге, что вело к упразднению королевского права в отношении епископальных церквей. Наконец, на ассамблее в Госларе, проходившей в том же году, он безоговорочно согласился с решением принцев отдать Баварию Льву, у которого с этого момента больше не было причин отказывать королю в своей дружбе. Но, чтобы не выпустить Льва полностью из-под контроля и не обидеть Генриха Язомирготта, король ввел Льва в права владения герцогством не сразу.

Все лето прошло в последних приготовлениях к походу. В октябре королевское войско перешло перевал Бреннер; оно было немногочисленным – скорее эскорт, сопровождавший короля на коронацию, нежели армия, способная к проведению настоящих боевых операций. Едва перейдя горные хребты, оно натолкнулось на трудности: в верхнем Адидже, в районе Вероны, группы вооруженных людей напали на немцев, которые легко отбились от них, но после этого вынуждены были избегать заходов в города. В ноябре, после захода в Пьемонт, Фридрих расквартировал свое войско на зиму в долине По, в Ронкалье, местности, расположенной на левом берегу реки выше Пьяченцы.

Здесь-то и состоялась первая официальная встреча Фридриха с его итальянскими подданными.

5 декабря он созвал ассамблею, в которой приняли участие многие представители полуостровной знати. С согласия ассамблеи он провозгласил своеобразное уложение, целью которого было наведение порядка в феодальных структурах путем ограничения свобод мелких вассалов и упрочения прав более крупных сеньоров, поощряя расстановку сил, при которой королю будет удобнее держать под контролем всю страну. Королевский эдикт фактически запрещал вассалу отчуждать свой лен без разрешения сеньора; он уточнял, что любой вакантный лен, на который в течение одного года и одного дня не будут заявлены права в соответствии с правилами наследования, возвращается в распоряжение сеньора.

Эти решения были следствием политики, направленной на сотрудничество со средней и крупной знатью и соответствовавшей взглядам Штауфена. Такая политика предполагала игнорировать города, представители которых хоть и присутствовали на ассамблее, но были отнесены теперь к «коммунальному праву». Так, по крайней мере, следует из отзыва о коммунах Фридриха несколькими днями позже (22 декабря), когда он возобновил с Венецианской республикой договор о границах, подтвердивший, что венецианская территория (с островами Торчелло, Мурано, Градо и т.д.) не подвластна Итальянскому королевству.

После этого, не потрудившись ясно сформулировать волновавшие его вопросы и совершенно не зная реального потенциала страны, король двинулся дальше вглубь Италии, как если бы все еще находился в привычной ему германской среде. Зато итальянцы с этого момента принялись либо рассчитывать на его помощь против своих конкурентов (Лоди и Павия), либо не доверять ему и призывать к сопротивлению (Милан). Не имея средств для того, чтобы заняться

этими проблемами, и желая поскорее добраться до Рима, он сделал вид, что не придает этому значения, тем более, что прекрасно понял, какую выгоду можно извлечь из этого внутреннего соперничества.

В Риме тоже горизонт затягивался тучами. Папа Анастасий IV умер 3 декабря 1154 года и его только что сменил кардинал Николас Бриксспир, англичанин по происхождению, под именем Адриана IV. Новый первосвященник не был врагом империи, но не доверял молодому королю, как его предшественник, а может быть, и Евгений III. Кроме того, он верил, что Папское государство должно совершенно свободно и решительно выполнять свои священнические функции во всем христианском мире. Сам он до своего восшествия на престол Св. Петра осуществлял очень важную миссию в Скандинавии, во время которой основал архиепископство в Тронхейме и подчинил шведские церкви архиепископству в Лунде вместо Бремена-Гамбурга, как это было ранее. Немцам это не понравилось. Но Фридрих в начале 1155 года не собирался выражать недовольства по этому поводу, так как хотел, чтобы его коронация прошла без осложнений. Что до Адриана IV, то он не мог поставить под вопрос соглашение в Констанце, из которого надеялся извлечь гораздо больше выгоды. Так что обе стороны вели себя очень сдержанно; ясность в отношениях, которой и раньше-то было не слишком много, уступила место недоверию.

Ничто так не знаменательно в этом деле, как переговоры, начавшиеся ради подтверждения Констанцкого соглашения новым папой. Император написал об этом Адриану IV, настаивая на взаимной выгоде, вытекающей из *«неразрывных сердечных связей между королевством и духовенством»*, но ему пришлось связать себя обязательствами (если верить кардиналу Бозону, донесшему до нас сведения о событиях, коих он был

свидетелем) защищать жизнь и имущество папы и кардиналов, как будто курия вдруг обнаружила опасность, которую представлял для нее новый король Германии. Это беспокойство, ни на каких особых факторах не основанное, несомненно было вызвано общим осложнением положения святого престола.

Ситуация в Риме и в Церковном государстве и в самом деле становилась все тяжелее. В Вечном городе папа не пользовался никаким авторитетом. Скрывшись во дворце, построенном еще папой Львом III, он отказывался признать коммуны, подстрекаемую Арнольдом Брешианским. Улицы становились с каждым днем опаснее, до того что один из кардиналов (из Санта-Пуденциана) стал жертвой покушения и был брошен мертвым на пустыре. Этот акт вызвал твердую и храбрую реакцию Адриана IV, объявившего интердикт. Поскольку приближался праздник Пасхи и эта мера должна была оттолкнуть от римских святынь толпы поломников, Сенату пришлось уступить и пообещать дезавуирование республиканских учреждений, а Арнольда Брешианского приговорить к ссылке. Анафема была снята, и папа смог отправиться в Латеранский дворец и торжественно отслужить мессу. Но опасность не отступала.

Что до Сицилии, то папа отказывался вести переговоры с Вильгельмом I, который, однако, выдвинул интересные предложения, но, видя такое отношение к себе, ужесточил свою позицию, не принял папского легата, напал на Церковное государство (конец мая), сжег Чеперано и постепенно проникал в Беневенто. Адриан IV выразил протест и в начале июня отлучил его от церкви. Но он ничего не мог сделать без действенной помощи Фридриха, хотя в то же время боялся его вмешательства.

Между тем для короля Германии становилось все более очевидным, что у него нет военных средств

для решения всех этих вопросов. Поэтому он сконцентрировался на одном пункте своего плана: короноваться королем Италии и императором. По этой причине он благосклонно принял делегацию города Павии, столицы королевства, где он, возобновляя давнюю забытую традицию, должен был надеть на голову железный венец итальянских монархов. Но это создало новые осложнения, так как ему пришлось поддержать жителей Павии против жителей Тортоны, а поскольку тортонцы не согласились с его решением, то он, чтобы не потерять свое лицо, вынужден был осадить их город, который сопротивлялся до апреля. Итак, только 17 апреля он был коронован в Павии, откуда отправился в Рим.

Через Болонью, где король встретился с юристами знаменитых школ римского права, он прибыл в Папскую область примерно в тот момент, когда Адриан IV из-за вновь начавшихся волнений покинул столицу и перебрался в Витербо. Узнав об этом, Фридрих послал к папе новое посольство, но папа перепугался, думая, что в окружении немецкой армии более не будет свободен в своих действиях, и особенно опасаясь союза Барбароссы с римлянами. Все это показывает, насколько папа не знал и не понимал истинной позиции короля.

Однако король доказал свою добрую волю тем, что передал схваченного и приведенного к нему Арнольда Брешианского представителям святого престола, которые казнили его, уготовив бесславный конец этому идеалисту, страстно проповедовавшему евангельские бедность и чистоту. Наконец, когда во время новых обсуждений короля с двумя кардиналами-легатами всех деталей коронации один из немецких аристократов поклялся во второй раз от имени монарха не посягать на жизнь папы и членов курии, после очередных изменений, осложнивших ситуацию,

папа и король встретились в Сутри (9 июня), и тут неожиданный инцидент вновь пробудил опасения обеих сторон. Фридрих отказался держать стремя Адриана, когда тот сходил с лошади, так как увидел в этом знак политического верховенства главы церкви, и изменил свое поведение только тогда, когда ему объяснили, что такой обычай существовал всегда.

Зато в последующие за этим инцидентом часы он полностью рассеял все страхи. Сенат и Римская коммуна, с февраля месяца пытавшиеся с ним договориться, направили к нему посольство с объяснениями, что для императора гораздо почетней получить корону из рук самих римлян, что соответствовало бы античной традиции, а главное — сделало бы Рим настоящей столицей империи и несколько ограничило мирскую власть святого престола. Но Штауфен, стремящийся к сотрудничеству с римской церковью и принципиально отбрасывавший мысль о том, что императорская власть может быть дана ему его же подданными, твердо и высокомерно ответил, что он владеет империей на основании завоеваний его предшественников Карла Великого и Оттона и что он прибыл в Италию *«не для того, чтобы выпросить себе временную милость беспокойного народа, но как принц, решительно настроенный получить, если нужно, силой оружия, наследство отцов»*. Это означало одновременно отказ папе в его правах и заявление, что король римлян становится императором с момента своего избрания принцами, которые представляли аристократию и служили инструментом Божьей воли, а не остальными подданными, — но при условии его прибытия и коронации в Риме. Однако в папском окружении этому не придали особого значения — или сделали вид, что не придали, — слишком довольные тем, что планы коммуны провалились.

С этого момента коронация стала возможной, но из-за столь резкого заявления в адрес Вечного города

она происходила в необычных условиях. В ночь с 17 на 18 июня немецкая армия заняла все подступы к граду Св. Петра. На следующий день в знаменитой базилике состоялась торжественная церемония. Преклонив колени перед первосвященником и вложив свои руки в его ладони, Фридрих поклялся *«перед Богом и блаженным Петром, с Божьей помощью и при всех обстоятельствах, по мере своих сил и ума, верой и правдой быть покровителем и защитником святой Римской церкви и особы папы или его преемников»*. Потом, после торжественного шествия, распростершись перед распятием, император прослушал литании и был помазан святыми маслами между лопатками и на правой руке. После этого состоялась месса; после чтения святейшего послания Адриан IV вручил ему меч и скипетр, а затем золотую корону. Пока толпа немецких рыцарей приветствовала его, Фридрих, должно быть, сказал себе, что в этот день, 18 июня 1155 года, выполнен первый пункт его программы: он стал императором.

Но пойти дальше он не смог. В тот же день после полудня римляне двинулись от Капитолия на приступ укрепленных кварталов Св. Петра (возведенных при папе Льве III — *Прим. перевод.*). Весь вечер шли кровопролитные бои; атака горожан была отбита, но на следующее утро, 19 июня, император и папа покинули Вечный город..., в который по-настоящему так и не вошли. Через монастырь Фарфа и Поли они добрались до местечка Тиволи, подчиняющегося святому престолу, но жители предложили ключи от города Фридриху. Тот отказался их принять и приказал населению подчиниться Адриану IV.

Убедившись, что больше ничего сделать не может за неимением средств, рассудив, что восстановление императорской власти на данный момент должно ограничиться одной лишь коронацией, а все остальное

следует отложить на некоторое время, он дал приказ возвратиться в Германию. Этого требовало и состояние его войска, так как из-за летней жары среди рыцарей началась эпидемия. Он перешел через горы, сжег Сполето, заплатившее ему дань фальшивыми монетами, и прибыл в Анкону, где встретил посланцев византийского императора Мануила Комнина; они предложили ему совместные действия против Сицилии. Сначала он колебался, затем отклонил предложение, сославшись на то, что войско его устало. В сентябре он вновь перешел через Альпы, после того как подчинил Милан императорской юрисдикции и отнял у него собственные права (чеканка монеты и сбор налогов) — эти меры не могли быть незамедлительно проведены в жизнь, но и теоретическими они тоже не остались.

Итак, он не извлек больших выгод из своего первого итальянского похода, потому что в своем нетерпении получить императорскую корону пренебрег некоторыми реалиями. Но это-то он как раз понял. По возвращении в Германию он уже знал, что в будущем ему нужно будет считаться с городами полуострова, особенно в северных областях, а в этой стране необходимо действовать с позиции силы, и что нельзя позволять втягивать себя в сложные предприятия, связанные с второстепенными проблемами — например в отношении папы с римлянами, — даже если при этом он рискует разочаровать главу церкви.

С одобрения принцев он с жаром взялся за свои немецкие дела, погрузившись в законотворчество для того, чтобы ограничить право сеньоров на присвоение личного имущества умерших священников или чтобы запретить поверенным в делах аббатств передавать дела подстряпчим. С октября 1155 года он ввел Генриха Льва в права владения герцогством Баварским, а спустя какое-то время (17 сентября 1156 года) в качестве компенсации Генриху Язомирготту,

дабы улажить его, сделал его Австрийскую марку герцогством. Сверх того новый герцог получил особые привилегии, так как герцогство стало наследным и могло передаваться его законным потомкам (мужского и женского пола) от его брака с Феодорой (дочерью Мануила Комнина), а при отсутствии таковых – тому, кого он сам укажет; герцог должен был нести службу при дворе только тогда, когда ассамблея принцев будет проходить в Баварии, участвовать в походе, только если он направляется в страны, граничащие с Австрией. Этим актом, который историки называли *privilegium minus*, Фридрих создал в империи австрийскую юрисдикцию.

В то же время он предпринял еще одну меру, упрочившую его власть в Германии, а именно: он пожаловал своему сводному брату Конраду, родившемуся от второго брака его отца, пфальцграфство Рейнское, ставшее выморочным после смерти Германа фон Шталека. Действуя таким образом, он усиливал власть своего семейства в Рейнской области, в частности, в районе Гейдельберга, города, который в ту эпоху получил первые импульсы к своему будущему развитию.

Тем временем, не выпуская из виду составленные им планы, все еще во власти сильных амбиций, он стал подыскивать себе новую супругу. В 1155 году начались переговоры в этой связи с византийским двором; но несмотря на его усилия они ни к чему не привели, вероятно, потому, что Мануил Комнин связывал данный вопрос с проблемой Южной Италии, а Штауфен хотел там править один. По возвращении с полуострова он прекратил эти переговоры и остановил свой выбор на дочери умершего графа Рено Бургундского, Беатрис, представлявшую прекрасную партию, потому что после смерти годом ранее своего дяди графа Маконского, перед тем оспаривавшего у

нее отцовское наследство, она стала владелицей всего графства. К тому же юная особа давала будущему супругу возможность прямо вступить во владение Бургундским королевством, чего не мог сделать ни один император. От этого императорский авторитет должен был вырасти еще больше.

9 июня 1156 года свадьба была торжественно и роскошно отпразднована в Вюрцбурге в присутствии большого числа принцев. Находящийся среди них герцог Бертольд фон Цэринген не скрывал своего недовольства. До сих пор он был, как до него его отец, викарием или «ректором» Бургундии, что давало ему наряду с большими доходами определенную власть. Так как бургундский брак лишил его этого титула и всех прочих преимуществ, Фридрих в виде возмещения назначил его поверенным трех епископств в Женеве, Лозанне и Сионе. Однако это была слишком жалкая компенсация, чтобы Цэрингены остались верными Штауфенам.

Но в то время противники короля были слабы и немногочисленны. Принцы действовали вместе с королем, даже если кто-то и выражал недовольство. Через немногим более четырех лет правления Барбаросса мог с полным основанием считать, что выполнил первую часть своей программы: монархическая власть в Германии была восстановлена и упрочена; империя благодаря незамедлительной коронации набирала силу. Казалось, настал час сделать больше и установить реальную королевскую власть в Италии.

С конца 1155 года его главные мысли были устремлены к этой стране. Предприятие, задуманное в это время и запланированное на весну 1158 года, нужно было тщательно подготовить в военном и дипломатическом плане. Для выполнения этой «задачи» Фридрих, воспользовавшись кончиной архиепископа Кельнского Арнольда (14 мая 1156 года),

который фактически руководил имперской канцелярией, окружил себя новыми людьми. Самым главным и самым активным среди них был клирик, председатель соборного капитула в Мюнстере с прошлого года Рейнальд фон Дассель. Обладающий живым умом, предприимчивостью, пламенный сторонник империи, которую он желал вознести как можно выше, считающий, что власть избранника немецких принцев должна распространяться на весь христианский мир, кроме того — храбрый и набожный, Рейнальд, которого король сразу же назначил своим канцлером, в течение одиннадцати лет был самым главным советчиком и наиболее верным слугой, преданным своему господину как никто другой. Но, поскольку он обладал теми же достоинствами и недостатками, что и король, еще сильнее рвался в бой, ему случалось иногда толкать короля на небезопасные пути. С таким помощником, однако, можно было приступить к большой имперской политике в Италии, до этого момента почти не затронутой.

ГЛАВА VI

Срыв Констанцкого договора и первая итальянская кампания (лето 1156 – лето 1159)

Через несколько дней после брачной церемонии в Вюрцбурге произошло событие, которого император не мог предвидеть и которое нарушило всю систему данных по итальянской проблеме. 18 июня 1156 года папа Адриан IV заключил с королем Сицилии Вильгельмом I соглашение, которое историки называют Беневентским конкордатом.

Чтобы лучше уяснить себе цепь событий, которые привели к этому соглашению, нужно вернуться к ситуации, сложившейся летом 1155 года, когда Фридрих покинул Италию. В тот момент сицилийская угроза святому престолу оставалась серьезной. Отлученный от церкви король должен был, естественно, отступить от Беневенто, который он осадил в мае, чтобы пойти в Пулию на подавление сопротивления баронов, поддерживаемых византийским императором Мануилом Комнином, предложившим, как мы уже знаем, Штауфену союз и совместные действия. Но опасность оставалась, тем более что папа не мог вернуться в Рим и навести порядок на своих землях. Зато Вильгельм I несмотря на продолжавшиеся серьезные затруднения был склонен к переговорам и даже к оказанию помощи, возвращаясь к той

политике, которую неоднократно практиковали его предшественники.

Впрочем, в то время в курии некоторые кардиналы считали союз с германским императором иллюзорным, бесполезным и опасным. Иллюзорным – потому что он предполагал тесное сотрудничество двух партнеров на принципах равенства, что было невозможно ввиду материальной слабости римской церкви по сравнению с обновленным авторитетом и властью империи. Бесполезным – потому что Барбаросса намеревался вмешаться в итальянские дела, не заботясь об интересах папы, что он и доказал в 1154–1155 годах, сильно разочаровав самых верных своих сторонников. Наконец, опасным – так как именно его амбиции, желание возвысить славу империи, его действия на полуострове и угрозы насилия (как это было в Милане), направленные против тех, кто посмеет оказать сопротивление, не могли не быть предосудительными в отношении свободы и прав церкви. Поэтому приходилось задавать себе вопрос, не является ли сила предпочтительнее сердечного союза и не следует ли перед началом сотрудничества уточнить позиции и цели каждой из сторон. Так думал среди прочих и Роланд Бандинелли из Сиены, долгое время преподававший в Болонье каноническое право. Его в свое время призвал к себе Евгений III и сделал канцлером римской церкви, доверив тем самым важнейшие обязанности в папской администрации.

К сожалению, осенью 1155 года курия не могла решить, каким образом удерживать Фридриха на расстоянии все то время, пока будет существовать угроза со стороны Вильгельма I. И Адриан IV продолжил антисицилийскую политику. Он связался со взбунтовавшимися баронами и прибыл в Беневенто, чтобы в качестве сюзерена страны принять присягу

непосредственно от некоторых из них, как если бы монарха вовсе не существовало. А тот как раз в это время был серьезно болен. В течение нескольких недель он не мог выдерживать сопротивление восставших. В первые дни 1156 года он чуть не стал жертвой заговора, составленного против него аристократами. Но едва оправившись от болезни, Вильгельм оценил опасность и, будучи человеком ловким, решил пойти на переговоры и попросить снять с него анафему. В начале весны он направил послов, которые предложили папе принести присягу, поклясться в верности, возместить ущерб, нанесенный церкви, оказать действенную и постоянную помощь против Римской коммуны и, наконец, предоставить ему большую финансовую поддержку.

Это привело папу и кардиналов в затруднение. Курия долго обсуждала эти заманчивые предложения. Одни придерживались мнения, что их нужно отклонить, потому что Папское государство не может выйти из союза с Германией и вести переговоры на этих чисто политических основах, которые в итоге приведут к восхождению Вильгельма на трон в Палермо, а это означает нарушение Констанцского соглашения, даже если этот договор и не запрещает явно вести переговоры между римской церковью и Сицилией. Зато другие члены курии подумали, что лучше согласиться, так как это станет способом улаживания сицилийского вопроса и римской проблемы и одновременно получением полезной поддержки перед угрозой амбиций, которые обнаруживает Барбаросса. И, наконец, третьи рассудили, что в такой форме не следует соглашаться на предложения Вильгельма, а чтобы договориться с ним, важно уточнить положение церкви в нормандском королевстве, то есть не целесообразно ограничиваться только политическими разговорами. Эта группа не была явно настроена

против Сицилии, но требовала более широкой дипломатической дискуссии.

В конце концов, как сообщает кардинал Бозон, папа и большинство Священной коллегии согласились на том, чтобы отвергнуть сделанные им предложения, что вынудило Вильгельма I перейти к действию.

Но удача ему улыбнулась. В несколько недель он усмирил главных зачинщиков бунта, вновь захватил Бриндизи, оккупированный войсками, бывшими на службе у Византии, и осадил Беневенто, заблокировав в этом городе папу и кардиналов. Однако он тут же предложил им договориться. На этот раз ему не смогли отказать. Переговоры были трудными, так как на сей раз король Сицилии уже не видел оснований показывать себя более уступчивым, чем при предыдущих контактах. Зато Адриан IV сумел ловко пойти на уступки в политическом плане, чтобы получить преимущества в области духовной: отсюда и название конкордата, данное соглашению, заключенному 18 июня.

Святой престол жаловал Вильгельму I право инвеституры в Сицилийском королевстве, герцогстве Апулии и княжестве Капуа, включая в это княжество последние территориальные приобретения монарха, которые до сих пор оспаривались папой. В обмен на это король принес ему присягу на верность и обязался платить ежегодно 600 монет податей. В самой же Сицилии он сохранял традиционные права на церкви, но в полуостровной части своих владений соглашался на вмешательство римской церкви в вопросы апелляций, легатских миссий, перевода епископов, посвящения их в сан, проведения консилиумов и т.д.

Это был хороший компромисс. Вильгельма I признали монархом, его территориальные владения подтвердили. Папа сохранял свой особый суверенитет в его королевстве, получал права действенного контроля над церквями, в которых давно утратил авторитет. К

тому же в последующие недели король без колебаний оказал Адриану IV более значительную помощь, благодаря которой тот смог в ноябре вернуться в Рим.

Узнав о конкордате, а значит и о согласии между римской церковью и Сицилией, а также о некоторых мерах, принятых папой для утверждения своего суверенитета в Церковном государстве, Фридрих Барбаросса был глубоко уязвлен, что выразилось в приступе гнева и ярости. Он понял, что Беневентский договор вновь поставил под вопрос его итальянскую программу, основанную в центральной и южной части полуострова на тесном взаимодействии со святым престолом для ослабления и нейтрализации королевства Сицилии. Фридрих посчитал – впрочем, не без основания – что этот договор противоречит духу Констанцкого соглашения (но не его букве, так как он забыл, что сам не оказал курии ожидаемой от него помощи, а значит, изменил этому духу). Все эти размышления заставили его несколько пересмотреть свои планы, – не конечную цель, которой по-прежнему оставалась авторитарная политика в Италии, но их увязку. Если раньше он планировал действовать непосредственно в центре страны и оттуда подавлять возможное сопротивление северных городов, то теперь решил, что сначала нужно утвердить свою власть в северных областях, потому что области, лежащие южнее, неблагонадежны. В то же время он обнаружил, что ему придется отказаться от мысли о сотрудничестве с Адрианом IV и отодвинуть политику альянса с Римом на более поздний срок.

Эти выводы стали результатом трезвого анализа ситуации, хотя выбор средств для действий в Северной Италии еще не был окончательным. Может быть, постараться создать там прочные пронемецкие базы в дипломатическом и военном смысле? Или начать дипломатическую игру с некоторыми городами, чтобы

надолго заручиться их поддержкой? А что до взаимоотношений со святым престолом, то до каких пор можно считать их бескорыстными и до какой степени император, вынашивающий грандиозные планы в отношении полуострова, может игнорировать власть папы? Столько вопросов было еще не только не решено, но даже не поставлено.

Как бы то ни было, в конце 1156 года план мощного военного вторжения в Ломбардию был окончательно готов. На ассамблее в Фульде 24 марта 1157 года было уточнено, что главный удар будет направлен на Милан. Сообщая об этом решении своему дяде Оттону, епископу Фрейзингенскому, император объявил, что Божьей милостью ему поручено «управление Вечным городом и миром» (*Urbis et Orbis*), впервые заявляя – следуя конечно же советам Рейнальда фон Дасселя – претензии на исключительный суверенитет и, в частности, выражая свое желание включить Рим в область, непосредственно подчиняющуюся его власти. Все это говорило о его намерении отказаться следовать новой политике папы и выполнить свою миссию императора со всей полагающейся по такому случаю торжественностью и пышностью.

Прежде чем приступить к осуществлению этих проектов, ему нужно было уладить ряд внутренних дел. На основании своей полной юрисдикции он запретил устанавливать торговые пошлины на Майне от Бамберга до Майнца, кроме Нойштадта, Ашаффенбурга и Франкфурта. Он гарантировал права евреев на правосудие, проживание, собственность, передвижение и торговлю, отметив при этом, что никто не должен принуждать их к принятию крещения (апрель 1157 года). Договорился с герцогом Богемским Владиславом, которому в 1156 году пожаловал прерогативу ношения королевской короны по случаю некоторых праздников, и подтвердил ее затем в

январе 1158 года, и т.д. Все действия находились в тесной связи с подготовкой к итальянскому походу и в то же время укрепляли монарший авторитет в Германии: эдикты о торговых пошлинах и о правах евреев обеспечили приток денег в сундуки; почетное пожалование прерогатив Богемии, упрочившее ее союз с Германией, гарантировало участие герцога в заальпийской кампании.

Другие дипломатические решения имели целью сгладить проблемы, которые вполне могли обостриться во время пребывания Фридриха и многих принцев на полуострове, но эти решения должны были также продемонстрировать силу и авторитет империи. Когда в 1157 году король Дании Свен не смог удержаться на троне и был вынужден уступить своему сопернику Вальдемару I, Фридрих позаботился о том, чтобы и Вальдемар не смог отделаться от немецкой опеки. В то же время он установил дружественные отношения с королем Венгрии Гезой II, который обеспечил ему военную помощь в Италии. В Польше, напротив, князь Болеслав IV, сумевший подчинить себе страну в пику своему брату Владиславу, отказался поддержать Фридриха, и Фридрих во главе небольшого войска перешел Эльбу (лето 1157 года), достиг Вроцлава, а оттуда Познани и заставил князя принести ему присягу, выплатить компенсацию за моральный ущерб, пообещать поставить ему воинский контингент и помириться с братом, однако это обещание выполнено не было, что в дальнейшем стало поводом для новых действий со стороны Германии.

В то же время церквям были дарованы торжественные привилегии, подтверждая их права и обеспечивая их имуществу покровительство императора, словно император старался повсюду предстать как всезнающий суверен и всячески подчеркнуть холодность в его отношениях с папой. С тем же намерением

повысить свой авторитет он по возвращении из Польши отправился в Бургундию, где никогда еще не был, чтобы вступить во владение землями своей жены Беатрис, принять присягу знатных вассалов и распорядиться управлением. В конце февраля он прибыл в Безансон, где провел несколько месяцев. Здесь он также подтвердил привилегии духовных учреждений, переведя в свое прямое подчинение самые крупные из них, и прежде всего церковь в Безансоне – чего никогда не было при покойном графе, его тесте, – запрещая отчуждать лены, пожалованные из казны империи, и напомнив о своих правах множеством актов. Самым известным из них является золотая булла, направленная архиепископу Лионскому с подтверждением его юрисдикции на территории всей его области, и различные другие прерогативы и торжественно утверждающая императорский суверенитет в городе.

Пока Фридрих пребывал в Безансоне, произошел серьезный инцидент с папой.

С осени 1156 года Адриан IV не поддерживал никаких отношений с императором, но вместе с тем он не решался проявлять и антиимперские отношения. Может быть, он вообще колебался, какой линии придерживаться. Скорее всего, он оказался в трудной ситуации из-за разделения мнений Священной коллегии, что многие современные историки по непонятной причине упорно отрицают.

Беневентский конкордат фактически объединил убежденных противников империи с группой сторонников сицилийского соглашения, что могло бы уладить проблемы духовного характера. Но вторая группа не собиралась противиться Фридриху. Большинство кардиналов продолжали выступать за сотрудничество и возобновление отношений с монархом в духе Констанцкого договора. А папа несмотря на свои колебания

все больше склонялся к мнению меньшинства, которое прямо заявляло, что римская церковь должна быть заинтересована в согласии с Сицилией и северными городами. Кардиналы, представлявшие меньшинство, предводительствуемые канцлером Роландом, конфликта не желали, но думали, что союз с императором в конечном итоге обернется против интересов святого престола, если полуостров окажется полностью под пятой Фридриха; поэтому они предлагали не содействовать имперским проектам в Италии, а по возможности предотвратить их. Папа с большим вниманием отнесся к этому мнению, но не мог решиться поступить так, не заручившись если не единогласным одобрением Священной коллегии, то по меньшей мере поддержкой большинства ее членов.

Так в курии вырабатывалась двойная тактика, направленная, во-первых, на перераспределение голосов в пользу антигерманской политики, во-вторых, на разъяснение императору, всему миру и особенно немецкому епископату причин, средств и целей этой политики. Нужно было представить на всеобщее обозрение невозможность догвориться с Фридрихом или же заставить его пересмотреть свое отношение к создавшейся ситуации. Некоторые кардиналы и сам папа, видимо, считали это последнее решение возможным, так как с их точки зрения император был менее энергичен и менее властен, чем казался, и его поведение на полуострове в 1155 году показало, что он скорее жаден до пышных церемоний и пустой славы, чем до великих достижений.

Неожиданный инцидент предоставил святому престолу случай для действия, то есть возможность «прощупать почву», чтобы выяснить, каковы истинные намерения императора и как далеко он готов пойти. Архиепископ Лунда Эскиль стал жертвой нападения, когда, возвращаясь из Италии в Швецию,

проезжал по территории Бургундии. Некий сеньор, занимавшийся разбоем, остановил его, ограбил и бросил в темницу. Адриан IV заявил протест и, поскольку виновный был подданным Фридриха, попросил императора освободить прелата. Император, желая показать, что не собирается сотрудничать с папой, не ответил ему. Тогда было решено заявить новый протест, в более решительной и пространной форме, составленный в таких выражениях, которые заставили бы Фридриха отреагировать и прояснить свои намерения. Если же он, напротив, ограничится какими-то препирательствами и будет стараться увильнуть, то станет ясно, что он не так опасен, как было принято считать.

Действуя подобным образом, римская церковь все-раз рисквала полным разрывом с империей. Во всяком случае она не смогла предусмотреть всех возможных последствий этого шага. Однако сделав его, папа надеялся приобщить к антигерманской политике большинство кардиналов и заставить немецкий епископат менее благосклонно относиться к императору, то есть организовать ему сопротивление в самой Германии.

Во всяком случае никакой другой интерпретации этим событиям дать невозможно. Некоторые историки отказались и до сих пор отказываются признать за Адрианом IV намеренную провокацию; они стараются показать, что верят, будто папа не уловил смысла, который по логике вещей будет придан некоторым выражениям из адресованного Фридриху послания. Но это означает принимать его за наивного и несознательного человека, каким в остальных делах он не кажется, а также игнорировать присутствие среди членов курии кардиналов-антиимпериалистов. Другие историки, наоборот, считают, что Папская область в Безансоне решила «объявить войну» империи, — гипотеза, которую нельзя принять, так как папа через несколько недель отступил от своих первоначальных

намерений. Следовательно, истина находится между этими двумя предположениями, в желании вызвать ссору, чтобы заставить императора проявить свои настоящие замыслы, привлечь на свою сторону колеблющихся кардиналов и подтолкнуть немецких епископов к сопротивлению. Инцидент сам по себе заключался в содержании письменного протеста Адриана IV, который привезли в Безансон в октябре 1157 года кардиналы-легаты Роланд и Бернард, и составлен этот протест был исключительно умело.

С напоминанием о насилии, учиненном над Эскилем из Лунда, и с просьбой принять меры против виновных в послании перечислялось то, что святой престол сделал для молодого императора, и как бы между прочим выражалась надежда, что святому престолу не придется жалеть об этом:

«Тебе, прославленный сын наш, — заявлял папа, — следовало бы вспомнить в духе своем, с каким благорасположением и радостью пресвятая мать твоя Римская церковь приняла тебя в прошлом году, с какой сердечностью она с тобой обходилась, сколь велика была полнота достоинства и почестей, которые она тебе даровала, и как старалась она, решительно вручая тебе императорскую корону, своим снисхождением содействовать возвышению твоего величия, сверх того не делая ничего такого, что могло бы в малейшей степени пойти против твоей королевской воли. Мы не сожалеем, впрочем, что всячески шли навстречу твоим пожеланиям, и если твое превосходительство получило из наших рук большие бенефиции (beneficia), чем то было возможно, мы не радовались злорадно, помышляя о пользе и выгоде, которые благодаря тебе могли бы из этого произойти для Церкви и для нас».

Это означало, что папство не жалеет о том, что короновало Фридриха, и что оно сознавало значимость

сотрудничества двух властей, — это не могло не понравиться императору, хотя о нем и говорится здесь в выражениях, пропитанных горечью. Но чтобы эту горечь подчеркнуть, в послании указано, что святой престол ни о чем не сожалел бы, даже если бы император получил из рук папы гораздо большие *бенефиции*, нежели императорская корона. Иными словами, здесь явно дается понять, что империя была получена *из рук* главы римской церкви, словно этот глава мог бы ее и не дать. В этом состояла особая концепция империи, истинным властителем которой теоретически являлся папа, и папа жаловал корону — если соглашался на это — избраннику германских принцев. Кроме того, слово *beneficium* имело двойной смысл: очень абстрактное значение «*благоденствия*», а также «*пожалование*» и даже «*лен*».

Канцлер Рейнальд фон Дассель первый ознакомился с папским посланием, составленным на латинском языке и датированным 20 сентября. Поскольку ему поручено было передать императору и принцам его содержание на немецком языке, он не колеблясь перевел «*beneficium*» как «*лен*», и получилось, что Фридрих принял империю из рук папы как ленное владение. Ассамблея выразила бурный протест. Среди всеобщего шума один из легатов воскликнул: «*Но от кого же император получает империю, если не от папы?*» — формулировка на вид лаконичная и четкая, но в действительности очень хитрая, потому что она не обсуждает смысл главного положения, а лишь напоминает о роли папы в деле коронации. Граф Отто фон Виттельсбах в порыве величайшей ярости даже пригрозил прелату своим мечом. Барбаросса помешал ему пойти в своих действиях еще дальше, но приказал обоим кардиналам, в чьих вещах был произведен обыск, как можно скорее убираться в Италию той же дорогой, какой они прибыли.

Итак, первый пункт прояснился. Штауфен не намерен был отступать и не позволил себя запугать;

он не ухватился за напоминание о сотрудничестве. В конечном счете он грубо обошелся с легатами и в последующие дни не переставал поносить римскую церковь, плетущую, по его мнению, грязные интриги. Этого было достаточно, чтобы в несколько недель колеблющиеся кардиналы поняли, что согласие недостижимо, тем более что безансонский инцидент был ими представлен как акт насилия в отношении святого престола (в то время как в деле Эскиля Лундского право было на стороны папы), и упор делался на угрозы и обыск. Следовательно, вторая важная цель была достигнута.

Что касается последней из поставленных целей, а именно — благоприятной реакции немецких епископов, то курия рассчитывала, что этот инцидент заставит прелатов выразить императору свое неодобрение. Фридрих немедленно почувал опасность, но благодаря авторитету, который он приобрел в Германии с 1152 года своей политикой мира и порядка, тому, что семейные и личные связи обеспечивали ему дружбу и поддержку многих епископов, и, наконец, помощи своего верного канцлера Рейнальда он имел много шансов одержать верх в этом вопросе.

Фридрих начал действовать первым. Сразу после отъезда легатов разослал всем принцам Германии письма, составленные, главным образом, для сведения духовных лиц. Он ловко начинал в них с того, что выражал свою боль по поводу серьезных разногласий, могущих привести к большим беспорядкам в христианском мире, и отмечал, что он, император, которому поручено беречь «церковный мир», глубоко этим опечален. Потом довольно верно пересказывал события, но при этом очернял поведение двух кардиналов:

«Легаты исполнены были несправедливого отношения, — писал он, — держались крайне высокомерно, выказывая наглость и чрезмерно проявляя свою мерзкую

гордыню, и вручили нам доверенное им апостольское письмо. Оно уточняло, что мы всегда должны помнить о том, что императорская корона была нам пожалована сеньором папой и что оный надеется никогда не сожалеть об этом, даже если наше превосходительство получит от него еще большие бенефиции».

Именно в этом — при двусмысленности слова *beneficium* и самой этой фразы — заключалась главная мысль послания Адриана IV. Кроме того, Фридрих сообщал своим корреспондентам об обнаружении писем, скрепленных папской печатью, но не написанных, которые имели при себе Бернард и Роланд и содержание которых было оставлено на их усмотрение для улаживания духовных дел в Германии. Намерение это было весьма опасным, ибо если легаты располагали такими бланками документов для оформления решений, принятых от имени папы и в соответствии с обычными обязанностями любой подобной миссии, то почему бы не распространить таким способом среди немецкого духовенства авторитарные мнения папы — мнения, которые никогда здесь не приветствовались, — даже если легаты прибыли в Безансон не для того, чтобы заниматься вопросами германской церкви.

Наконец, Фридрих опровергал папскую теорию империи. Он напоминал, что владеет империей единственно по воле Божьей, на основании избрания его принцами, а заявления, что императорская корона — это лен, пожалованный папством, являются ложными. Поэтому на римские интриги, которые он клеймил не без иронии — «*вот какова оказалась миссия отеческой любви, долженствовавшая поощрять союз Церкви и империи*», — он просил принцев ответить презрением, снисходя к «*этой низости, пытающейся оскорбить нас и империю*».

Через несколько дней Адриан IV в свою очередь обратился к германскому епископству. Он напомнил

о прибытии в Безансон кардиналов с письмом, в котором было сказано, что папа пожаловал Фридриху *«престижный бенефиций – императорскую корону»*, не объясняя слова *beneficium*. Сам же инцидент был пересказан без эксцессов, правда, с подчеркиванием фактов угроз в адрес легатов, их высылки и запрета всем германским подданным обращаться к папе за апелляцией. Поэтому папа просил прелатов объяснить императору его неправоту с тем, чтобы избежать конфликта, жертвой которого может стать немецкое духовенство: *«это дело не только наше, но и ваше, и всех церквей»*. И, наконец, послание обвиняло в насилии дурных советчиков Барбароссы, в частности Рейнальда фон Дасселя и Отто фон Виттельсбаха.

Узнав об этом письме, император велел составить документ для сведения одних только епископов. В нем он детально объяснял свою концепцию императорской власти, полученной Божьей милостью на основании избрания императора принцами, за которым следует помазание избранника архиепископом Майнцским, а затем папой. Все остальное, писал он, *«было излишним и дурным»*, начиная с фрески в Латеранском дворце (коленипреклоненный Лотарь перед папой в качестве вассала) и кончая посланием, привезенным Роландом и Бернардом. Из-за этого начался раздор, который четко отразился в Беневентском конкордате, а теперь еще больше обострился, но он, император, ни в чем папе не уступит.

Немецкие прелаты, которые прежде всего желали сотрудничества между духовенством и империей, с радостью встретили соглашение в Констанце. Поэтому они со вниманием отнеслись к аргументам Барбароссы против договора в Беневенто. К тому же у них сложилось впечатление и даже уверенность, что именно святой престол старался осложнить ситуацию. Наконец, им трудно было в серьезном конфликте

поддерживать папу против сильного и авторитарного короля, которого поддерживали все светские принцы. В крайнем случае их можно было попросить о занятии нейтральной позиции, но не более. Поэтому в коллективном письме, составленном в начале 1158 года, они отбросили версию папы, заявив, что, по их мнению, легаты были высланы из Безансона из-за оскорбления империи и императора, который получил свою власть законно в результате выборов и коронации. Они уточнили, что никогда Фридрих никаким эдиктом не запрещал своим подданным обращаться к папе, и отметили, что не могут согласиться с заявлением, будто империя суть лен, полученный от церкви. Поэтому следует отказаться от выражений, содержащихся в направленном в Безансон документе, и уничтожить фреску в Латеранском дворце.

Этот ответ был блестящим успехом Барбароссы. План курии в этой части провалился, потому что папа и его окружение не поняли, что между императором и немецким епископатом существуют тесные и прочные связи. Адриан IV вынужден был отступить. В июне 1158 года новая миссия легатов в составе двух более миролюбивых кардиналов была направлена в Германию и там объяснила, что *beneficium* означает просто «благоденствие», что папа никогда не претендовал на то, чтобы жаловать империю в качестве ленного владения.

Как бы то ни было, Священная коллегия вынуждена была принять это отступление, потому что ничего другого ей не оставалось, но она была шокирована необузданностью Штауфена. Так как Штауфен перед новым походом в Италию был полон решимости идти вперед и после установления своей власти на севере полуострова авторитарно действовать в центре и даже на территории Папского государства, то следовало ожидать новых осложнений.

По возвращении из Безансона Фридрих занялся подготовкой к итальянскому походу, целью которого были города долины По, но войско ни в коем случае не должно было переходить Апеннины. Он хотел иметь многочисленное и хорошо вооруженное войско и требовал, чтобы принцы организовали для него поставку необходимого контингента — мы уже видели, как он вел себя с принцами Богемии, Венгрии и Польши. Он постарался поставить все войско только под свое командование, упраздняя прежний порядок, когда каждый крупный сеньор формировал отдельную армию под своим личным знаменем. Фридрих присоединил к вассальным войскам наемников и дал соответствующие инструкции, как найти за Альпами подкрепление. Наконец он ввел различные меры для поддержания дисциплины в войске, придавая «организованный» характер грабежам и поджогам, позволив торговцам следовать за войсками, но заставляя их продавать свои товары по заранее установленным ценам. Так в июне 1158 года в Аугсбурге собралась настоящая армия, хорошо вооруженная и обеспеченная во всех отношениях.

Рейнальд фон Дассель и Отто фон Виттельсбах сразу же были направлены на полуостров для установления контактов с населенными пунктами и объявления им, что Штауфен идет туда с намерением подавить Милан, бунтующий с 1155 года. Таким образом оба посла вовлекли в немецкую кампанию несколько городов, не считая многих знатных сеньоров — давних сторонников императора. Пьяченца подписала договор, по которому обязалась оказать ему военно-финансовую помощь (100 лошадей, 100 лучников, 600 серебряных марок) против Милана, с которым она тоже должна была воевать. Лоди, Павия, Комо и Кремона также перешли на сторону императора. Жители этих и других коммун принесли

Фридриху клятву верности, текст которой был составлен в начале 1158 года: *«Клянусь быть верным моему сеньору Фридриху, императору Римлян... и помогать ему сохранить императорскую корону и славу в Италии..., не отбирать у него его королевских прав, но способствовать ему в их возвращении... и безусловно подчиняться его приказам».*

Так что все было сделано для успешного проведения кампании, когда Фридрих, которого на сей раз не сопровождал его дядя Оттон, автор хроники, к тому времени умерший, во главе своей армии перешел Бреннер. Согласно плану продвижения, сразу после спуска в долину, куда стеклись также итальянские войска, отряженные дружественными городами, знатью и епископами, армия направилась к Милану. Видя мощь вражеского войска, крупный ломбардский город понял, что сопротивление бесполезно; вместе с тем, он открыл для себя и силу ненависти, которую вызывал у императора. 1 сентября Милан капитулировал. Фридрих потребовал от него, помимо огромной дани и выдачи трехсот заложников, отказа от узурпированных прав (чеканка монеты, торговые и дорожные пошлины и т.д.) и принесения клятвы верности всем населением; город должен был позволить императору возвести в своем центре замок (очень унижительное условие) и пообещать, что Милан не будет сдерживать развитие близлежащих городов Комо и Лоди и не станет нападать на них. Зато Милан сохранял своих консулов, избранных по его собственным законам, но утвержденных (инвестированных) монархом, которому они должны принести присягу. Все эти условия, хоть и жесткие, не были беспощадными, так как Штауфен хотел показать, что он пришел не как враг, но как господин, решивший заставить себе подчиниться.

В тот момент он верил, что примеру Милана последуют все остальные антиимперские города и что

отныне в Северной Италии будут царить мир и порядок. Поэтому он отослал в Германию часть своей армии, оставив, однако, при себе своих главных принцев, в частности, Генриха Льва. Покружив некоторое время по Ломбардии, он стал лагерем в Ронкалье, куда созвал на ассамблею итальянскую знать и духовенство, а также представителей городов с намерением торжественно провозгласить свои эдикты, четко устанавливающие его права и власть, как бы определяя таким образом принципы правления.

Четырем юристам из самых известных в то время школ в Болонье было поручено составить списки *regalia* в соответствии с римским правом и традицией, к которым император, этот новоявленный Юстиниан, собирался вернуться. Юристы прекрасно справились со своей задачей и представили длинный перечень объектов, на которые распространялась власть императора: общественные дороги, судоходные реки с притоками, порты и гавани, верховное управление взиманием налогов и пошлин, а также чеканкой монеты, установление и взимание штрафов, управление вакантным имуществом и имуществом, конфискованным у людей, неспособных им распорядиться, например, осужденных или изгнанных, составление брачных контрактов, право требовать поставок гужевого транспорта или кораблей и особых сборов на королевские кампании, учреждение магистратов для осуществления правосудия, строительство дворцов в городах, где это было в обычае, собственность на рудники и копи, доходы от рыбной ловли и солеварения, конфискация имущества осужденных за оскорбление величества и полное или половинное присвоение сокровищ, найденных на общественных землях и в церковных владениях.

Фридрих предал гласности этот перечень 11 ноября и постановил, что он соглашается — поскольку все

эти прерогативы принадлежат ему передать их в пожизненное пользование тем, кто будет в состоянии представить какой-либо документ, оправдывающий такую привилегию. Во всех остальных случаях незаконно узурпированные права — *regalia* — возвращаются императору, но он может по своему усмотрению пожаловать некоторые из этих прав в качестве особой милости. И действительно, многие епископы смогли представить письменное доказательство прав, пожалованных им императорами со времен Оттона I. Фридрих принял это к сведению и иногда даже возвращал прелатам привилегии, которые тем или иным порядком перешли к городским общинам. Таким образом, города стали главными жертвами эдикта, так как не могли представить никаких официальных документов в свою пользу. Поэтому они потеряли большую часть своих политических и юридических «свобод» и сохранили только консульское управление, причем назначение консулов «с одобрения народа» оставил за собой Фридрих.

Все это ясно определяло имперскую политику в Северной Италии, основанную на принципе одной лишь авторитарной суверенной власти — власти короля и проводимой с намерением отменить большую часть городских прерогатив, но с согласием пожалования некоторых из этих прерогатив самым верным и полезным из городов. Зато епископат приглашался к плодотворному сотрудничеству, потому что Фридрих думал, что ничем не рискует, жалует им *regalia* и рассчитывая следить за выборами епископов. Что касается светской знати, то второй эдикт, применимый также для Германии и продиктованный теми же намерениями, что и первый, провозглашенный некогда в Безансоне, запрещал отчуждение и раздел крупных ленных владений (даже при наличии наследников) — и особенно же тех, которые подразумевали и передачу обществен-

ных функций (герцогства, марки, графства) – и требовал от всех воинской повинности, на которой особо настаивал под страхом конфискации ленной зависимости. Это были решения, направленные на сохранение власти самых крупных сеньоров, которых Штауфен надеялся таким образом привлечь к себе и через которых рассчитывал получить военную помощь более мелких вассалов. Между прочим, это же уложение уточняло, во-первых, что вассал, оскорбивший своего сеньора, лишается своего лена; во-вторых, что разногласия между двумя вассалами по поводу лена разрешаются сеньором – что было выгодно одновременно крупной знати и императору (часто именуемому «сеньором сеньоров»). К тому же, для упрочения основ монаршей миссии уложением предписывалось, что суверен не будет упоминаться по имени в тех клаузулах клятв верности, которые исключают подчинение другому сеньору.

Третий эдикт обеспечивал императорское покровительство *«всем тем, кто продолжает обучение в школах»*. Этот декрет, один из самых знаменитых и внесенный по приказу Фридриха в кодекс Юстиниана, относился прежде всего к Болонье. Некоторые историки увидели в нем акт рождения Болонского университета, так как студенты взяли в свои руки организацию *studium* и на основании вышеупомянутой привилегии создали общину с самоуправлением.

Наконец, чтобы быть уверенным в том, что его решения соблюдаются и выполняются, Штауфен четвертым эдиктом обязал всех жителей Итальянского королевства мужского пола в возрасте от восемнадцати до семидесяти лет поклясться в том, что они будут сохранять мир, отказываясь от любого военного предприятия и от всякого участия в какой бы то ни было лиге. Это стало венцом его законотворческой деятельности. Если итальянцы добровольно или насильно подчинятся этим предписаниям, императорская власть

будет настоящей и эффективной. Тем же, кто попытается сопротивляться или бунтовать, примером послужит принужденный к капитуляции Милан, дабы призвать их к мудрости и осторожности: специфический метод, совершенно отличающийся от политики, проводимой в Германии, и обнаруживающий нежелание понять итальянские реалии.

Знать и духовенство сразу же согласились с этими решениями, тем более что для многих из них это стало обязанностью, выполнение которой налагалось, согласно обычаю, физическим присутствием императора в Итальянском королевстве. Но некоторые решительно и сознательно поддержали Фридриха например маркиз де Монферра, влиятельный сеньор, чьи владения лежали на границе Ломбардии и Пьемонта, и стараниями которого городу Асти в 1159 году были пожалованы особые права (*regalia*), или граф Бьяндрате из Ломбардии. Отношение городов было более сложным, более сдержанным, скорее даже нерешительным; анализ такого отношения показывает, насколько изменилось общественное сознание за несколько месяцев.

Большинство городов не высказали никаких серьезных критических суждений в отношении эдиктов императора, считая их обязательными из-за поведения Милана и его сторонников и надеясь, что антимиланские настроения дадут им реальный шанс вскоре получить от императора новые права (*regalia*), на сей раз официальные и законные. Так думали самые горячие противники Милана в Лоди, Павии, Пьяченце, Кремоне. В первом из этих городов судья и консул Оттон де Морена и его сын Асербо с жаром поддержали императора и взялись за составление ставшей впоследствии знаменитой хроники, чтобы рассказать «о делах, свершенных в Ломбардии пресвятым императором Фридрихом». Во многих городах также были люди, полагавшие, что суверенитет

империи следует признать окончательно, но при этом монарх должен пожаловать коммуна́м права и свободы, что в некотором смысле отвечало политике Штауфена, определенной в Ронкалье. Зато другие граждане при известии об этих эдиктах рассудили, что хоть королевство и принадлежит империи, а император осуществляет свои прерогативы, когда бывает здесь, и местные жители не имеют права восставать против него, все равно суверен не должен действовать так, как он это делает, потому что города *естественно* имеют свои свободы, и никакая власть отменить их не может.

Между этими двумя тенденциями, которые еще только находили свое выражение и пока проявлялись в зависимости от насущных интересов — за или против Штауфена, подавляющего Милан, — основная масса итальянцев оставалась сдержанной, так как уложения, данные в Ронкалье после жестокого усмирения Милана, не предвещали радужного будущего, ибо самое верное сотрудничество с императором все равно будет подчинено его единоличному контролю. В итоге Италия сохранила сдержанность, свои опасения, свою антипатию. Кое-какие союзы и дружественные контакты, чаще всего продиктованные корыстными интересами, однако никакой прочной опоры, позволяющей сохранять контроль над страной — вот все, чего достиг Барбаросса в конце 1158 года.

Некоторые города сразу же заупрямились. Генуя заявила, что отдаст Штауфену все, на что он сможет предъявить свои права собственности как император, и тут же начала возводить укрепления. Милан в январе 1159 года отказался выполнить указы посланцев монарха, требующих консульской инвеституры; на их настойчивые требования он ответил мятежом, а так как Фридрих жаловал особые права и привилегии городам Лоди и Комо, Милан вновь восстал. Его

поддержала Брешиа и маленький городок-крепость Крема. Суверен, который осенью отослал часть своего войска в Германию, оказался не в состоянии нанести сокрушительный удар. В июле 1159 года ему пришлось ограничиться осадой Кремы, но её жители сопротивлялись с необычайной энергией и даже создали новые орудия. Пришлось послать в Германию за подкреплением. Осада продолжалась шесть месяцев. В ходе ее наблюдались неслыханные насилия и жестокость, Фридрих доходил до того, что *«приказывал привязывать к осадным орудиям пленных из Кремы в надежде помешать осажденным забрасывать армию стрелами и камнями»*, но те все равно продолжали стрелять и мстить, *«истребляя на крепостных стенах своих пленников – итальянцев и немцев»* (Э. Жордан). Наконец в январе 1160 года защитники Кремы капитулировали; им сохранили жизнь, но город был стерт с лица земли. Жестокость сражений доказывала, что летом 1159 года в некоторых городах и областях Ломбардии проявилась неистовая ненависть против Германии.

Другим следствием Ронкальской политики было усиление беспокойства папы и курии и принятие ими решительных антигерманских действий. Адриану IV нетрудно было сообразить, что подчинение Северной Италии явилось лишь первым этапом четко составленной программы, а вторым этапом станет установление контроля над Тосканой, Церковной областью и Римом. Со своей стороны Фридрих не сделал ни одного жеста, не произнес ни одного слова, не направил ни одного послания для установления спокойствия и согласия, а окружение императора даже подстрекало его к сохранению твердости, подозрительности и враждебности.

В 1158 году не стало некоторых его советников, до сих пор рекомендовавших ему соблюдать осторожность

и налаживать сотрудничество, — аббата Вибальда из Ставело, архиепископа Ансельма из Равенны и его дяди Оттона из Фрейзингена. Тогда на первый план выдвинулся пламенный и лозкий канцлер Рейнальд фон Дассель, убежденный в том, что империя восторжествует благодаря мужеству и храбрости в сражениях; Рейнальд, отныне самый приближенный и доверенный из всех, благодаря безупречной верности в январе 1159 года стал архиепископом Кельнским.

За этим последовала цепь интриг, тайных переговоров и новых инцидентов. Папа продолжил переговоры с Вильгельмом I Сицилийским в связи с проведением в жизнь Беневентского конкордата, и вскоре общение с королевским двором в Палермо стало очень тесным. Король Сицилии оказал папе ценную финансовую помощь, которая позволила восстановить римские укрепления и папскую администрацию для продолжения борьбы со сторонниками бывшей коммуны. В ответ на помощь Адриан IV обратился к византийскому императору Мануилу Комнину с просьбой перестать хотя бы на время угрожать Сицилии, и дал ему понять, какую опасность представляет для него немецкая политика — ведь Фридрих тщетно пытался привлечь к ней и византийского суверена. Он сообщил о прибытии в Тоскану, Церковное государство и Рим императорских посланцев, ведущих открытые действия против Папской области, к которым вскоре должен был присоединиться и Отто фон Виттельсбах, чтобы возглавить их деятельность.

Антиимперское большинство курии активно вело тайные переговоры с Миланом и некоторыми ломбардскими городами; оно заклиняло их прекратить разногласия и объединиться перед лицом общей опасности; в качестве арбитра курия предлагала себя. Бергамо и Брешиа предоставили папе улаживать спор, которым хотел воспользоваться Фридрих; Адриан

запретил ему вмешиваться под страхом интердикта, что подрывало принципы Ронкальского уложения. Вскоре, когда император сообщил ему, что хотел бы сделать архиепископом Равенны сына графа Бьяндрате, священника из Рима, папа ловко и иронично воспользовался исключительными качествами этого священника, восхваляемыми в императорском письме, чтобы объявить, что церковь нуждается именно в таком человеке в Риме... и отказать в назначении.

И все же интриги велись не только по инициативе папы. Переговоры Фридриха с Мануилом, естественно, должны были беспокоить курию так же, как и отправка императорских посланцев в районы, расположенные близко от Рима, а еще более волновало его решение, принятое императором неизвестно в какой связи именоваться в адресованных папе посланиях первым и обращаться к папе вопреки традиции на «ты».

В этой атмосфере недоверия в апреле 1159 года по просьбе Адриана IV начались официальные переговоры. Собеседования эти, показавшие, насколько папство ужесточило свою позицию и почувствовало себя увереннее благодаря полученной поддержке, продемонстрировали желание вызвать во всей Италии сопротивление планам императора и решительный переход папы в лагерь его противников. Может быть, эти переговоры велись по просьбе прогерманского меньшинства в курии, которое было обеспокоено просицилийской политикой большинства, в свою очередь желающего доказать, что согласие с немцами возможно.

В начале апреля контакты были возобновлены двумя кардиналами – сторонниками этого соглашения, которые предложили императору просто вернуться к Констанцскому договору и принять во внимание, что в соответствии с буквой этого договора текст его никоим образом не запрещал святому престолу договариваться с Сицилией, а императора обязывал *«сохранять и защищать*

regalia блаженного Петра». Фридрих ответил, что это Адриан IV нарушил соглашение 1153 года, и предложил прибегнуть к арбитражу, который будет поручен римским прелатам и принцам империи. Когда легаты вернулись к Адриану IV, он заметил, что такой арбитраж беспредметен, потому что непонятно, что он будет разбирать, а поиски ответственных за наступивший в 1156 году кризис являются умозрительными и лишены интереса. Ответ Штауфена обеспокоил некоторых кардиналов, в том числе Энрике Нерейского-Аквилейского, которые, не будучи сторонниками пронемецкой политики, до сего момента надеялись на примирение.

Поэтому папа при поддержке большинства членов Священной коллегии решил продолжить дискуссию, опираясь только на условия Констанцкого договора и обязательства, вытекающие из него для императора в его итальянской политике. Кардиналам Гильому Павийскому и Октавиану Монтичелли было поручено сообщить об этом Барбароссе, с которым у них и состоялась встреча в Болонье в мае. От имени папы они представили ему ряд требований относительно толкования, которое следует дать выражению «*regalia* блаженного Петра». Они попросили признать, что в Риме все магистратуры и все суверенные права принадлежат папе, а это, в свою очередь, означало запрет Штауфену направлять туда своих агентов. Далее кардиналы указали, что, по мнению курии, император имеет привилегию на пребывание и соответствующий его рангу прием на территориях римской церкви только тогда, когда он прибывает в Италию для коронации. Они привезли с собой перечень областей, восстановления нарушенных прав которых добивался святой престол (Тиволи, владения графини Матильды, Феррара и часть экзархата Равенны, некоторые земли в Тоскане, герцогство Сполето, Корсика и Сардиния). Наконец,

опираясь на сей раз на канонические принципы, а не на *regalia*, кардиналы напомнили, что итальянские епископы должны не присягать монарху, а только лишь поклясться ему в верности.

Первые два требования отвечали сложившейся на тот момент ситуации, пока Отто фон Виттельсбах был в Риме, а сам монарх пребывал в церковных владениях. Фридрих немедленно отбросил оба требования, заявив, что первое из них неправомерно: коль он именуется королем римлян, то и Рим принадлежит ему. Он согласился освободить итальянских епископов от присяги при условии, что и они, в свою очередь, откажутся от пожалованных им особых прав. Наконец, он отверг территориальные притязания как необоснованные, назвав их «новыми, опасными и неслыханными», но некоторые из них предложил передать на рассмотрение смешанной комиссии.

В общем, это был разрыв отношений. Действительно, курия наверняка уступила бы в территориальных требованиях, которые выдвинула в качестве разменной монеты. Зато, всерьез обеспокоенная происками Фридриха в Риме, она во что бы то ни стало хотела добиться в этом вопросе твердых гарантий. Но приходится констатировать, что здесь Штауфену отступить было никак нельзя, потому что если он хотел и дальше осуществлять свою итальянскую программу, то не мог ни пожертвовать своим суверенным правом на Церковное государство, ни позволить епископам полуострова порвать связи, соединяющие их с имперской властью. Поэтому ответом Фридриха был отказ обсуждать то, что папству казалось первоочередным.

Пока император писал Эберхарду, архиепископу Зальцбургскому, чтобы сообщить ему об этих событиях и объяснить, почему он не смог принять предложение папы, пока кардинал Энрике заявлял, что отказывается понимать немецкую политику, направленную

лишь на захват территорий, римский двор констатировал поражение. В июне Адриан IV покидает Рим; он останавливается в Ананьи, чтобы быть поближе к своему сицилийскому покровителю. Кардинал-канцлер Роланд, вдохновитель антинемецкой политики, передает от папы королю Вильгельму I хоругвь Святого Петра в знак того, что отныне папа считает его защитником святого престола. Переговоры с Миланом и другими ломбардскими городами возобновляются в строжайшей тайне во время осады Кремы. В августе переговоры завершаются обещанием папы отлучить императора от церкви в сорокадневный срок, если он будет продолжать свои «бесчинства».

А Фридрих в это же время имеет на руках все козыри. Во-первых, он силен, даже если в данный момент численность его армии невелика. В Риме Отто фон Виттельсбах договаривается с населением, а на севере Папской области действует императорская агентура; таким образом Фридрих рассчитывает парализовать деятельность курии и запретить папе любые попытки предпринимать что бы то ни было. Кроме того, Штауфен знает, что у него есть несколько сторонников в Священной коллегии: прежде всего, Октавиан Монтичелли, римлянин, очень влиятельное лицо в Вечном городе, происходящий из высшей аристократии и связанный родственными узами со многими княжескими домами, в том числе с Бабенбергами. Предприимчивый Фридрих принимал его в Болонье и пожаловал ему и его семье графство Терни. Конечно, отлучение от церкви, которое готов объявить ему разгневанный папа, может серьезно помешать ему, еще больше раздражая итальянцев. Но он игнорирует эту угрозу, зная, какие преимущества имеет.

В этот момент (1 сентября 1159 года) умирает Адриан IV.

ГЛАВА VII

Надежды и тупики (лето 1159 – лето 1164)

С 1159 по 1164 годы германская мощь еще большей тяжестью, чем в предыдущие, обрушивается на полуостров, где Фридрих Барбаросса все с той же дерзостью продолжает политику господства. Более чем когда-либо он рассчитывает подавить сопротивление силой и не пытается вникнуть в ситуацию до конца. Впрочем, он расширяет свою программу: события вынуждают его вступить в Тоскану и подготовить прямую акцию против Сицилии.

В то же время в римской церкви наступает серьезный кризис, в котором частично повинен он сам, но который позволяет ему приблизиться к своим целям. Однако очень скоро возникшие трудности усиливают враждебность итальянцев. Мало-помалу надежды его тают, продвижение вперед замедляется, — он все сильнее начинает увязать в итальянских делах.

И все же судьба как будто вновь улыбается императору, когда после смерти Адриана IV кардиналы собираются 7 сентября в базилике Св. Петра для избрания его преемника. Для Фридриха это удобный случай, оказав давление на Священную коллегию, добиться избрания папой пронемецки настроенного или, по крайней мере, благосклонного к его действиям человека. У него были основания для таких надежд. Отто фон Виттельсбах был в Риме и

занимался подкупом населения и Сената, чтобы привлечь их на сторону императора; кардинал Октавиан и некоторые его коллеги также были готовы к действию.

В самом деле, члены Священной коллегии тайно согласились признать только единогласное избрание, что должно было дать «нейтрального» кандидата, человека, стремящегося к миру и переговорам. К несчастью, волнения в Вечном городе, на подступах к базилике и даже внутри нее, где толпились верующие, а каноники с возрастающим возбуждением ожидали результатов, не располагали к мирному проведению процедуры голосования. Эти волнения могли бы привести некоторое число электоров к отдаче предпочтения императорскому клану из страха перед беспорядками и насилием. Но, ощутив в последние месяцы, какую угрозу представляла политика Барбароссы для римской церкви, измученные волнениями и опасностью, многие кардиналы занимали все более жесткую позицию.

Во всяком случае, это все, что можно было извлечь из неясных и противоречивых сведений, дошедших до нас от тех времен. Похоже, что сначала голоса разделились между тремя кардиналами: Роландом, Октавианом и Бернардом (который был легатом в Безансоне вместе с Роландом). В следующих турах электоры Бернарда отдали свои голоса Роланду. Чтобы быть избранным, нужно было набрать простое большинство голосов, а кардиналы-епископы играли решающую роль в том смысле, что должны были сначала принять совместное решение, а потом объявить имя кандидата своим коллегам. И вот в решающий момент оказалось, что победу одержал Роланд. Неизвестно, сколько голосов он получил в точности, но должен был собрать не менее двадцати из тридцати двух. Через несколько дней, как сообщают хроники, его поддерживало уже двадцать

два кардинала, в том числе четыре кардинала-епископа, против пяти кардиналов за Октавиана.

Электоры Роланда приготовились надеть на него папскую мантию, чтобы представить духовенству и верующим. Сторонники Октавина решили им помешать в этом и поспешили облачить в мантию своего кандидата. Они представили его для приветствия каноникам, потом народу, ожидавшему результатов голосования. Октавиан получил имя Виктора IV. Тогда остальные кардиналы скрылись в укрепленном здании рядом с базиликой Св. Петра и объявили, что они не изменят своего решения. Через несколько дней, после перемены, произошедшей в настроении римлян, которых будоражило семейство Пьерлеоне, решительно настроенное против немцев, Роланд и его сторонники смогли бежать из Рима. Они отправились в Кампанию, где 20 сентября Роланд был торжественно посвящен в папы под именем Александра III. 27 сентября он отлучил Октавиана от церкви, но и сам точно так же был отлучен от церкви Октавианом.

Таким образом, попытка Отто фон Виттельсбаха сделать папой своего ставленника провалилась. Все же факт двойного избрания и признания большинством римлян кандидата прусской партии открывал новые возможности. Фридрих сразу же это понял и незамедлительно провел очередной маневр с целью настроить христианский мир, то есть королей, знать, епископов, в пользу Виктора IV, изолируя тем самым Александра III, который за неимением иной поддержки, кроме Сицилии, уже не должен был представлять никакой реальной опасности и оказался в ситуации, в которой был антипапа Анаклет тридцатью годами ранее.

Император сделал вид, что пытается понять, который из двух пап настоящий, боясь совершить ошибку, признав таковым Виктора IV. В лагере у стен Кремы он выяснял мнение по меньшей мере двадцати

немецких и итальянских епископов, а также аббатов из Сито и Клерво, которые посоветовали ему постараться примирить соперников, то есть убедить одного из них отказаться от папской митры. Тогда же он написал суверенам и епископам разных стран с просьбой прибыть на церковный собор в Павию в первых днях 1160 года, чтобы собрать как можно больше свидетельств о событиях 7 сентября и решить, кто будет истинным главой церкви. Он очень ловко представил свою инициативу как моральную обязанность, давая понять, что обстоятельства этого дела настолько исключительны, что один лишь он имеет достаточно полномочий для созыва подобного собрания. Туда же были вызваны Роланд и Октавиан. Первый из них отказался прибыть, заявив, что он – единственный папа, избранный по каноническим правилам и что только он имеет право созывать церковный собор; но вместе с тем и прислал одного из своих кардиналов в качестве наблюдателя. Второй соперник выразил согласие и приехал.

Собор торжественно открылся не 13 января, как предусматривалось ранее, а 5 февраля 1160 года, и задержка эта была вызвана капитуляцией Кремы. На собор прибыло не более пятидесяти епископов, очень мало представителей Франции и Англии, несколько больше – от небольших стран. Но в основном – немцев, бургундцев и итальянцев. Да и не все земли империи были представлены, как ни странно: Эберхард, архиепископ Зальцбургский, неоднократно приглашавшийся Фридрихом, отсутствовал, ограничившись тем, что прислал каноника от своей епархии; не приехали Хиллин, архиепископ Трирский, архиепископы Лиона, Арля и Безансона. В соборе приняли участие архиепископ Майнцский со своими четырнадцатью епископами, архиепископы Кельнский, Бременский и Магдебургский со своими епископами,

епископы из провинциальных округов Трира, Аквилей, Равенны, Бергамо, Мантуи, Фанцы и Фермо.

Большинство непривыкших тем не менее прислали свои извинения с заявлением, что не признают ни одного из избранников, пока император через своих посланцев не сообщит им решение собора. Король Франции Людовик VII и английский суверен Генрих II поступили точно так же. Такое поведение свидетельствовало об упорном желании соблюсти осторожность, а также получить информацию из верного источника и принять самостоятельное решение, не обязательно с учетом мнения собора.

Заседание началось с речи Фридриха, который заявил, что только епископы, а не он, должны решить данный вопрос. Затем были заслушаны рассказ римских каноников и различные свидетельства в пользу Октавиана. Все они напоминали, что при жизни Адриана IV Роланд и его сторонники не прекращали действий против Констанцкого договора, заключили альянс с Миланом и Сицилией и что эта «сицилийская секта» старалась спровоцировать выступления против императора. Все это привело к двойным выборам, в ходе которых Октавиан получил голоса лучшей части (*sanior pars*) Священной коллегии. Поскольку Роланд был виновником волнений и интриганом, то вполне логично, что *sanior pars* была настроена против него. На основании этого довольно странного рассуждения собор высказался в пользу Виктора IV, хотя, по словам судьи их Берхтесгадена, посланца архиепископа Зальцбургского, не обошлось без колебаний. Фридрих торжественно препроводил папу в соборную церковь Павии, где тот вновь был посвящен в папы. Потом отлучили от церкви Роланда и его сторонников и объявили, что миланцы и король Сицилии должны будут выплатить папе «канонические репарации».

Первая цель была достигнута: у императора появился преданный его делу папа. Однако Александр III

все еще не был устранен. Более того, ознакомившись с этим решением и письмом, которое церковный собор разослал во все концы христианского мира, он ответил на эти шаги громогласным постановлением об отлучении от церкви Барбароссы (24 марта). Булла с этим приговором была составлена сухо и лаконично: император виновен в насилии и подлоге, он является *«главным гонителем Божьей церкви»*, созвал собор по собственной воле и тем самым нарушил единство церкви, присвоил себе не принадлежавшие ему права, разорвал нерукотворное платье Христово и перепутал священническую миссию с королевской. По всем этим причинам, из которых ни одна не носила политического характера, в частности, за то, что *«принял раскольника Октавиана и самодовольно примкнул к нему, полностью сознавая, что делает»*, Фридрих был отлучен от церкви, а его подданные освобождены от клятвы верности, *«потому что никто, – указывалось в документе, – не обязан соблюдать клятву верности в отношении отлученного от церкви»*. Он не был низложен, хотя фактически распоряжение, данное подданным не подчиняться своему господину, означало отмену его власти.

Эта санкция, сколь энергичной она ни была, не явилась неожиданной для императора. Исходи она от особы бледной и невыразительной, могла бы остаться без последствий. Но выборы 7 сентября 1159 года поставили перед Барбароссой противника, весьма отличающегося от него, однако того же масштаба: очень грамотный юрист, один из лучших знатоков канонического права своего времени, прославленный некогда преподаватель школ в Болонье, имеющий четкое понятие об обязанностях своего сана и убежденный в том, что прежде всего должен защищать свободу римской церкви – гаранта всех священнических свобод, которой угрожают имперские кампании, и

что для осуществления этой задачи необходимо действовать твердо, не прибегая к пылким теократическим заявлениям предыдущей эпохи, чьи понятия устарели, но допускающей, что временная юрисдикция является действительно автономной; при всем том человек хладнокровный, деятельный, властный, ревностный защитник прерогатив святого престола, а также ловкий дипломат, готовый пожертвовать второстепенным ради главного, если при этом можно спасти лицо; наконец, политик, который благодаря своему сиенскому буржуазному происхождению, карьере и занятиям прекрасно знал итальянские проблемы и очень хорошо понимал ситуацию на полуострове (чего как раз не хватало Фридриху).

Отлучение от церкви, юридическая правомочность которого была немедленно отвергнута, потому что оно было произнесено узурпатором, и на которое Виктор IV ответил анафемой, не смущало императора в его собственных государствах, где его власть являлась всемогущей, хоть она и давала почву для размышлений некоторым сомневающимся прелатам и склоняла их либо к поискам истины, либо к тактике выжидания. Так обстояло с архиепископом Зальцбургским и его епископами из Гурка, Фрейзинга и Бриксена, а также с епископами Италии и Бургундии.

Зато осуждение Александром III могло вызвать осложнения, если весь остальной христианский мир не признает Виктора IV. Поэтому в течение месяцев, последовавших за церковным собором в Павии, сфера подчинения Виктора IV расширилась мало. К ней примкнули Богемия и Дания, но Венгрия, Арагон и Кастилия поддержали Александра III, к которому в 1161 году присоединилась и Святая земля. Во Франции и в Англии Людовик VII и Генрих II хотели войти в этот же лагерь из политических

соображений, но ни тот, ни другой не решились взять на себя инициативу; епископы и клирики этих стран сразу же выступили за Александра; летом 1160 года синоды, проходившие в Бове (для епископов из Франции) и в Ньюмаркте (для епископов континентальных владений Генриха II), высказались против «немецкого» папы.

Таким образом, предприятие, затеянное 7 сентября 1159 года, оказалось затяжным; надежды рассеивались, а оно заходило в тупик. Но эта неудача не только не сбескуражила Фридриха, а наоборот, подтолкнула его к действиям. Следуя советам Рейнальда фон Дасселя, он начал в эти месяцы как можно выше поднимать авторитет императорской власти, представляясь как настоящий мирской глава *всего* Запада, — подразумевалось, что решения и действия других королей являются, в общем-то, второстепенными; но из этих же соображений он утверждал себя как римский император, властелин христианского мира со столицей в Риме и ответственный перед Богом за христианство, а следовательно, теоретически его власть выше власти папы — и это оправдывало его политику в отношении служителей церкви. В такой обстановке в баварском аббатстве Тегернзее была сочинена пьеса «*Ludus de Antichristo*», первая часть которой показывала, как император римлян требует повиновения ему всех королей и добивается его либо силой (от короля Франции), либо страхом, а вторая часть представляла его победу над Антихристом, изгнавшим церковь из храма Божьего. В это же время итальянский поэт Архипоэта воспевал власть «*кесаря Фридриха, князя князей на земле, поставленного Богом королем над другими королями*». Это возвышение возрождало надежды, разжигало амбиции.

Но цели все же оставались прежними. Фридрих хотел еще, во-первых, упрочить свою власть в Италии,

во-вторых, привести весь христианский мир в сферу подчинения Виктора IV. С обновленной энергией, подстегиваемый двумя неудачами в начале 1160 года, в течение четырех лет он должен будет неуклонно действовать в этих двух направлениях.

С этого момента программа действий в Италии расширилась. Фридрих полагал, что интервенция на полуостров станет способом изоляции и устранения Александра III и вынудит колеблющихся подчиниться Виктору IV. Еще он решил, что если получит подкрепление, то Ломбардия будет быстро и легко подчинена. Сначала ему нужно будет подавить Милан: *«Победив Милан, мы победим все»*, — писал один из современников. Затем следует прочно обосноваться в Папской области и в Риме, куда переедет также Виктор IV, потому что Александр не сможет туда вернуться и будет сидеть в Террачине, в Кампанье, а империя восстановит в Риме свой авторитет как во времена Карла Великого или Оттона Великого. И, наконец, надо будет подавить Сицилию. Этот последний пункт программы приобретал новый аспект, потому что император надеялся — на сей раз при содействии папы — подменить сюзеренитет папы в Сицилийском королевстве своим собственным и даже упразднить нормандскую династию, чтобы связать аристократию южной части полуострова напрямую с итальянским тронem. Таким образом, раскол представлял ему случай для действия, о котором он, возможно, когда-то и мечтал, но которое трудно было осуществить, так как до Констанцкого договора у него были намерения заставить Сицилию не влезать в итальянские дела и устранить ее как державу, но не как реальность. После Беневентского конкордата любое вмешательство казалось ему невозможным. Но теперь под предлогом принуждения самозванного папы (Александра III) к повиновению и преследования тех,

кто его поддерживал, выполнимым становилось мероприятие еще более масштабное, чем то, о котором он подумывал, готовясь стать императором.

Он методично начал с Ломбардии, из которой, впрочем, не выходил и где ожидал подкрепления. Ассамблея в Эрфуте, на которой председательствовал Рейнальд фон Дассель, 25 июля 1160 года приняла решение об отправке войска в поход. В следующие месяцы Фридрих обратился к принцам с просьбой прибыть лично во главе своих подразделений. Некоторые из них нахмурились, в частности, архиепископ Зальцбургский, в конце концов согласившийся выделить финансовую помощь, от которой император отказался то ли со злости, то ли с досады. Такое отношение прелата было вызвано проблемой раскола, а не итальянской политикой; оно выражало вместе с тем и то, что некоторые принцы остались равнодушными к амбициям их суверена. Тем не менее были собраны довольно многочисленные войска. Италия также выставила своих рыцарей, лучников, саперов и специалистов по осадным орудиям, которые были снаряжены епископами Новары, Верчелли и Асти, маркизом Монферра, маркизами Васто и Буско, графом Бьяндрате, Обизо Маласпина и другими сеньорами Ломбардии, а также городами Лоди, Комо, Кремоны и др.

Военные действия, которые практически не прекращались все это время, а летом 1160 года вылились в ряд сражений местного значения и в суровый бой за городок Сарзано возле Комо, осажденный миланцами, возобновились в еще большем масштабе весной 1161 года, когда прибыло немецкое подкрепление. В мае Милан был осажден. Он героически сопротивлялся. Фридрих предложил ему очень жесткие условия капитуляции, гарантируя населению жизнь, а городу существование: засыпать рвы, разрушить стены и баш-

ни, выдать триста заложников, принять императорского наместника – подесту, отказаться от всех пожалованных королем прав, выплатить контрибуцию, возвести за свой счет замок для императора, не вступать в союзы ни с какой державой, отправить в ссылку три тысячи своих граждан и принимать у себя Штауфена с его солдатами всякий раз, как он того пожелает. Милан отказался. Но 1 марта 1162 года ему пришлось капитулировать уже без всяких условий.

Тогда на город обрушились исключительной силы репрессии, давшие волю ненависти, копившейся с 1159 года; эти репрессии должны были преподать другим антиимперски настроенным городам урок лояльности и повиновения. 6 марта жители города вместе со своими консулами и хоругвями, окружая *carrocio* – повозку, запряженную быками, которую каждая итальянская коммуна брала с собой на войну, а водруженный на ней флагшток украшало знамя Святого Амвросия, – отправились в Лоди, где распростерлись перед императором, моля его о пощаде. Суверен сорвал знамя Святого Амвросия, но ничего не ответил. На следующий день он сухо приказал выдать ему консулов и четыреста рыцарей, а также расширить городские ворота для его въезда. 19 марта миланцы должны были покинуть город со всем имуществом, которое они могли унести. 26 марта Фридрих совершил туда торжественный въезд, сделал вид, что просит совета у своих итальянских союзников по поводу судьбы города и, следуя их ответу, принял решение о его разрушении. *«Дома, церкви, в том числе собор, у которого снесли колокольню, стены, возведенные еще в древнеримскую эпоху, – ничего не уцелело, от целого города не осталось и одной пятидесятой части»* (Э. Жордан). А миланцам пришлось разойтись и расселиться в четырех неукрепленных городках.

Сила выдохлась, злость была утолена, тщеславие – удовлетворено; главный враг на Севере Италии

перестал существовать. Барбаросса гордо объявил об этом. Союзники Милана — Брешиа и другие — тотчас же покорились и приняли немецкие условия. Пьяченца, покинувшая императорский лагерь, должна была засыпать рвы и разрушить крепостные стены, восстановить все *regalia* и замки, заплатить контрибуцию, принять наместника — подесту, отказаться от любой независимой политики и помогать Штауфену «сохранять свою корону и империю в Италии и в Ломбардии» (май 1162 года). С другими коммунами, более терпимо настроенными к немецким мероприятиям, Фридрих обошелся лучше. Равенна сохранила своих консулов, но теперь они должны были избираться в присутствии представителя императора, который утверждал их в должности (инвестировал); эти консулы должны были лично поклясться в верности монарху во время его пребывания на полуострове; жители города клятвенно признавали, что *regalia* и правосудие находятся в императорской юрисдикции. В Кремоне, одной из самых верных союзниц немцев, *regalia* и верховное правосудие были торжественно пожалованы в обмен на контрибуцию, но консулы избирались и назначались на тех же условиях, что и в Равенне (июнь 1162 года).

Все это явилось четким соблюдением декретов, провозглашенных в Ронкалье: в Северной Италии был установлен и публично провозглашен имперский суверенитет. В то же время Фридрих продолжал дело военной организации этой области, начатое в 1158 году: занятие и наблюдение за перевалами и портами, овладение имеющимися замками и строительство новых, передача укрепленных городков дружественным сеньорам и т.д. Впервые ему удалось завладеть опорными пунктами и базами, даже если накопившаяся ненависть и злость, порожденная присутствием его войск, повсеместно создавали очень опасную ситуацию.

Зная, что за победой должна следовать победа и что это деморализует тех, кто еще на что-то надеется, он без промедления взялся за подготовку кампании против Сицилийского королевства. Понимая, что ему не одержать победы без морского сражения, он на следующий же день после падения Милана приступил к переговорам с двумя главными приморскими городами, заинтересованными в данном вопросе, — Пизой и Генуей.

С первым из этих городов, традиционно выступавшим в поддержку империи, в отличие от второго — скорее антинемецкого, соглашение было достигнуто легко (6 апреля). Фридрих признал за пизанцами право самим выбирать консулов, вершить правосудие и полную независимость во внешней политике, без всякой оглядки на императорский суверенитет. Зато городская территория и владения в графстве были подтверждены коммуне как ленные; кроме того, император жаловал им привилегии в торговле от Чивитавеккья на юге до Порто-Венере на севере. После чего следовал настоящий договор о союзничестве, предусматривающий, во-первых, что Пиза будет помогать Штауфену сохранять свою корону и империю в Италии; во-вторых, что она отправит свой флот против Сицилии, когда имперская армия в сентябре следующего года достигнет Пулии. Город не будет заключать никаких сепаратных соглашений и после победы получит Гаэту, Маццаро и Триполи, а также половину Палермо, Мессины, Салерно и Неаполя. И, наконец — неожиданное условие — монарх соглашался поддерживать Пизу против Генуи в том случае, если между двумя купеческими республиками разразится война.

А вот крупный лигурийский город никогда не стоял в немецком лагере. Более длительные переговоры завершились 9 июня 1162 года договором, который так же, как и пизанский документ, констатировал пожалование генуэзцам в качестве лена городской

территории и разных других владений и давал им свободу торговли от Порто-Венере до Монако. Но, если за коммуной было признано право верховного правосудия, то вопрос об учреждении консульского правления обошли молчанием, дабы избежать обсуждения проблемы, где согласие было труднодостижимо. Союз же не обязывал поддерживать корону и империю, а был направлен против Сицилии, и генуэзцы тоже должны были выступить против нее, за что после победы им будет отдан город Сиракузы, часть городского имущества (улицы, магазины, склады и т.д.) в местностях, которые заберет себе Фридрих, и право торговли во всей Южной Италии.

Намерения императора не оставляют никаких сомнений. Если он согласился не обсуждать с Пизой и Генуей вопрос об императорском суверенитете, если в переговорах с ними он отступил от политики, намеченной в Ронкалье, если он не подвергает репрессиям Геную – сторонницу Александра III и весьма сдержанную в отношении империи, однако очень могущественную, а следовательно, и очень полезную, так это потому, что он полон решимости действовать прямо против Палермского королевства, а для этого ему нужен флот.

Однако через несколько недель после генуэзского договора он отложил эту кампанию на более поздний срок.

Дело в том, что Фридрих не переставал заниматься церковной проблемой и следить за действиями Александра III. А тот, проведя некоторое время в Риме, не смог оставаться там и дальше. Из страха перед германскими мероприятиями он решил отправиться во Францию. В конце 1161 года он выехал из Террачины, провел несколько дней в Генуе, где находился и в момент капитуляции Милана, морем достиг порта Маглон в Лангедоке, куда прибыл 11 апреля 1162 года. У него была двойная цель: не попасть в

руки сторонников императора и убедить королей Франции и Англии принять его сторону. Фридрих это понял и попытался разрушить замыслы папы, убежденный в том, что успех Виктора IV в расколе, который и позволит Виктору обосноваться в Риме, станет решающим фактором в его войне против Сицилии, даже если придется отложить эту войну на несколько месяцев.

И эта тактика заставила его покинуть Италию и отправиться в Бургундию.

Чтобы понять цепь этих событий, необходимо вернуться к тем дням, которые последовали сразу же за церковным собором в Павии. Фридриху тогда много пришлось поработать, чтобы привлечь побольше людей в поддержку своему папе и волей-неволей изменить отношение сторонников Александра III. 26 мая 1161 года он собрал в Кремоне новую ассамблею епископов, а в мае из соображений военного порядка перенес ее в Лоди. Были приняты серьезные меры: снова провозгласили, что истинным главой церкви является Виктор IV, отлучены от церкви прелаты — сторонники Александра III (архиепископ Милана, епископы Пьяченцы, Брешиа и Вероны), смещены со своих кресел епископы Болоньи и Падуи, наконец, к партии императора присоединились король Норвегии и король Венгрии (этот последний отказался от партии противника), затем короли Дании и Богемии. В то же время Виктору IV отдало предпочтение большинство аббатств, подчиняющихся Ключни. Зато цистерцианцы склонились в пользу Александра III.

В конечном итоге все зависело от поведения Людовика VII и Генриха II. Фридрих решил оказать давление на Капетинга, которого считал более податливым, в то время как Плантагенет обязательно последовал бы в своей политике примеру короля Франции, чтобы не оказаться в изоляции перед лицом

франко-немецкого согласия. Император начал действовать в пограничных районах королевства. Для начала провел переговоры с графом Реймондом Беренгарием IV Барселонским и его племянником графом Прованским, которого женил на своей племяннице, и получил их поддержку в отношении Виктора IV, чем вовлек в свой лагерь и графа Форкалькье. Он установил контакты с епископом Вивье, с духовенством в Лионе, которое разделилось во мнениях, с различными сеньорами в районе Макона и Шалона. Но главное — он связался с герцогом Шампанским Анри (Генрихом) Щедрым, имевшим владения на границе Бургундии и Германии и заинтересованным во всем, что император делал в этом районе, а также со многими французскими епископами, в том числе Манассэ Орлеанским, и даже с канцлером короля, Гуго де Шамфлери, епископом Суассонским.

Так при французском дворе сформировалась протемецкая партия в тот самый момент, когда Александр III прибыл в Маглон и отправил своих легатов к Людовику VII и Генриху II. К несчастью, папа совершил тогда серьезную оплошность. Не зная, конечно же, насколько Фридрих продвинулся в своих прорисках (договор с домами Барселонским и Прованским датирован августом), думая, вероятно, что поддержка Генриха II в данный момент будет полезнее, чем поддержка Людовика VII, доверяя доброй воле Генриха и успокоенный влиянием, которое оказывали в его пользу на Генриха разные прелаты, в частности, его родной брат Анри, епископ из Бове, который вскоре должен был стать архиепископом Реймским, Александр III предоставил своим легатам вести переговоры с Плантагенетом, который повернул дело так, что добился от них разрешения на отмену возрастного ограничения для брака своего сына с дочерью короля Франции. Но Людовик VII не стремился к тому,

чтобы этот брак состоялся немедленно, так как это заставило бы его уступить Вексэн — приданое невесты. Он был глубоко уязвлен поведением легатов и, напомнив им о том, что он еще не принял никакого официального решения, предложил прислушаться к тем из своих советников, которые выступали за согласие с императором.

Первые беседы Барбароссы и графа Шампанского проходили, видимо, в самом начале 1162 года. Они объясняют безразличие и терпеливость императора, убежденного в том, что он «находится в выгодном положении» по сравнению с позицией Эберхарда Зальцбургского, который, прибыв в Италию в марте, дабы подтвердить свою приверженность Александру III, возможно, был его посланцем мира (ряд уступок и пожалований в Италии в обмен на признание его папой). Переговоры возобновились в мае по инициативе Людовика VII. Генрих Щедрый отбыл в Ломбардию, где находился Штауфен; предложение о встрече 29 августа на мосту через Сону в Сен-Жан-де-Лон, между Долем и Дижоном, было принято. Фридрих тут же объявил эту новость немецким архиепископам и епископам, архиепископу Лионскому и германским принцам и перешел Альпы, направившись в Бургундию.

Согласие было достигнуто на следующих условиях: оба папы должны присутствовать на встрече; каждая из сторон представит свои доводы; потом оба монарха примут совместное решение в пользу того или другого папы. Александр III очень обеспокоился этой ситуацией; он стал просить тех из капетингских прелатов, которые были его горячими сторонниками, попытаться отговорить Людовика VII от этого проекта, но тот заупрямился, поскольку уже дал свое слово. Тогда Александр III несмотря на настойчивые требования короля Франции отказался

сопровождать его на мост через Сону, но послал пятерых кардиналов в качестве наблюдателей.

Однако перед самым отъездом к месту встречи (начало августа) сначала с Александром III, а затем с Фридрихом Людовик VII засомневался. В Дижоне он узнал, что Генрих Шампанский, действуя без инструкций, принял условие, согласно которому в случае неявки одного из пап на условленную встречу, второй будет признан таковым автоматически. Он ежедневно виделся в районе Шалона в Ключни с сеньорами и духовенством, говоря им, что Фридрих находится уже совсем близко к Соне и повсюду представляет Виктора IV как истинного главу римской церкви. К тому же императорская агентура везде плела интриги, действовал Рейнальд фон Дассель, запущенные немецкой пропагандой слухи доносили, что Капетинг уже является сторонником императорского ставленника.

Штауфен, в свою очередь, оказавшись в Бургундии, стал лучше понимать истинную позицию короля Франции, вовсе не «викторианца», но податливого на внушения своих епископов в пользу Александра III; Людовик забыл уже о гневе, вызванном в нем действиями Александра III, и старался привлечь его на свою сторону с тем, чтобы убедить его исправить собственную оплошность. Но, поскольку прежде всего нужно было постараться избежать официальной поддержки Александра III, то молчаливое согласие объединило три главных действующих лица: Фридрих не хотел, чтобы Людовик VII публично критиковал Виктора IV; Александр III не мог явиться на встречу из страха перед арестом или даже просто обсуждением законности его избрания; Людовик VII не был заинтересован в том, чтобы встреча проходила по заранее намеченному четкому регламенту, опасаясь, что тогда ему придется выполнить свои обязательства.

В результате 29 августа оба монарха разминутись: каждый из них поочередно являлся на берега Соны, чтобы констатировать отсутствие другого.

Но чтобы спасти условности, необходимо было продолжать в том же духе. Новую встречу назначили на 19 сентября. Капетинг оказался в затруднительном положении. Он считал, что если хочет сдержать слово, то должен, по крайней мере, увидаться с императором и объяснить ему доводы Александра III, чье отсутствие надеялся извинить тем, что сторонники императора сообщали об официальном признании Виктора IV. Со своей стороны пронемецкая партия настаивала на том, чтобы 19 сентября он выполнил свое обещание и явился со своим папой, а в случае отсутствия этого папы на встрече королю Франции, возможно, придется оставить заложников. В лагере императора все были полностью в курсе сложившейся ситуации. По этой причине, несомненно, Фридрих и Рейнальд еще до 29 августа приняли решение с целью принудить Капетинга к согласованным с ними действиям о созыве церковного собора в Доле, где большинство принцев и прелатов вновь подтвердят свою приверженность Виктору IV. Это произведет на Людовика VII впечатление и, может быть, заставит его — если эту же игру будет поддерживать Генрих Шампанский (а он это сделал, пригрозив, что откажется от своей прежней присяги и присягнет на верность императору) — также признать папой императорского ставленника.

Этот церковный собор открылся 7 сентября, в третью годовщину папских выборов, и проходил гораздо торжественнее, чем об этом сообщают некоторые историки. Как и в Павии, присутствовало по меньшей мере полсотни епископов; если немцы и составляли большинство, то на сей раз было довольно много прелатов из Бургундского королевства,

отсутствие итальянцев могло считаться нормальным, так как они уже выразили свое мнение в Павии и в Лоди. Здесь же были и главные принцы: Генрих Лев, Альбрехт Медведь, Отто фон Виттельсбах; король Богемии прислал вместо себя своих представителей, но король Дании присутствовал лично.

К сожалению, как это часто бывает при исполнении замыслов, очень скоро начались эксцессы. Так как некоторые немецкие епископы задавали вопросы и делали вид, что рассматривают этот собор как пересмотр выборов 1159 года, Виктор IV хоть и предложил им апеллировать к Священной коллегии, но заговорил с ними как действительный глава церкви. Епископы заметили, что прежде чем вести себя так, ему следовало бы заручиться поддержкой всего христианского мира, и тут Рейнальд фон Дассель ответил за Виктора IV, что это касается одного лишь императора и никак не зависит от мнения *«провинциальных королей»*. Эти слова дошли до Людовика VII и были восприняты им как оскорбление; узнав о том, что в Доле вопрос о папах не обсуждается и легитимность Виктора IV принята как данность, он пришел к заключению, что встреча на мосту через Сону больше не имеет никакого смысла. С политической точки зрения мудрость подсказывала остановиться на этом. Генрих II активно поддерживал Александра III, и события показывали, что в своем противостоянии английскому королю Капетинг не мог рассчитывать на реальную помощь Фридриха, который, напротив, действовал против него в областях, расположенных рядом с Соной.

19 сентября он отказался от своих обязательств. Он прибыл на мост в Сен-Жан, готовый, казалось бы, объяснить, что ему незачем более придерживаться заключенного соглашения, потому что Фридрих его нарушил. Но Фридрих не явился, а послал вместо

себя Рейнальда, который, безусловно, надеялся привезти короля Франции в Доль и переубедить его. Людовик в сухой форме выразил удивление отсутствием Штауфена и дал понять, что вопрос улажен. Немецкий канцлер возмутился и в ответ заявил, что никогда *«император не говорил, что будет делить с кем бы то ни было — а тем более с королями (regali) — право юрисдикции на римскую церковь»*. Капетинг больше колебаться не стал, повернул своего коня и галопом умчался прочь. Встреча была закончена, дело завершено. Через несколько дней Александр III, торжественно признанный французским монархом, был с триумфом принят в Туре, а затем в Париже. В марте 1163 года он председательствовал в первом из этих городов на торжественном церковном соборе, в котором участвовало 17 кардиналов, 4 епископа и более 400 аббатов.

Вопреки надеждам, появившимся весной, раскол не прекращался. Раздел внутри христианского мира становился все более очевидным. Здесь тоже образовался тупик.

А Фридрих ни в чем не изменил своего поведения. С твердой настойчивостью он преследовал свои цели: поскольку дипломатический маневр не удался, нужно было вновь прибегнуть к силе, то есть возобновить вооруженную борьбу в Италии, чтобы водворить в Риме Виктора IV и победить Сицилию. Впрочем, он не потерпел никакого тяжелого поражения. Если дело не сдвинулось с места, то он не утратил из-за этого своих позиций: неизменно держал в своих руках Северную Италию.

Не обращая внимания на интриги Бертольда фон Цэрингена с королем Франции, делая вид, что не знает о не слишком теплом приеме, оказанном многими немецкими епископами Виктору IV во время синода, созванного Виктором в Трире, с презрением

отнесясь к повторному решению об отлучении от церкви и его самого, и его окружения, которое было принято в Туре, он высокомерно отвергал попытки примирения, которые предпринимал Александр III.

На следующий день после несостоявшейся встречи в Сен-Жан-де-Лон Александр III действительно предложил через Эберхарда Зальцбургского мир; он принес свои извинения и обратился к императору *«как к могущественнейшему из принцев»*; но ответа не получил. Летом 1163 года он направил в Нюрнберг четырех легатов, в том числе двух кардиналов. Фридрих, вынужденный прийти к какому-то решению, предложил назначить арбитражную комиссию, которой поручено будет произвести расследование и установить, который из двух пап является настоящим. Это означало возврат к процедуре в Павии, на что Александр согласиться не мог. Весной 1164 года два кардинала должны были снова попытаться установить отношения с императором и прибыли в Сузы, где он находился в тот момент; но их даже не приняли.

За эти несколько месяцев Штауфен ограничился тем, что, вернувшись из Бургундии в Германию, занялся улаживанием отложенных в этой стране дел, чтобы как можно скорее вернуться в Италию, куда весной 1163 года он направил Рейнальда фон Дасселя. Он предпринял жестокие санкции против города Майнца, где в 1160 году жители восстали против архиепископа и убили его. Применяя все ту же силовую политику, что и в итальянских городах, и отвергая мысль, что городские цехи могут иметь большие свободы, Фридрих отменил все привилегии, заставил засыпать рвы и срыть часть крепостных стен. В то же время он вмешался в назначение нового архиепископа, пренебрегая предписаниями Вормского конкордата, а Виктор IV не заявил протеста; далее император отвел кандидатов капитула

– Рудольфа фон Цэрингена, не без оснований считавшегося противником имперской политики, и Христиана фон Буха – и назначил брата Отто фон Виттельсбаха, Конрада, удовлетворяясь выбором, о котором впоследствии пожалел.

При этом, верный своему желанию сотрудничества, он оказал действенную помощь Генриху Льву, чье присутствие в Доле весьма оценил: тот помог ему бороться с непокорными вассалами.

Герцог Саксонский и Баварский был действительно очень деятельным в первом из этих герцогств. В 1158–1159 годах он основал город Любек и перенес туда в 1160 году центр Ольденбургской епархии. Но это заставило его вступить в Гольштейн для пресечения набегов язычников. Все эти мероприятия и его властное поведение вызвали недовольство многих сеньоров. В это же время он провел в Баварии несогласованные действия; здесь он опирался на Отто фон Виттельсбаха, графа Баварского, и не стремился к упрочению своей чисто герцогской власти, которая и так была достаточно велика. Он занялся получением немедленных прибылей, в частности, с солеварен в Райхенхалле, и пошлин, взимаемых с дорог, ведущих в Италию, и с соляных путей, где у переправы через Изар основал в 1158 году город Мюнхен. Именно это и вызвало сопротивление, особенно нового епископа Фрейзингенского, а также войны, которые в 1161 году, по свидетельству архиепископа Зальцбургского, разоряли всю провинцию. Поэтому Барбаросса предложил ему свою помощь в восстановлении порядка здесь, в Саксонии, чтобы самому быть уверенным, что в его отсутствие в Германии будет царить спокойствие. Из тех же соображений он уладил польскую проблему, заставил князя Болеслава IV уступить Силезию (Вроцлавскую епархию) двум его племянникам, неустанно

напоминавшим ему о претензиях их отца. На этой территории Фридрих сформировал герцогства Верхнюю и Нижнюю Силезию, которые теоретически относились к Польше, но очень быстро онемечивались и вскоре фактически стали германским княжеством.

Однако быстрые решения вопросов, свидетельствующие о деятельной энергии монарха, не помешали ему потерпеть неудачу в двух важных областях. Во-первых, число епископов, благосклонных к Александру III, возрастало: Эберхард Зальцбургский и его епископы по-прежнему поддерживали Александра III, Хиллин из Трира — также. В то же время архиепископ Магдебургский Вихман, занявший свое кресло благодаря королю, колебался, но епископы Меца и Вердена перестали подчиняться Виктору IV. Более того, новый архиепископ Майнцский Конрад фон Виттельсбах, бывший каноник из Зальцбурга, открыто отказался поддерживать императорского ставленника; в 1164 году он стал сторонником Александра III. В Бургундском королевстве изменников стало еще больше: в Лионе разделившиеся во мнениях каноники не смогли прийти к соглашению, однако избранник сторонников Александра III, Гишар де Понтињи, не уступил своему сопернику. Во-вторых, несмотря на усилия и давление Фридриха принцы не согласились участвовать в новой итальянской кампании и не выставили воинских контингентов. В Германии также начали преобладать равнодушие и апатия.

Тем не менее император был по-прежнему убежден, что должен продолжать эту политику и даже ускорить ее. В октябре 1163 года он вновь перешел Альпы во главе небольшой армии и обосновался в Северной Италии, где перегруппировал остававшиеся там войска и ухитрился получить подкрепление от знатных сеньоров и городов, продолжавших его поддерживать.

Цель его была ясной: Рим, а оттуда, вместе с Генуей и Пизой, наступление на Сицилию. Еще весной

он послал в Центральную Италию Рейнальда фон Дасселя и Виктора IV, чтобы завладеть там выгодными позициями и водворить папу в Вечном городе. Там талант и кипучая энергия Рейнальда развернулись во всей своей мощи. В несколько месяцев, пока он действовал в Тоскане, в герцогстве Сполето, в Анконской марке, в Романье, ему удалось, почти не прибегая к военной помощи, исключительно благодаря своей ловкости, угрозам или улыбкам, а главное — императорскому авторитету создать довольно мощные опорные пункты в соответствии с организацией, которая в дальнейшем оказалась намного долговечней, чем то, что было осуществлено в Ломбардии.

Намерение канцлера было простым. Речь шла о том, чтобы согласно принципам Ронкальи упрочить власть императора. Поэтому он устранил тех, кто ему мешал и был по отношению к нему в оппозиции: Вельф VI, дядя Фридриха и Генриха Льва, получивший в 1152 году в ленное владение Тоскану и герцогство Сполето, был несмотря на его протесты отстранен, сеньоры и города этих областей напрямую подчинялись монаршей юрисдикции; епископы-сторонники Александра были смещены Виктором IV, а их места заняли верные люди.

В это же время начались активные переговоры с коммунами. Самые значительные из них, такие как Лукка, получили право сохранять своих консулов, но эти консулы должны были ежегодно инвестироваться императором; города эти сохраняли также *regalia*, за исключением права чеканить монету, но при условии выплаты ежегодной арендной платы, и привилегия эта не являлась постоянной; города клялись в верности Фридриху и обязывались поставить ему воинский контингент (Лукка — двадцать рыцарей) для предстоящего похода на Рим, Пулию и Калабрию. Что касается маленьких городков, то они

непосредственно подчинялись империи, которая якобы обеспечивала им протекцию против крупных городов; 8 ноября 1163 года Губбьо получил на этом основании подтверждение своих владений и должен был выплатить годовую арендную плату в шестьдесят луккских лир помимо финансового участия (сто лир) в войне против Сицилии.

Наконец, во время кампании имперские должностные лица – немцы и итальянцы, последние выбирались из лучших имперских чиновников – обязывались присматривать за знатью и контролировать дороги. Графы, подесты были внедрены почти везде, а главное – что трудно было осуществить в Ломбардии, – Рейнальду удалось наложить руку на многочисленные замки, куда он поставил своих капитанов. Он приказал построить крепость Сан-Миньято (около сорока километров на юго-запад от Флоренции), главный командный пункт всей системы. Это было прекрасное достижение, что не преминули зафиксировать авторы хроник. Бурхард Уршпергский отметил, что эта деятельность распространилась даже на римский регион, тогда как кардинал Бозон настаивает на преимуществе тяжелой немецкой властной мощи: *«Император, – пишет он, – завладел тогда неприступными цитаделями и другими очень мощными крепостями; он велел немцам занять и стеречь их. Он поставил также немцев принцами и сеньорами над ломбардцами и тосканцами, так что ни один итальянец нигде не мог противиться его воле».*

Тут становится понятно, почему Фридрих смог быстро подчинить себе полуостров осенью 1163 года несмотря на осложнения при улаживании папского вопроса и невзирая на безразличие немецких принцев. Он думал, что удержит Италию и победит ее окончательно с помощью мелких вассалов, своих верных подданных и должностных лиц.

К несчастью, в запальчивости и гордыне он совершал оплошности, ускорившие некоторые события. В Северной Италии, пока его самого не было, а Рейнальд находился в Тоскане, его противники, до сих пор сидевшие с понурым видом и опущенной головой, возобновили сопротивление. Повсеместно ощущалась тяжесть германского ига. Города, до сих пор бывшие самыми верными сторонниками империи, вроде Кремоны и Павии, без колебаний выступили против того, что они считали тиранией. В Лоди неизвестный продолжатель хроники, которую начали составлять Оттон и Асербо да Морена, пламенные сторонники Фридриха, перешел в другой лагерь и стал восхвалять заслуги Александра III. Но в основном антинемецкая политика твердо вырабатывалась в конце 1163 – начале 1164 года в Венеции.

Раскол способствовал тому, что этот крупный приморский город не вошел в союз с императором. Венеция давно поддержала Александра III, и это сильно раздражало Фридриха. В следующие месяцы в нее прибыли итальянские епископы – сторонники Александра III, изгнанные из своих епархий. Венеция была обеспокоена тем, что Фридрих подчинил себе ломбардские города. К тому же она опасалась императорских амбиций в отношении Южной Италии, боялась немецкого проникновения в Пулию и установления на Адриатическом побережье контроля державы, гораздо более деятельной, нежели сицилийская монархия. Поэтому Венеция сблизилась с Вильгельмом I и Мануилом Комнином, чтобы вместе с Александром III, игравшим в этих переговорах определенную роль, противостоять германскому натиску.

Такое поведение объясняет реакцию императора. Договариваясь с Генуей, Фридрих предвидел, что генуэзцы могут изгнать венецианцев из Южной Италии, если те не помирятся с империей. Он систематически

выказывал свою милость лигурийскому городу, не обращая внимания на упреки пизанцев, и не замечал, что тем самым не только не вызывает страх Венеции, но еще больше провоцирует ее на борьбу. Действительно, правительство дожа могло бы уступить обычной угрозе, но оно не терпело политику, которая, укрепляя позиции соперницы, мешает ее торговым интересам. Поэтому Венеция начала раздавать направо и налево деньги, чтобы оторвать коммуны Северной Италии от империи. Когда в марте 1164 года Штауффец проводил торжественную ассамблею в Парме, где объявил, что пойдет на Рим – поход, ставший возможным благодаря успешной деятельности Рейнальда фон Дасселя, – и что решил сделать Сардинию королевством и посадить там на трон некоего беззастенчивого и бездарного авантюриста, но верного клиента генуэзцев Барбизона д'Арбореа (Ористано), – который, впрочем, с треском провалился, – эта капля переполнила чашу. Венеция сформировала антинемецкую лигу, куда вместе с ней вошли Верона, Виченца и Падуя, и которую в дальнейшем стали называть Веронской лигой.

Для Барбароссы это явилось серьезной неудачей, тем более опасной угрозой, – эти города охраняли дорогу на Бреннер и контролировали пути на Тарвис. Император отреагировал немедленно. Он сразу же предпринял ряд военных операций против Виченцы и Падуи и пошел на большие уступки для соседних с ними городов, с тем чтобы они не примкнули к лиге, но помогли ему в боевых действиях против непокорных городов. Тревизо, Феррара, Мантуя получили в мае большие привилегии (*regalia*, крепостные сооружения и т.д.), которые не в полной мере соответствовали духу декретов Ронкальи. Поэтому города эти остались верны императору, однако не оказали ему никакой ощутимой военной помощи (впрочем, Мантуя была освобождена от этой обязанности). Притом несмотря на

апрельские обращения императора прибывшее из Германии войско было немногочисленным. Так что за неимением средств Фридрих потерпел полное поражение, когда в июне попробовал напасть на Верону.

Тогда он решил вернуться в Германию. Вскоре он уже был в Ульме. Тем временем в Лукке умер Виктор IV (26 апреля). Рейнальд фон Дассель без колебаний принялся убеждать своих кардиналов дать ему преемника. Был избран Гвидо да Крема, который стал Пасхалием III. Мнения императора не спросили, но он согласился с этим избранием. Это тоже явилось оплошностью, ведь было бы гораздо проще воспользоваться ситуацией и все переиграть по новой. Но этого Фридрих не хотел. Раскол продолжался, усиливая партию Александра.

Таким образом, летом 1164 года императорская политика оказалась в затруднении во всех отношениях. Папа, признанный империей, приобретал все более решительных и многочисленных противников; к тому же он находился не в Риме. Города полуострова, усмиренные на какое-то время, вновь начинали сопротивляться. Приходилось отказаться от похода в Пулию.

При всем том, однако, итог этих пяти лет был далеко не отрицательным. Отлучение от церкви, провозглашенное Александром III, практически ничего не изменило, оно не вызвало никакого протеста; немецкие прелаты – сторонники Александра III никогда не переставали считать Фридриха своим законным монархом и повиноваться ему. Милана, главного и самого грозного противника в Италии, больше не существовало; многие ломбардские города и большинство североитальянской знати поддерживали императора; в центре страны укрепились немцы. Фактически никогда еще позиции императора не были так прочны на этом полуострове. А поскольку, кроме всего прочего, королевская власть в Германии пустила глубокие

корни и всеми почиталась, то авторитет Фридриха был огромен и невредим.

Несмотря на трудности и неудачи, все это, а именно – убежденность в своей силе, констатация реального успеха с момента его прихода к власти и непоколебимая самоуверенность и амбициозность – объясняет решения и крупные мероприятия следующих месяцев.

ГЛАВА VIII

Время храбрости и энергии (1164 – 1168)

Фридрих Барбаросса вернулся в Германию летом 1164 года с намерением вновь отправиться в Италию, как только он соберет армию. Смерть Виктора IV как будто не повлияла на его решение, ну разве что самую малость. Будучи убежден, что до сих пор действовал не очень успешно из-за неудачного стечения обстоятельств, он ничего не изменил ни в своей программе, ни в своих методах. Первоочередной целью стало наступление на Рим, куда путь был подготовлен Рейнальдом фон Дасселем, и там он положит конец расколу. Это должно было, по его мнению, обескуражить другие итальянские оппозиционно настроенные группы, чью силу он недооценивал; присутствие в Риме поднимет его авторитет. Что же до Сицилии, то ею он займется позже.

Если теперь он больше, чем ранее, выдвигал на первый план желание подчинить себе Рим, то только потому, что вдруг понял тонкие оттенки сомнений и неискренности в отношении к его папе. При жизни Виктора IV это его не поражало; но кончина одного из пап и избрание другого открыли Фридриху глаза. Несмотря на смерть Эберхарда Зальцбургского (июнь 1164 года) и приход на смену ему епископа из Пассау Конрада, из семьи герцогов Ав-

стрийских, а следовательно, родственника императора, однако весьма сдержанного в отношении папской проблемы, александровский клан не переставал усиливаться и в самой Германии, и даже выходить на первый план. Фридрих наконец отдал себе в этом отчет, а также отметил, что большинству епископов недостает убежденности. Поэтому по возвращении в свою страну он постарался прибрать к рукам епископат. Видимо по этой же причине он отобрал руководство имперской канцелярией у Рейнальда фон Дасселя, весьма грубого и неловкого человека, ставшего особенно нелюбимым после организации им избрания Пасхалия III без согласования с императором. Фридрих заменил его судьей из Мерзебурга Христианом фон Бухом, которому в 1161 году помешал стать архиепископом Майнцским, а потом взял к себе на службу. Но Фридрих не расстался с Рейнальдом, оставив его архиканцлером Италии и архиепископом Кельнским, и поручил ему наиболее трудные дела.

Он велел ему провести очень важные переговоры с королем Англии Генрихом II Плантагенетом. Дело в том, что этот король до сих пор был одним из самых твердых сторонников Александра III. Впрочем, весь англо-нормандский епископат поддерживал Александра III. Но сам король не торопился заявлять о своей приверженности Александру III из опасения, что Людовик VII поддержит Виктора IV и заключит союз с немцем против него; он даже предложил поддержку Александру III взамен снятия возрастного ограничения для женитьбы своего сына. Но когда во время свиданий в Сен-Жан-де-Лон он увидел, что угроза эта может вот-вот материализоваться, то начал действовать без промедления и предоставил свои силы в распоряжение своего папы, что произвело впечатление на Капетинга и помогло

ему понять, насколько иллюзорна немецкая помощь. Но, продолжая политику на восстановление монаршей власти в своих владениях, король Англии в 1164 году столкнулся с человеком, которого в свое время сам же из-за какой-то пустяковой милости и по расчету сделал приматом Кентербери и который в конце концов оказался не совсем верным, — с Томасом Бекетом. Бекет во имя священнических свобод и привилегией церкви воспротивился королевским решениям, вошедшим в Кларендонское уложение (январь 1164 года). В октябре того же года, вероятно, опасаясь ареста, он бежал из Англии и нашел убежище во Франции, где Людовик VII охотно предоставил ему приют. Он тут же отправился в Санс, где находился Александр III, чтобы объяснить ему свое поведение. Папа, хоть и не одобряя его полностью, осудил многие положения Кларендонского уложения (ноябрь). Ввиду такого недружественного отношения и осложнений Генрих II решил если не переметнуться в другой лагерь, то, по крайней мере, попробовать шантажировать Александра III. Он дал ему понять, что вполне может перейти в сферу подчинения императорского ставленника. Фридрих сразу же сообразил, что можно извлечь из этой новой политики: это был новый способ изолировать Александра III и продолжить с Генрихом II операцию, некогда начатую в Сен-Жан-де-Лон с Людовиком VII. Вместе с тем он, видимо, не дал себя успокоить иллюзиями по поводу истинных возможностей короля Англии, стесненного в своих действиях тем, что духовенство его оставалось верным бывшему кардиналу Роланду. Вероятно, он подумал, что в области международных отношений отдаление Плантагенета от александровской группы ослабит ее. А в области внутренних отношений он мог воспользоваться случаем и вернуть доверие своим сторонникам, дать

встряску инертным колеблющимся, может быть, устранить противников, то есть опять взяться за антиалександровскую деятельность, уже несколько месяцев пребывавшую в состоянии паралича.

Рейнальд фон Дассель был направлен к Генриху II, с которым он провел плодотворные переговоры в Руане в апреле 1165 года. При совершенном игнорировании оппозиции нормандского духовенства и части двора было заключено соглашение, по которому английский монарх обязывался признать Пасхалия III. Кроме того, его старшая дочь должна была выйти замуж за Генриха Льва (этот брак был заключен в 1168 году и скрепил союз Вельфов с Плантагенетами), а Фридриху в данный момент это дало возможность упрочить дружбу со своим могущественным кузеном и вассалом, польщенным таким престижным брачным союзом. И, наконец, архиепископ Кельнский привез с собой в Германию английское посольство с поручением публично подтвердить этот договор на ассамблее, которая должна была собраться в Вюрцбурге.

Фридрих тщательно подготовил ассамблею, так как для него это было не просто торжество, но и случай вновь подтвердить свою антиалександровскую позицию и свое намерение во что бы то ни стало продолжить борьбу. Ассамблея собралась 23 мая. На ней присутствовали многие светские принцы Германии, а также около сорока епископов Германского королевства. Неизвестно, как на ассамблею попал один из сторонников Александра III, который представил затем своему папе отчет, лучше чем императорские документы позволяющий ознакомиться с ходом событий.

Очередной задачей императора было запугать оппозицию. Поэтому ассамблея сначала заслушала послы Генриха II, которые поклялись, что их король поддержит Пасхалия III и в отношении церковной проблемы будет проводить политику,

идентичную политике Фридриха: пространное обязательство, твердое по форме, но нечеткое по сути, потому что для перехода в подчинение другому папе никакой срок обозначен не был. После этого Штауфен лично принес клятву: факт, совершенно исключительный, так как обычно суверены поручали клясться от своего имени кому-либо другому, и клятва эта была произнесена не для того, чтобы сделать союз с Генрихом более тесным и торжественным, а чтобы произвести наибольшее впечатление на немецких епископов. Император обязался никогда, ни под каким предлогом не признавать *«Роланда или кого-либо из его преемников»* и никогда не пытаться освободиться от этой клятвы; кроме того, он обещал никогда не допустить, чтобы священники, введенные в сан Виктором IV, Пасхалием III и следующими папами или прелатами, получившими от них бенефиции, были лишены своих кресел и санов. Этим он ясно давал понять, что для него, Фридриха, раскол мог завершиться только поражением Александра III и что только лишь духовенство, настроенное против Александра III, считается законным и будет пользоваться его защитой и поддержкой. Никогда еще императорская политика в отношении проблемы священнослужителей не была выражена так четко.

Для ее осуществления Фридрих после произнесения клятвы потребовал, чтобы все немецкие принцы и епископы взяли подобное же обязательство. В письме-циркуляре, составленном им 1 и 2 июня, чтобы проинформировать Германию о принятых решениях, он отметил, что все присутствовавшие повиновались его распоряжению, но умолчал о знаменательных недомолвках, о которых все равно стало известно со временем и о которых также сообщил александровский «шпион».

По его свидетельству, только пять епископов принесли клятву безоговорочно. Остальные стали обвинять Рейнальда фон Дасселя, избранного архиепископом

Кельнским, но еще не посвященного в сан, а значит, — еще не настоящего архиепископа. Они потребовали, чтобы он дал клятву первым. Некоторые уклонились от клятвы под предлогом отсутствия их архиепископов. Большинство подчинилось, но с оговорками вроде возможности отказаться от своей клятвы, даже если в этом случае придется отказаться от *regalia*, или требования единогласного соглашения. Фридрих положил конец этим заявлениям. Он принял извинения в связи с отсутствием глав епархий, но дальше распространяться не стал. Император приказал посвятить в сан и определить по вакантным креслам всех вновь избранных епископов, в первую очередь Рейнальда фон Дасселя, и без колебаний заявил, что отныне он будет лично следить за делами германской церкви. Затем повелел светским принцам в шестинедельный срок произнести ту же клятву о повиновении Пасхалию III и объявил о санкциях против оппозиции. Цистерцианцы были изгнаны из Германии. Досталось и тем, кто с 1159 года занимался скрупулезными поисками истины, храня при этом верность императору и имперским настроениям, — таким как знаменитый судья Геро из Райхерсберга и епископ из Хальберштадта. Архиепископу Майнцскому Конраду фон Виттельсбаху пришлось бежать к Александру III; его заменил канцлером Христианом. Новый архиепископ Зальцбургский, Конрад Австрийский, был вызван на ассамблею в Нюрнберг (февраль 1166 года); но он не явился и ему не были пожалованы *regalia*. Наконец Штауфен торжественно объявил о своей позиции и намерениях правителям других государств и поручил графу Шампанскому сообщить об этом Людовику VII.

При всем том Фридрих упрямо игнорировал (или только делал вид) все эти нюансы, хотя без сомнения принял их к сведению. Уверенный как всегда, что ему достаточно лишь твердо и смело идти вперед,

чтобы заставить всех противников умолкнуть, кроме того, убедившись, что никто не желает поднять против него мятеж, а политическое подчинение светской и церковной знати ему обеспечено, он воспользовался этим, чтобы широко продемонстрировать свое властолюбие. В эдикте от 26 сентября 1165 года о заветованиях духовных лиц он напомнил о законотворческой деятельности своих прославленных предшественников, чьи решения были законом в соответствии с положениями римского права (Юстиниан, Валентиниан, Карл Великий и Людовик Благочестивый), таким образом выставляя себя продолжателем дела великих римских и каролингских суверенов. Он внимательно проследил за выборами епископов в 1164 году в Регенсбурге (Ратисбонн), Пассау и Шпейере, в 1165 году опять в Пассау и в Вюрцбурге, где был избран Герольд фон Гохайм, в 1165 году в Констанце, где епископом стал Отто фон Габсбург.

В этой обстановке возвышения власти и восхваления империи вскоре после ассамблей в Вюрцбурге были проведены грандиозные церемонии в память о Карле Великом. Как справедливо отметил известный профессор историк Роберт Фольц, эти празднества отвечали различным задачам: желание связать империю с именем какого-либо святого (в это же время Александр III канонизировал короля Англии Эдуарда Исповедника); стремление принизить претензии династии Капетингов напоминанием о том, что ее авторитет несравним с авторитетом Каролингов и что императоры, даже не будучи прямыми потомками Карла Великого, тем не менее являются его законными преемниками; намерение превратить основателя средневековой империи в типично германскую личность; и, наконец, страстное желание представить себя единственным истинным наследником императора, объединившего весь христианский Запад под своим

скипетром и осуществлявшего в нем как мирское, так и духовное руководство. Эта последняя мысль, робко проскользнувшая в связи с Безансонским инцидентом и выраженная Рейнальдом фон Дасселем более отчетливо при встрече в Сен-Жан-де-Лон, на сей раз была провозглашена с большой уверенностью, поскольку это был способ оказать давление на немецкий епископат и на весь Запад и вместе с тем утвердить преимущественное право империи над папством. Дух, царящий на ассамблее в Вюрцбурге, был пропитан этими теориями и должен был восхвалять миф о Карле Великом на пользу Штауфену.

В день Рождества 1165 года торжественная ассамблея собралась в Ахене и на ней было решено, что следует «прославлять» реликвию святого императора, для чего они должны быть перенесены в другое место, где их легче будет выставить для обозрения и поклонения народных толп. Это перемещение состоялось 29 декабря (во многих германских календарях тот день посвящен Святому Давиду, прототипу набожного и святого короля) в присутствии множества принцев и прелатов. Церемонией руководил Фридрих, ему ассистировали епископ Льежский, в чьей епархии находился Ахен, и архиепископ Кельнский Рейнальд, посвященный в сан 2 октября и уже полноправный глава ряда епархий. Затем сам император торжественно объявил о причислении Карла Великого к лику святых и назначил посвященный ему праздник на 28 января. Пасхалия III, конечно же, попросили дать на это свое согласие, но не более того, во-первых, император считал своим правом и обязанностью провозгласить подобное постановление, исходящее как раз из той именно религиозно-политической юрисдикции, которую так прекрасно осуществлял в свое время Карл Великий; во-вторых, в эту эпоху каноническое право

еще не полностью передало в компетенцию святого престола алтарную часть литургии и она проводилась архиепископами (в данном случае – Рейнальдом фон Дасселем).

Впрочем, Штауфен лично изложил свои резоны, а также ход этой церемонии в грамоте, преданной гласности 8 января 1166 года, текст которой в латинской версии и в переводе, приведенном Робертом Фольцем, очень ясен и понятен. Напомнив о том, что с момента его прихода к власти он непрестанно брал пример с великого императора, Фридрих продолжает:

«Сам он (Карл Великий) всеми силами своей души стремился к увековечению. Его дела и бесчисленные сборники составленных им актов и прочих документов показывают, как старался он возвысить славу христианства и распространить культ божественной религии, сколько создал епархий, основал аббатств и церквей, обогатил их благодеяниями и различными дарами, и щедрость его подаваний известна была не только по сию сторону морей, но и за морями. В распространении христианской веры и в обращении в нее язычников был он доблестным героем и настоящим апостолом, как свидетельствуют о том Саксония, Фризская земля, Вестфалия, а также испанцы и вандалы, коих обратил он в христианскую веру словом и мечом. И хоть меч не пронзил его душу, нравственные муки от различных страданий, опасные битвы, которые он вел, его повседневная готовность умереть за обращение народов в истинную веру делают его мучеником. Поэтому ныне мы провозглашаем его и чтим по всей земле как избранного и святейшего исповедника и верим, что после праведной жизни, исповеди и раскаяния в своих прегрешениях предстал он перед Всевышним и среди прочих исповедников был коронован как святой и истинный исповедник на небесах...»

«(...) Поэтому, веруя в славные дела и заслуги святейшего императора, поощряемые в том стараниями возлюбленного нашего друга Генриха, короля Англии, с одобрения и разрешения сеньора Пасхалия, по советам всех принцев как духовного звания, так и мирских мы собрали и провели для возвышения, прославления и канонизации святейшего императора торжественное собрание на Рождество в Ахене, где святейшие его мощи были сокрыты от врагов и где благодаря откровению Господню мы смогли их обнаружить. Мы возвысили и восславили его 29 декабря для хвалы и славы во Христе, для укрепления империи, блага нашей дражайшей супруги, императрицы Беатрис, и блага наших сыновей Фридриха и Генриха, среди большого собрания принцев и в присутствии многочисленных служителей церкви и народа, в гимнах и духовных песнопениях, с благоговением и почитанием».

Никогда еще с момента его воцарения в 1152 году восхваление и возвеличивание не были такими впечатляющими. Они должны были вызвать восторг во всех отношениях, приток новых людей в ряды как духовенства, так и в партию императора, объяснить суть авторитарной политики. Настаивая на абсолютном авторитете Ахена, еще более подчеркнутым составленной в ту же эпоху грамотой, которая ошибочно приписывалась Карлу Великому, вся эта процедура направлена была на создание неразрывной связи между Германским королевством и империей и на упрочение идеи, представленной как основополагающая и неопровержимая, согласно которой империя была немецкой, что, в свою очередь, отвергало притязания, выраженные ранее святым престолом на ассамблеях в Безансоне и повторявшиеся с 1159 года.

В Германии эта политика выражалась в контроле над епископатом и мерами против сторонников

Александра III, а также в решениях вроде тех, что были приняты по поводу завещаний духовных лиц. Другой пример этой политики можно увидеть в акте от ноября 1165 года, узаконившем благоустройство долины Рейна (строительство акведука, перемещение плотины и т.д.).

Во всем остальном Фридрих старался не беспокоить принцев и придерживался в отношении их прежних принципов. Он поддерживал Генриха Льва против северных сеньоров, противившихся его жестоким мероприятиям, чтобы сохранить союз Вельфов-Штауфенов и потому что не хотел беспорядков в стране во время своего отсутствия. В 1168 году ему пришлось даже помирить этих противников.

И все это потому, что с лета 1164 года его не покидала мысль вернуться в Италию и всеми возможными способами упрочить там свою власть. Это предприятие казалось тем более необходимым, что в ноябре 1165 года Александр III, заручившись формальными обещаниями римлян и добившись избрания состава Сената, настроенного в его пользу, вернулся в Вечный город на сицилийских галерах. Он совершил торжественный въезд в Рим 23 ноября. Действуя таким образом, он еще теснее увязывал дело прекращения раскола с итальянскими проблемами, сознавая, что полная победа императора на полуострове и в Риме может навсегда закрыть ему путь к успеху. Поэтому опасным представлялся совет, который некогда Святой Бернард дал Евгению III во время мятежа римлян и о котором кто-то, вероятно, напомнил в 1160 году Роланду: *«Покинь Рим ради остального мира – ты не пожалеешь о таком изгнании»*.

Александр III сразу же активно занялся всеми интригами и заговорами, которые плелись на полуострове. В апреле 1166 года он назначил архиепископом Милана – города, который больше не существовал –

активного и пламенного священнослужителя, человека большой святости и культуры, Гальдини. Он сделал его кардиналом, поручил ему наладить связи с рассеявшимися по стране миланцами, пробудить в них доверие и надежды и действовать по всей Ломбардии в их пользу, то есть против германских акций. В то же время он настойчиво продолжал переговоры, начатые тайно в июле 1163 года с византийским императором Мануилом Комнином, стараясь заинтересовать его в исходе итальянских событий, давая понять, что полуостров должен подчиняться ему не меньше (если не больше), чем королю Германии; он пытался даже участвовать в его игре, делая вид, что уповает на признание единственного имперского суверенитета – византийского, а пока во всяком случае получал от него денежные субсидии, дополнявшие финансовую поддержку от Вильгельма Сицилийского.

Но тут Вильгельм умер (27 мая 1166 года). Ему наследовал его сын, Вильгельм II. Поскольку он был еще ребенком, правление королевством вместо него было доверено его матери Маргарите Наваррской. В результате новый режим – как и любое регентство – оказался слабым, оппозиция усилилась, интриги умножились. Тем не менее союз с папой оставался очень крепким, так как Александр III следил за тем, чтобы волнения в королевстве были не слишком большими. Он очень ловко сблизил курсы Палермо и Византии. Мануил Комнин, только что обосновавшийся в Анконе, согласился на такое упрочение союза и даже предложил свою дочь в жены Вильгельму II.

Все это требовало ответной реакции – быстрого и энергичного действия. Император послал в Центральную Италию архиепископа Майнцкого Христиана с четкими инструкциями. Христиан еще больше укрепил немецкие позиции в Тоскане и совершил военное вторжение в окрестности Рима. Он поместил

Пасхалия III в Витербо и заявил, что тот скоро будет в Риме. Фридрих, в свою очередь, после ассамблеи в Нюрнберге (февраль) ускорил подготовку к кампании. Он получил от своих вассалов воинский контингент, причем кое-кто от этой повишности уклонился, в том числе Генрих Лев. Император принял их отказ; считая свою армию достаточно сильной и без них.

Это действительно было довольно мощное войско; оно собралось в Аугсбурге в конце лета и получило очень четкий приказ: как можно скорее дойти до Рима, не задерживаясь в Ломбардии из-за неверных императору городов, воспользовавшись подходящей ситуацией в Тоскане и по пути получая итальянские подкрепления.

Армия перешла Бреннер, обошла стороной мятежную Верону; в конце ноября она уже была в Лоди, куда прибыли союзные войска и где прошла торжественная ассамблея. Но, хотя Фридрих провел там много недель из-за зимних условий и ради окончательной подготовки своей армии к дальнейшим операциям, он не намеревался тратить время на итальянские распри. Выслушал взаимные упреки Генуи и Пизы, возобновивших войну друг против друга, но отложил их примирение на более поздний срок, считая, что их помощь на море не понадобится ему в ближайшее время. Он выслушал также возмущение представителей многих ломбардских городов в связи со злоупотреблениями императорских должностных лиц, но сухо отклонил их обоснованность, не заботясь о том, что тем самым вызвал к себе еще большую ненависть. С наступлением теплых дней он двинулся дальше. Проходя по Романье, он осадил Анкону, которую защищал маленький византийский гарнизон, присланный туда совсем недавно Мануилом Комнином.

В это время Христиан Майнцский и присоединившийся к нему Рейнальд фон Дассель двигались

к Риму. Обойдя город, они пошли на выручку жителям Тускулума (нын. Фраскати — *Прим. перевод.*), воевавшим с римлянами и правительством папы. 29 мая они нанесли римским войскам сокрушительное поражение и стали лагерем совсем рядом с городом. Пасхалий III, бывший с ними, очень своевременно написал Фридриху, предлагая поторопиться с прибытием, так как *«наступил час пожинать жатву и собирать виноград»*.

Сняв осаду Анконы, император прибыл в окрестности Рима 24 июля. В тот же день он занял Монте-Марио, а на следующий день осадил замок Святого Ангела. После отбитой атаки немецкие солдаты повернули свое оружие против базилики Св. Петра, но не смогли одолеть ее укреплений и подожгли маленькую церковь Санта-Мария-ин-Турри, пристроенную к знаменитому святилищу. Перед такой жестокостью и кощунством защитники папы отступили, и весь правый берег Тибра был занят немцами. При этом известии Александр III без паники покинул Латеранский дворец, который трудно было защищать, и укрылся в доме-крепости семьи Франджипани рядом с Колизеем, недалеко от реки. Оттуда он рассчитывал с помощью больших денежных субсидий, только что полученных им от королевского двора в Палермо, организовать оборону и подбодрить римлян.

К несчастью для него Фридрих сумел проявить хитрость. Он предложил переговоры. Бывший архиепископ Майнцкий Конрад фон Виттельсбах, несколько месяцев находившийся при Александре III, выступил посредником. Император предложил обоим папам отречься, а потом церковный собор назначит нового папу, которым не будет ни Пасхалий, ни Александр. Александр III сухо ответил отказом, на что, видимо, и рассчитывал Штауфен, который тогда получил возможность обвинить своего противника в

том, что тот один несет ответственность за катастрофическую ситуацию в Вечном городе, добавив (и это было правдой), что он предлагал выдать пленных, если мир будет заключен. Его агенты распространили слух, что Александр предпочитает свой трон свободе своей паствы. Известные своим непостоянством римляне повернулись против папы. Папе пришлось бежать из Рима, переодевшись паломником; из страха перед пизанскими кораблями, курсировавшими на рейде в Остии, он не решился воспользоваться галерой, которую догадался прислать за ним сицилийский двор, и избрал сухопутный вариант. Через Террачину и Гаэту он добрался до Беневенто, где к нему присоединились его кардиналы.

В это же время Фридрих обосновывался в Вечном городе. 30 июля состоялась торжественная интронизация Пасхалия III в базилике Святого Петра. 1 августа он повторил церемонию 1155 года и возложил императорские короны на головы Штауфена и Беатрис. Накануне Фридрих реорганизовал римскую администрацию, решив, что префект будет получать свою командную власть от него, а не от папы, а Сенат, верховный коммунальный орган, число членов которого было определено в пятьдесят, будет также инвестирован императором. Представители Вечного города принесли ему клятву верности:

«Присутствующие сенаторы поклялись, — указывается в заключенном договоре, — и будущие сенаторы, а с ними и весь римский народ, клянутся в верности сеньору императору Фридриху, обязуются помогать ему сохранять корону Римской империи и защищать ее от всех и помогать ему хранить его права вершить суд как в самом Городе, так и вне его, и никогда не участвовать ни советами своими, ни действиями в кампании, в которой сеньор император мог бы оказаться жертвой

постыдного пленения, или стать калеккой, или понести какой-либо ущерб в своей особе, и не получать инвеституры (*ordinato*) Сената ни от кого, кроме него или его представителя, и соблюдать это все неуклонно и без тайного умысла.

Сеньор император утверждает Сенат навечно в том статусе, в котором он находится ныне, и возвысит его, потому что он будет инвестирован им самим и будет ему подчинен, и получит от него привилегию, скрепленную золотой печатью, и все эти клаузулы будут в ней закреплены, а именно подтверждение Сената, а император сохранит в целости все исконные владения римского народа, потому что они даны ему империей».

Вот так Фридрих, император, интронизированный в Риме, взял в свои руки управление Вечным городом и, отстранив Пасхалия III, предоставляющего ему свободу действия, сделал этот город своей столицей. Римско-германская империя стала наконец реальностью: опираясь на немецкую мощь, Фридрих из Рима держал в руках всю Италию несмотря на то, что в Ломбардии и Сицилии существовала оппозиция. В эти минуты триумфа Штауфен мог думать, что достиг цели и удовлетворил свои величайшие амбиции.

И все же судьба, способная разом обратить в ничто самые прекрасные карьеры, доказала хрупкость этого учреждения. 2 августа вечером страшная гроза разразилась над Римом: на город обрушились потоки воды, канавы для стока нечистот переполнились, улицы затопила грязная вода. В последующие дни гроза продолжалась при изнуряющей жаре. С удивительной быстротой немецкая армия оказалась охвачена ужасной эпидемией чумы, превратившей в бедствие то, что до сих пор было одной из самых блестящих политических и военных операций того времени. Жертв было много, среди них Рейнальд

фон Дассель, который умер, как подобает христианину и духовному лицу. Видя такую катастрофу, Барбаросса повелел возвращаться под более милостивые к нему небеса, в Северную Италию. Во время отступления чума продолжала свирепствовать: два двоюродных брата императора – Фридрих Швабский и Вельф VII (сын Вельфа VI) – также погибли один за другим.

Зато все враги Штауфена с радостью усмотрели в эпидемии кару, обрушившуюся на монарха за то, что тот поднял руку на преемника Святого Петра, а войска его осквернили святыню. Для многих это стало разительным доказательством того, что Бог не с ним. Его перестали считать исключительно талантливым лидером, которому империя придала некую харизму. Его миф, основанный на желании воскресить и возвысить память о Карле Великом, разрушился. Проступила реальность: он был всего лишь захватчиком, с которым нужно бороться и которого нужно победить. Тотчас же жители маленького городка Понтремоли (между Специей и Пармой) преградили германскому войску дорогу на Чиза; пришлось делать обход через перевал и идти горными тропами, а потом спускаться на равнину, чтобы добраться до Павии, куда войско вошло 12 сентября.

По прибытии в свой «любимый город» император постиг всю серьезность ситуации.

Действительно, с весны Ломбардия не переставала действовать. По меньшей мере три силы объединились против Штауфена: Венеция и Веронская лига, архиепископ Гальдини, присутствующий в этой области с конца 1166 года, Кремона и другие города, в которых деятельность немецких должностных лиц стала просто невыносимой. Так быстро и почти спонтанно состоялись неожиданные сближения.

Фактически две категории итальянцев, воодушевленных совершенно разными идеями, начали скреплять

свой союз, опираясь на желание восстать против немецкого ига. С одной стороны, были те, кто считал, что Фридрих в своей политической деятельности преступил черту, что военные и налоговые постановления его наместников невыносимы, их жестокость отвратительна; эти люди не смогли добиться, чтобы император их выслушал (в частности, в Лоди в ноябре предыдущего года), и пришли к мысли, что для борьбы нет другого способа, кроме силы. Но в глубине души они сохраняли еще почтение к императору и не сомневались в его правах на полуострове; оспаривали они лишь методы, которыми эти права воплощались в жизнь. Таким было отношение жителей Кремоны, таким же будет оно и у правящих кругов Лоди, Пармы и многих других городов, а также и у большинства их жителей. Но, с другой стороны, были и такие, что всегда восставали против тевтонцев и против императора во имя коммунальных свобод, считавшихся само собой разумеющимися и незыблемыми. Эти люди тоже признавали себя подданными империи, которую считали некоей конфедерацией, включающей различные единицы — графства, герцогства, епископства, города и т.д., — каждая из которых имела свой собственный юридический статус. В их глазах император мог претендовать на сильную постоянную власть на полуострове. Так рассуждали разобщенные миланцы, вероятно, многие веронцы и другие, видевшие в лице папы и архиепископа Гальдини твердую поддержку и предлагали тем самым папству основные принципы итальянской политики, которые папство до сих пор ясно себе не представляло.

Встреча весной 1167 года была собранием сторонников имперского суверенитета в интересах их городов и установления порядка в Италии, требовавших от монарха умеренного отношения к защитникам

городских свобод: с одной стороны – умеренные гибеллины, или просто гибеллины, несмотря ни на что сторонники империи и Штауфенов и названные так (впоследствии) по имени замка Вайблинген, произносимому на итальянский манер; с другой стороны – гвельфы, по имени Вельфов, семейного клана противников Штауфенов.

Той весной 1167 года первые из них были сильнее. Они в полном смысле спровоцировали восстание и сначала руководили союзом; их запальчивость происходила от досады, что император с ними не считается, и они были сильнее, потому что их меньше притесняли императорские чиновники. С февраля контакты держались в строгом секрете. В марте Кремона заключила пакт с Мантуей, Брешиа и Бергамо. 7 апреля она собрала представителей многих городов в Понтиде, где было решено восстановить Милан, также вошедший в союз. Потом Кремона взялась устранить кое-какие трудности; она предложила всем городам присоединиться к союзу, имеющему очень простую цель: добиться, чтобы Фридрих признал за коммунами права и свободы, которыми они обладали при Конраде и его предшественниках. Щекотливые вопросы о происхождении этих прав и свобод были оставлены в стороне. Союзники договорились давать каждому новому городу, вступающему в конфедерацию, гарантии территориального, экономического (дорожные пошлины), военного и учредительного порядка и не стремиться побороть партикуляризм. Так в начале лета была создана Кремонская лига.

12 сентября в Павии Штауфену было донесено об этих событиях; в то же время он узнал, что многие ломбардские города прогнали наместников-подест и императорских офицеров, заявили об отказе выполнять свои обязательства, закрыли ворота перед немцами и вновь призвали своих епископов-александровцев.

Следовательно, дело было серьезным, даже если Тоскана и Центральная Италия, находившиеся в руках и под присмотром германских хозяев замков, оставались относительно спокойными. 21 сентября Фридрих объявил о намерении покарать мятежные города: он не мог поступить иначе, ибо рисковал потерять все. Коммуны ответили на это военными вылазками. Это было объявлением войны.

К несчастью, у Фридриха больше не было армии. Он, конечно, надеялся получить помощь от итальянцев, которые оставались его союзниками, — от маркиза Монферра, графа Бьяндрате, от Павии; но они не смогли оказать ему достаточной поддержки. Он постарался получить подкрепление из Германии и послал письмо, подробности которого до нас не дошли, епископу Фрейзингенскому, сообщая ему о мятеже и о намерении бороться с Миланом, Пьяченцей, Кремоной, Бергамо, Брешиа, Пармой, Мантуей и городами Веронской марки. Все было напрасно.

Между тем время работало против него. Его враги активизировались, тогда как он был вынужден бездействовать. Пока он был практически заблокирован в Павии, мятеж не переставал шириться; немцев и их сторонников отовсюду изгоняли; контакты между членами лиги становились все теснее. 1 декабря 1167 года города Веронской лиги объединились в торжественной клятве с Кремонской лигой. Так была создана Ломбардская лига, куда вошли шестнадцать городов, обязавшихся только вести совместную борьбу, не подписывая сепаратного мира, с тем чтобы вернуться к положению, которое существовало при Генрихе V, Лотаре III и Конраде III, — формула конкретного действия, выработанная Кремоной и избегающая принципиальных вопросов. Впрочем, эта клятва стоит того, чтобы ее здесь привести. Вот она, в той редакции, в какой ее произнесли консулы Мантуи, а

основные положения были одинаковыми для всех членов лиги:

«Клянусь помогать Венеции, Вероне, ее укреплениям и предместьям, Виченце и Падуе, Тревизо, Ферраре и Брешиа, Бергамо, Кремоне, Милану, Лоди, Пьяченце, Парме, Модене, Болонье и всем людям и всем областям, каковы бы они ни были, которые войдут в эту лигу с вышепоименованными державами, и всем тем, кто согласно с нами также произнесет эту клятву, против каждого, кто пойдет на нас войной либо со злом, против всех, кто потребует от нас больше, чем мы сделали со времен короля Генриха до прибытия императора Фридриха. И я не изменю ни одному из вышепоименованных городов, ни любому другому из тех, кто войдет с нами в эту лигу. А если я узнаю, что кто-то хочет это сделать, или если меня о том спросят, я без промедления дам о том знать общей ассамблее или совету лиги.

Точно так же я не подпишу ни мира, ни договора, ни перемирия, ни перерыва без общего согласия и одобрения вышепоименованных городов и буду помогать всем, кто произнесет эту клятву, против всякого, кто нанесет им ущерб. И я заставлю поклясться всех граждан мужского пола, от 14 до 60 лет, которые проживают со мной, в течение месяца после моей клятвы, кроме клириков, паралитиков, немых и слепых. И клятва эта остается в силе в течение двадцати лет с будующей Пасхи.

Клянусь вести себя как глава и вождь при защите городов Венеции, Вероны, ее укреплений и предместий, Виченцы, Падуи, Тревизо, Феррары, Брешиа, Бергамо, Кремоны, Милана, Лоди, Пьяченцы, Пармы, Модены, Болоньи и всех городов и краев, которые принесут эту клятву в союзе с вышепоименованными городами. Я по доброй воле стану содействовать интересам и общей пользе вышепоименованных

областей, дабы сохранить принципы тех, кто принес эту клятву по приказу ректоров одного города или избранного ими магистрата. И если мне представится подходящий случай привлечь к нам новый город, народ или человека, я воспользуюсь им в общих интересах вышепоименованных областей. И я буду выполнять все это, пока буду пребывать в моем нынешнем руководящем положении.

В тот же день были приняты и другие решения: каждый город направит одного из своих консулов на общую ассамблею, которая будет осуществлять верховное руководство; эта ассамблея назначит двух из этих «ректоров» для осуществления командования в течение одного месяца; различные ресурсы будут направлены на общее дело, в частности, субсидии, предоставленные Венецией, Сицилией и Византией.

Перед лицом такого взрыва и такой твердой решимости Фридрих понял, что ничего не может поделать. Поэтому он решил вернуться в Германию. Поскольку добираться туда напрямик через перевалы было опасно, он договорился с графом Савойским, что тот пропустит его по своей территории. Но по прибытии в Сузу, чтобы сделать там остановку, он увидел, как жители закрывают городские ворота за его немногочисленным эскортом. Ему пришлось бежать, переодевшись в чужое платье. Через Мон-Сени он достиг своего Бургундского королевства (март 1168 года), но и там не нашел особой поддержки: большинство сеньоров и почти все епископы выступали за Александра III; в Лионе в августе прошлого года Гишар де Понтины после ожесточенной борьбы занял архиепископское кресло и устранил своего соперника. Фридрих вынужден был вернуться в свою верноподданную Германию.

На этот раз его постигло поражение. Кроме Тосканы, герцогства Сполето и даже Рима, большая часть

полуострова с каждым днем все больше переходила под контроль мятежников. Потеря Северной Италии никоим образом не могла быть компенсирована сохранением Центральной Италии, потому что владение Ломбардией, ее городами, перекрестками, водными путями, дорогами, ведущими как к альпийским перевалам, так и к Апеннинам, было необходимым условием для любой политики полного подчинения этой страны. Следовательно, в этот момент рушилось дело, начатое десять лет назад, реализованное всевозможными способами, которое в глазах всего христианского мира должно было завершиться победой летом 1167 года. А в это время сторонники Александра III повсюду вновь поднимали головы, и Генрих II Плантагенет, увязший в спорах с Томасом Бекетом и вынужденный прислушиваться к своему духовенству, приверженному Александру III, не обнаруживал ни малейшего намерения выполнять обязательства, взятые им в Руане и Вюрцбурге.

Что мог, что хотел, что должен был сделать император?

ГЛАВА IX

Перерыв и размышления (1168 – 1174)

Впервые с 1158 года Фридрих Барбаросса, вернувшись в Германию весной 1168 года, останется там надолго, принужденный к тому рядом факторов: невозможностью за неимением средств немедленно предпринять новую кампанию в Италии; правильной оценкой поражения, которое он только что потерпел; необходимостью своей власти; желанием (сначала, может быть, безотчетным) поразмыслить, пересмотреть свою политику.

Он пробудет здесь шесть лет: шесть лет, которые составят самый важный период в истории его правления, потому что это будет время раздумий, из которых вырисуется если не новая программа, то, по крайней мере, идея об использовании новых методов для достижения все той же цели – действенного контроля над Италией. Эта перемена методов, ставшая фактически выработкой новой политики (ибо политика больше состоит из средств, чем из целей как таковых), в свою очередь, заключалась в том, что итальянская кампания будет продолжена военным способом, но в то же время с использованием дипломатии в тех случаях, где она поможет достижению цели. В этом отношении, кстати сказать, идеи Фридриха претерпели эволюцию: в 1168 году он допускал переговоры как способ выиграть время – не более того; зато в 1174 году, когда он вернулся на полуостров,

то знал, что ему следует одновременно вести войну и искать мира, и оба метода не будут противоречить один другому, а приведут его в 1177 году к решению, в результате которых военные действия сменятся переговорами.

Эволюция эта привела к постепенному отходу от принципов, некогда провозглашенных в Ронкалье; после 1177 года это отступление стало окончательным, однако тенденция наблюдалась уже с 1170 года. Поэтому 1168–1177 годы соответствуют второму большому этапу правления Фридриха: после эпохи силы и власти, перед эпохой ловкости и обновленного авторитета – эпоха размышлений и попыток, время осмысления реальности.

В Германии Фридрих с юности очень хорошо знал эту реальность, и здесь ему незачем было менять цели и средства – они оставались прежними: упрочение монаршей власти и сотрудничество с принцами, особенно с самыми влиятельными из них. К 1174 году император только еще начинал задавать себе вопрос, достаточно ли крепки основы этого сотрудничества. Но в предыдущие годы он, главным образом, старался продолжать ту же линию, что и в самом начале своего правления.

Он вновь обратил свое внимание на ряд городов и епископств, которые подчинялись непосредственно ему, требуя, чтобы они выполняли свои финансовые и воинские повинности. Особенно же он старался укрепить свою власть в личных владениях. В Швабии и Эльзасе было построено или заново укреплено много замков. Замки Бойрен, Гогенштауфен, Вайблинген, Эппинген, Штауфенберг, Шрамберг, Шильтах, Шлеттштадт, Гагенау и т.д. стали центрами, из которых он осуществлял контроль за этими краями. Он обосновался также в долине реки Лаутер: в 1153 году он приказал построить огромный замок Кайзерслаутерн

к западу от Вормса, а в 1168 году сделал пристройки к нему, а также построил и восстановил другие форты (Дан, Трифельс). Во Франконии появились Вайнсберг и множество замков в долине Неккара, а возле Франкфурта – большой дворец Гельнгаузен. Потом он добрался и до Тюрингии и Мисьненской марки (район Эгера). Впрочем, трудно установить точные даты этих построек, но все наводит на мысль, что они были возведены до 1174 года. Именно в эти годы император особенно явно проявлял свою власть в Германии.

Фридрих реорганизовал также свои владения, разделив их на округа, «губернаторы» которых жили в главном дворце, а вокруг него в близлежащих деревнях располагались укрепленные замки (*бург*) с гарнизонами под командованием императорских должностных лиц. Этим лицам он часто жаловал земли, а через них осуществлял свои домениальные права в различных городах вроде Гослара, Нюрнберга и Бамберга. Можно заметить, что он владел или контролировал также широкую полосу территорий, во-первых, в Эльзасе и в районе от Саарбрюккена до Мангейма, во-вторых, за Рейном, между Майном и Баварией. Очень жаль, что документы, относящиеся к этим вопросам, неточны, а немецкие историки не проявляют к ним достаточного интереса.

Для укрепления своей власти в королевстве он провел в жизнь феодальное уложение, провозглашенное в 1158 году в Ронкальсе и действительное для Германии так же, как и для Италии. Он воспрепятствовал разделу имперских ленов во избежание того, что в результате наследований и передач ленов из рук в руки они могут оказаться вне королевского контроля, а также для сохранения богатства крупной знати. Он потребовал упоминания о своих правах в каждой редакции клятвы верности и присяги, тем самым усиливая политику, о которой в дальнейшем

стал забывать и которой его преемники и вовсе пренебрегли, не понимая, что систематическое следование ей являлось одним из немногих способов укрепить монархическую власть.

Эту власть, опирающуюся на хорошо организованное управление страной и владение (прямое или через других лиц) многочисленными замками, он особенно насаждал, продолжая контролировать дела епископата. В те годы он пристально следил за выборами, не упуская случая для вмешательства в них в спорных ситуациях и очень часто добиваясь выдвижения клириков из своего окружения. В 1167 году он следил за выборами в Ратисбонне и постарался вмешаться в спор, разразившийся в Камбрэ, довольно своеобразной епархии. В 1169 году он властно решил вопрос о назначениях в епархии Бремен-Гамбург. Таким образом, почти везде были расставлены его приверженцы: Гартвиг из Лиергейма заменил Рейнальда фон Дасселя в Кельне (1167 год), Раподо в Шпейере (1167 год), Рауль в Льеже (1167 год), Людвиг из Текленбурга в Мюнстере (1169 год), Арнольд в Трире (1169 год), Эберхард Зальцбургский в Мерзебурге (1171 год), Фридрих в Меце (1171 год), Рейнгард Абендсбергский в Вюрцбурге (1171 год), Конрад Штеенбергский в Вормсе (1171 год). Сторонники Александра III были допущены на епископские кресла в провинции Зальцбург при условии, что они полностью подчинятся монаршей власти. После смерти Конрада Австрийского в 1168 году был избран Адальберт Богемский, тоже поддерживавший Александра III. Фридрих согласился признать его только после отказа от *regalia*, что было для него способом ослабить своих противников и одновременно непосредственно вмешаться в управление некоторыми областями.

Наконец, королевская власть проявилась в провозглашении некоторых постановлений и эдиктов:

ЗАМКИ ФРИДРИХА БАРБАРОССЫ

решение об ограничении компетенции поверенных в делах одной из церквей (1170 год), пожалование клирикам освобожденной от налогов и пошлин церкви права оставлять завещание в ее пользу (1173 год), уложение, запрещающее чеканить монету кому бы то ни было кроме епископов, которым были пожалованы особые королевские привилегии. Эта последняя мера может служить доказательством того,

как Фридрих следил за осуществлением под его непосредственным контролем важнейших исключительно суверенных прерогатив. Кроме того, она показывает, какую заботу он проявлял об экономических вопросах и проблемах обогащения. Он действовал из этих соображений, когда поощрял заселение лесных местностей (а значит – и корчевание), появление деревень, как будто хотел опереться на свободное крестьянство, составлявшее и возглавлявшее деревенские собрания – сельские ассамблеи, а также выполнявшее некоторые правовые функции, или же когда он облегчал передвижение купцов и способствовал развитию торговле лучшей организацией рынков и ярмарок. В 1173 году он создал четыре ежегодные ярмарки – две в Ахене и две в Дуйсбурге. Ярмарки в Ахене начинались: одна – в начале поста, другая – в день Св. Михаила (29 сентября); первая ярмарка в Дуйсбурге открывалась в день Св. Варфоломея (24 августа), вторая – в воскресенье *Laetare*; каждая из ярмарок длилась четырнадцать дней, торговцы там совершенно свободно продавали и покупали без уплаты налогов; в то же время они могли свободно передвигаться по Рейну, его притокам и по всей германской территории. К тому же монеты, выбитые в Дуйсбурге, Кельне и Аахене, принимались без всяких ограничений во Фландрии в соответствии с соглашением, заключенным с графом Фландрским. Эта политика была направлена на благо королевских городов, которые никогда не переставали быть предметом забот монарха, в частности, городов долины Рейна (Ахен, Дуйсбург, Ремаген) и Франконии.

Итак, эти годы, «бедные событиями, но богатые долговременными результатами», как писал историк К. Гампе, стали годами восстановления порядка, возобновления власти, укрепления королевского авторитета. И все же кажется, что Фридрих осознал тогда пределы

своих возможностей. Помимо сохранения 'александровского клана, против центральной власти тогда выступала мощь феодальной системы, все более крепнущей, — системы, из которой ему удавалось извлекать выгоду, однако мешавшей полному расцвету монархии. Сказывалась также и недостаточная эффективность королевских владений, не дававших тех преимуществ, что у короля Франции, где они были богаче и располагались в одном районе. Поэтому нужно было упрочить королевскую власть, обеспечить ей преемственность, что позволило бы ей, во-первых, непрестанно держать в поле зрения феодальный строй со всеми его порядками, пользоваться во всех случаях верховной сюзеренной властью и правом принуждения к повиновению сначала монарху, а потом уже непосредственному сеньору; во-вторых, сохранять в одних руках доменальные владения, чтобы лучше использовать их и систематически приращивать.

Для достижения этой цели был лишь один способ: сохранить германскую корону в династии Штауфенов. Извлекая урок из событий 1167 года, когда он едва не лишился жизни, Фридрих поторопился на ассамблее в Бамберге 24 июня 1168 года добиться избрания своего второго сына Генриха (видимо в связи с тем, что старший сын был калекой) королем римлян; 15 августа он организовал его коронацию в Ахене. Так он внедрял своих людей во властные структуры и совершал важный шаг в направлении наследственной монархии. В то же время несмотря на крайнюю молодость нового короля, которому было четыре года, Фридрих нашел способ обеспечить физическое присутствие монарха в Германии на время своего отсутствия. С этого момента архиепископы, епископы и светская знать приносили свои клятвы верности и присяги одновременно ему и его сыну.

Он позволил самым могущественным из сеньоров обогащаться еще больше. Это касалось маркграфа Бранденбургского Альбрехта Медведя (умер в 1170

году), многих принцев в Эльзасе и епископа Вюрцбургского, получившего в 1167 году большие полномочия. Самым богатым и наиболее влиятельным оставался, естественно, Генрих Лев, который в эти годы продолжал твердо управлять Баварией, удерживая в своем единоличном подчинении графов, собирая их на общие ассамблеи (чаще всего в Ратисбонне) и получая от своих владений главным образом финансовые доходы; но при этом Генрих, как и прежде, стремился упрочить свою власть в герцогстве Саксонском. Там, между Везером и Эльбой, с одной стороны, и за Эльбой, с другой стороны, на землях, расположенных между Гольштейном на севере и Лужицко-Бранденбургской маркой на юге (сейчас — Мекленбург-Шверин), он продолжал свою политику территориальной экспансии за счет славян-ободритов. Генрих создавал для себя обширные владения, зазывал туда поселенцев, расселял их по деревням и поручал корчевать леса, поощрял развитие городов Любека, Штеттина и Брауншвейга (последний был основан именно в эти годы). Некоторые из этих завоеванных, заселенных и христианизированных земель давались герцогом в ленные владения немецким принцам (графство Шверин), другие возвращались славянским вождям, соглашавшимся на саксонскую опеку (Мекленбург достался князю Прибиславу), и, наконец, третьи подчинялись непосредственно герцогской администрации в лице хозяев замков. Таким образом, к 1170 году Генрих Лев стал главой настоящего государства, сеньором очень владетельных вассалов (некоторые из них порой ему докучали) и полноправным господином городов и епископств.

Со всеми этими принцами император поддерживал тесное сотрудничество. К несчастью, как он вскоре понял, многие из них соглашались подчиняться ему и выполнять свои повинности в Германии, но в его итальянской политике они заинтересованы не были,

так как занимались собственными проблемами, по большей части связанными с их территориальными владениями, и стремились укрепить свои княжества. Поэтому монарх постарался получше организовать и приумножить свои владения и решил заставить принцев избрать своим преемником собственного сына.

Он понял, что в своих необычайных начинаниях должен рассчитывать прежде всего на собственные силы, с тем чтобы епископальные церкви и королевские аббатства обеспечивали ему большие ресурсы, за счет которых он смог бы набрать армию.

Поэтому он позволил принцам уклониться от этой повинности. Уже в 1167 году он не возражал против неявки Генриха Льва для участия в императорской кампании. Желая навести порядок, он даже поддержал герцога Саксонского в следующем году против его врагов, Альбрехта Медведя и графа Тюрингского, противившихся его амбициям; он поддержал его и против короля Дании, когда Генрих пожелал захватить остров Рюген (эта война продолжалась до 1172 года). Зато в свою очередь император потребовал, чтобы принцы не мешали ему, заняв позицию, идущую вразрез с его имперской программой.

Так, в 1170–1174 годах ему пришлось впервые обеспокоиться некоторыми действиями Льва, который становился очень независимым и не скрывал (особенно после своего брака с дочерью Генриха II Плантагенета в 1168 году) скептического и даже критического отношения к императорским планам на полуострове; сам же он от них увиливал, особенно после того как его дядя, старый Вельф VI, не имевший прямых наследников после смерти своего единственного сына Вельфа VII от чумы в 1167 году, согласился продать Штауфену все свои владения и права в Центральной Италии, то есть, прежде всего, владения графини Матильды. Цель этой сделки, очевидно, состояла, помимо

всего прочего, еще и в том, чтобы помешать герцогу Саксонскому и Баварскому иметь собственные интересы по ту сторону Альп. Генриху это не понравилось, он почувствовал себя оскорбленным. Отсюда и эта «незаинтересованность», иногда перерастающая в злопамятность, о которой Фридрих мог догадаться по некоторым признакам, пока занимался итальянскими проблемами, — но это еще не приводило к разрыву. Сотрудничество сохранялось, но и с той, и с другой стороны оно было вялым. И здесь также император чувствовал, что может настать момент, когда ему придется пересмотреть свою позицию.

Все эти немецкие достижения имели целью продолжение — на новых принципах, естественно, — итальянской программы.

С весны 1167 года и после бегства Фридриха ситуация на полуострове сильно изменилась в ущерб немцам. Ломбардская лига расширилась, в нее вступили новые города, такие как Новара, Верчелли, Комо, Асти; организация укрепилась, связи упрочились благодаря желанию большинства участников лиги уладить проблемы, могущие их разобщить, чтобы не мешать друг другу и действовать с максимальной эффективностью. Многочисленные контакты, почти непрерывные переговоры привели к созыву ассамблеи в Лоди, состоявшейся в годовщину первой клятвы союзников (1 декабря 1168 года), когда города создали нечто вроде законодательной основы своих взаимоотношений. Был наложен запрет на репрессивные санкции внутри лиги, учреждены новые дорожные пошлины взамен тех, что действовали в течение последних тридцати лет; участники Лиги обязались не принимать изгнанных из других городов и никогда не апеллировать к императорскому правосудию.

Эти решения знаменовали прогресс в тенденциях и в мышлении гвельфов внутри коалиции, так как они

фактически выражали отказ от суверенитета императора. Итальянцы не только объединялись в военном отношении, но, определяя регламент общественного права в том, что касалось дорожных пошлин и правосудия, – а особенно отвергая высшую апелляционную юрисдикцию монарха, – явно претендовали на обладание и осуществление собственных прерогатив.

То же смешение обыкновенной антипатии по отношению к немцам и чувств, присущих только гвельфам, обнаруживается и в их действиях, потому что с лета 1167 года они не прекращают военно-политической деятельности. Они воюют против графа Бьяндрате и маркиза Монферра, а также против других сеньоров-гвельфинов, таких как маркиз Бусто и маркиз Васто; они занимают императорские владения и изгоняют оттуда наместников; поднимают из руин город Тортону, недавнюю жертву германской жестокости, изгоняют епископов, поддерживающих Пасхалия III, и заменяют их сторонниками Александра III.

Но главное – они решают построить, как вызов Барбароссе, новый город, который станет символом их союза. Вся лига участвует в расходах, другие города (Генуя) также вносят свою долю. Тщательно подыскивается и очень удачно выбирается место южнее По, у слияния Танаро и Бормиды, у границы владений Монферра, там, где легко могут сойтись дороги, ведущие из Асти и Милана в Геную. Члены лиги решают создать город с коммунальным управлением, со свободно избираемыми консулами, подчиненный напрямую папе, которому он будет платить подтвердительные взносы. В честь папы они назовут этот город Александрией. Немцы, разъяренные, задетые, оскорбленные как никогда ранее, стараются обернуть это в шутку и называют его «соломенным городом». Тем не менее в конце 1168 года город непрерывно строится и растет за мощными укреплениями и насчитывает

уже несколько тысяч жителей, перебравшихся сюда из соседних деревень маркизата Монферра.

Таким образом, 1168 год, год прогресса в движении гвельфов, в Ломбардии стал годом более тесного союза с Александром III. Папа прекрасно понимает, какова сила антинемецкого мятежа. Поэтому он старается поддерживать лигу, в частности, добывая для нее финансовую помощь. Он пользуется ситуацией, чтобы выйти из дипломатических операций с византийским императором Мануилом Комнином, которые против его воли зашли слишком далеко.

Действительно, с 1162–1163 годов он находился в постоянном контакте с Мануилом. Сначала он надеялся создать мощный антинемецкий союз, в который вошли бы Византия, Сицилия и Франция, но не смог выполнить эту слишком неопределенную программу, так как Людовик VII не видел в ней смысла. Вернувшись в Италию, Александр должен был еще больше сблизиться с Мануилом, когда умер король Сицилии Вильгельм I, и скрепить византийский союз с регентством, осуществляемым в королевстве от имени юного Вильгельма II. Во время мощного наступления Фридриха, а затем немецкого отступления, наступила очередь Мануила проявлять настойчивость и предлагать необыкновенные проекты. В начале 1167 года монарх отрядил в Рим «достопадного» Иордана, «чтобы помогать и служить папе». Кардинал Бозон сообщил нам о некоторых деталях предложений *basileus*. Мануил обязывался положить конец расколу греческой церкви и заставить ее вернуться в лоно римского католицизма, взамен ему должна быть возвращена императорская корона, которая, по его утверждению, принадлежала ему по праву и немцам досталась незаконно:

«Он (Иордан) действительно утверждал, что Мануил хочет соединить свою греческую церковь с

матерью всех церквей, пресвятой римской церковью, каковой она была для полнейшего блага в прошлые времена, дабы при простом соблюдении Божественного закона и при единственном духовном главе оба духовенства и оба народа – а именно: латинский и греческий – жили в вечном постоянстве. Во всяком случае, ввиду представившихся подходящего случая и соответствующего момента было логично, чтобы апостольский престол вернул ему корону римской империи, которая, как он утверждал, по праву принадлежала не немцу Фридриху, а ему».

Для папства интерес этой необычайной программы состоял в возможности заключить союз обеих церквей. Однако Александр III с присущим ему реализмом увидел также ее недостатки и опасности. С одной стороны, действительно, даже при немедленном заключении принципиального союза истинное вхождение греческой церкви в римскую целостность не могло бы произойти на следующий день, и в любом случае византийский император хотел бы еще больше, чем германский, остаться главой своих епископов и духовенства. С другой стороны, политический смысл проекта вовсе не отвечал представлениям святого престола, который с IX века считал, что имперская власть должна исходить с Запада. Наконец, Александр III знал, какие возражения вызовет подобное предприятие в его собственном лагере: весь христианский мир проявит сдержанность в отношении этого возвращения греков в лоно римской церкви, этого резкого нарушения самих условий западной организации; Сицилия откажется от замысла, реализация которого приведет к блокированию всяких ее действий в Средиземном море; Венеция подумает и поступит точно так же.

Поэтому папа ограничился ответом Иордану, что обсудит это с кардиналами, не скрывая скептицизма

в отношении реальных возможностей вмешательства греческого монарха. Через некоторое время, чтобы сохранить византийскую поддержку, он послал к восточному императору кардинала-епископа Остии и кардинала из епархии Св. Иоанна и Павла. Потом, в 1168 году, новое восточное посольство прибыло в Беневенто, где находилась курия. Это посольство сделало те же предложения – вернуть императорскую корону, *«как того требуют разум и законность»*. Александр III ответил, что это очень сложный вопрос и он не может дать на это согласия, потому что *«уставы Святых отцов»* этому препятствуют, а поступив так, он развяжет войну между обоими императорами, чем нарушит свою чисто миротворческую миссию. Греческий автор хроники Иоанн Канаммос добавляет, что главная трудность заключалась в выборе столицы новой империи. Фактически же настоящие препятствия были совершенно иного порядка.

Тем не менее эти переговоры свидетельствовали о сохранении папского союза с Византией. В том же 1168 году папа решил в принципе поддерживать Ломбардскую лигу и сделать союз с ней базой для своей политики. Не то чтобы он очень уж уважал коммуны и их представления о свободе, но, как итальянец, хорошо понимающий эти реалии, он знал, что для римской церкви они не опасны, и что лига является завершением того, к чему он стремился с тех пор, как в 1156–1158 годах попытался в бытность свою еще кардиналом-канцлером убедить курию опереться на Сицилию и Милан. Поэтому он рассчитывал благодаря Ломбардской лиге помешать германскому всемогуществу укрепиться в Италии и вернуть папству его свободу в Риме и на принадлежащих ему землях, что, естественно, приведет к падению антипапы и искоренению раскола. Таким образом, итальянские свободы стали условием свободы для

священников, по крайней мере, на все то время, пока император будет ее подавлять. С самого своего зарождения гвельфизм являлся партией защитников папы; но согласие между коммунами и святым престолом было, в основном, политическим, так как могли открыться другие пути для прекращения раскола христианского мира и гарантии прав римской церкви.

Фридрих понял, что этот альянс Лиги с Александром III при всей своей прочности нерушимым не был, тем более, что его собственные позиции на полуострове несмотря на неудачи были достаточно крепки. В Центральной Италии мятеж, проявившийся в слабой форме в апреле-мае 1167 года, лишь тлел. Ни один из городов не примкнул к Ломбардской лиге; некоторые из них, вроде Флоренции и Сиены, вместе со своими епископами покинули Пасхалия III и перешли в сферу подчинения Александра III, но эти решения носили чисто церковный характер. В 1168 году император усилил наблюдение за этими областями, где между отдельными коммунами временами вспыхивали конфликты, не имеющие никакого отношения к войне «гвельфов с гибеллинами». Для восстановления порядка он заменил немецких наместников, чиновников и офицеров на местах: Бидульфу, одному из самых верных его слуг, было пожаловано герцогство Сполето; Конрад фон Люцельгард, бывший в курсе итальянских дел больше всех немцев и один из самых надежных советников Фридриха, получил в качестве лена Анконскую марку и экзархат Равенны. И, наконец, в это же время Вельф VI продал императору владения Матильды и прочие свои прерогативы в Италии.

Кроме того, положение его врагов было не таким прочным, каким казалось на первый взгляд. Сильны были только ломбардцы и Венеция. Но Сицилия, переживавшая в период малолетства короля очень

большие трудности, большого веса в лиге не имела. Что до Александра III, то при всей своей энергии и твердости, при растущем авторитете и новых союзниках, он не мог даже вернуться в Рим, куда в начале 1168 года Филипп Гейнсбергский, новый архиепископ Кельнский, перевез Пасхалия III. К тому же, после смерти Пасхалия 20 сентября ему тут же был назначен в преемники аббат из Струми Иоанн, взявший себе имя Каликста III; да и обновление состава Сената в ноябре прошло гладко, без ослабления партии императора.

Сознавая все эти факты, но вынужденный бездействовать на полуострове из-за отсутствия военных средств, к тому же поглощенный наведением порядка в Германском королевстве, Фридрих понял, что нужно приступить к переговорам хотя бы для того, чтобы выиграть время. Но с кем?

Он не мог вести переговоры со всеми своими противниками одновременно, так как это означало бы признание своих поражений и слабость позиций. Тем более не желал он этого с Ломбардской лигой еще и потому, что с его точки зрения нельзя было договариваться с мятежниками, многие из которых противились осуществлению им своих суверенных прав. Поэтому оставался папа, конфликт с которым лежал в иной области, нежели чистая политика. Начав с ним переговоры и — искренне или неискренне — дав понять, что желает положить конец расколу, он помимо всего прочего усмирит сопротивление тех, кто в Италии и особенно в Германии поддерживает Александра III. И наконец он предоставит всему христианскому миру доказательства своих добрых намерений.

Похоже, что тайные контакты были установлены летом 1167 года, но возможно, что они были сделаны по чьей-то частной инициативе, а не по осознанному решению императора. Во всяком случае, аббат из Сито,

приор Гранд Шартрез и, может быть, епископ Павии, поддерживавший Александра, выступили посредниками с обеих сторон. Зато в начале 1169 года Фридрих сам принимает решение о переговорах; он принимает аббатов из Сито и Клерво и просит их прозондировать почву в курии и дать ему знать, на каких условиях могли бы начаться серьезные обсуждения. В марте оба аббата прибывают в Беневенто, но Александр III удивлен тем, что они не привезли с собой конкретных предложений; он просит, чтобы итальянские дела также стали предметом обсуждения при участии представителей Лиги. В апреле оба цистерцианца возвращаются в Германию, в Бамберг, и дают отчет о встрече с папой. Немедленного решения не следует, и в последующие месяцы стороны ограничиваются тем, что не рвут отношений окончательно.

В начале следующего (1170) года император начинает осуществлять свой маневр. Он поручает епископу Бамбергскому Эберхарду, прелату-стороннику Александра, официальную миссию, объявляет, что этот посол привезет конкретный план, и требует, чтобы переговоры проходили, из уважения к его императорскому авторитету, не на сицилийской территории. Александр III соглашается и прибывает со своими кардиналами в Вероли, местечко Папской области на юг от Рима, но оповещает об этом ломбардцев и просит, чтобы каждый город лиги прислал к нему своего представителя. Во что бы то ни стало желая сохранить свой альянс с лигой, он заявляет, что без городов и без обсуждения итальянских вопросов никаких переговоров не будет.

А Эберхард получил инструкции вести беседы с одним только папой. И он заявляет об этом сразу по прибытии в Вероли. Глава церкви решает принять его с глазу на глаз, но предупреждает, что известит об этом кардиналов и лигу. Во время встречи епископ Бамбергский делает ошеломляющие предложения.

Фридрих, по его словам, готов пообещать, что не будет стремиться нанести вред, как в 1167 году в Риме, особе Александра; более того, он согласится со всеми сделанными им посвящениями в сан. Взамен он предлагает своему противнику прекратить борьбу и отказаться от союза с ломбардцами. Четкий и короткий ответ дан в присутствии всех заинтересованных лиц. Александр III заявляет, что не может принять эти предложения, так как они не касаются ни одной из насущных проблем, а именно – выборов 1159 года, положения в Риме, итальянских дел, – и что он не может согласиться на переговоры, которые будут являться подтверждением и продолжением решений церковного собора в Павии. Папа не без иронии отмечает противоречие между двумя предложениями Барбароссы, одно из которых утверждает, что он не является истинным папой, а другое признает за его действиями папскую правомочность. Наконец, он возражает против того, чтобы император – мирянин – решал вопрос о правомочности церковных рукоположений.

Поэтому он просто-напросто отвергает то, что ему представлено в качестве предложений. На этом переговоры заканчиваются.

Явилось ли это поражением для Фридриха? Некоторые историки думают, что да. Другие утверждают обратное, отмечая, что Штауфен заранее знал, что переговоры ни к чему не приведут, однако дадут ему то преимущество, что ответственность за продолжение борьбы будет переложена на его врага, а немцы убедятся, что против укрепления альянса между святым престолом и ломбардцами есть лишь одно средство – война. Как почти всегда в области человеческих взаимоотношений, истина лежит между этими двумя крайностями.

Правда, для императора это не было и победой, потому что его повсюду считали виновником неудачи

в переговорах, ставших невозможными из-за его предложений, тогда как в самой Германии все желали возобновления переговоров на других условиях. Но это не было и неудачей, потому что, во-первых, все общественные круги знали, как трудно Барбароссе признать Александра III, ибо подобный жест явился бы нарушением торжественной клятвы, принесенной им некогда в Вюрцбурге; во-вторых, стало очевидно, до какой степени эти переговоры обеспокоили ломбардцев.

В течение 1169 года внутри лиги произошли кое-какие волнения, одни из них несомненно были вызваны соперничеством между отдельными ее членами, а другие – опасениями, как бы папа не договорился с императором за спиной у итальянцев. Александр III и руководители ломбардцев отреагировали на это весьма решительно. В марте 1170 года эта реакция и твердое намерение следовать прежним курсом выражаются в письме папы, разосланном по всем городам-союзникам – булла *Non est dubium*, – а затем в принесении новой союзной клятвы.

Послание Александра III имеет целью предотвратить распад союза. Папа предупреждает, что действия, противоречащие альянсу, будут подлежать духовным наказаниям, что не может не удивлять, учитывая политическую подоплеку такого заявления. Папа действительно начинает утверждать общность интересов лиги и папства и подчеркивает тот факт, что города борются за свободу Италии и церкви. Между коммунами и святым престолом имеется общность действия:

«Нет никакого сомнения в том, что по Божьему вдохновению вы заключили договоры о согласии для защиты мира и свободы Божьей церкви и ваших, как утверждает император Фридрих, и что вы объединились с тем, чтобы суметь смело сорвать с вашей шеи рабское ярмо. И мы, рассматривая ваш мир как

свой церковный, тоже знаем, насколько вы в то же время связаны с этой Церковью и в какой мере вы являетесь ее сподвижниками как в победе, так и в поражении (от которого да уберезет вас Господь)».

Во имя этого общего дела, затеянного ради защиты церкви, папа сообщает ломбардцам о переговорах с епископом Бамбергским и ради сохранения союза определяет меры, которые должны будут провести в жизнь легаты:

1. Всякого рода новые объединения запрещены под страхом отлучения от церкви и предания анафеме:

«Если жители или города Ломбардии создадут какой-либо клятвенный союз, не спросясь общих консулов, мы приказываем и повелеваем легатам предать анафеме, не взирая на протесты и апелляции, город, где союз этот будет создан, и отлучить от церкви как его консулов, так и тех, кто создаст союз или поможет делом и советом в его создании».

2. Если один из городов выходит из лиги, он перестает быть епархиальным центром, а все те, кто подтолкнет город к отделению, будут лишены сана.

3. Каждый, кто выйдет из подчинения ломбардским ректорам, будет подлежать духовному порицанию:

«Кроме того, поскольку ректоры, которых вы совместно выбирали, не только трудятся ради согласия и мира, но твердо и уверенно поддерживают и то, и другое, мы желаем и повелеваем, если один из городов или его граждане оскорбляют и выказывают неповиновение приказу ректоров, запретить богослужения в том городе, где произойдет оскорбление, и пусть меч анафемы поразит главных виновных».

4. Если разногласия возникнут в нескольких городах лиги, виновные будут отлучены от церкви:

«Если пламя раздора вспыхнет между городами, или случайно поднимутся меж ними распри, а консулы этих городов не подчинятся приказу общих

консулов, мы повелеваем прекратить богослужения в этих городах и отлучить от церкви до полного искупления вины их консулов и главных виновников распрей».

Со своей стороны города связывают себя друг с другом соглашением, более определенным, чем в 1167 году, которое на сей раз недвусмысленно обязывало их вести войну с императором и его союзниками:

«Клянусь на святом Евангелии не заключать ни мира, ни перемирия, ни какого бы то ни было соглашения с императором Фридрихом, ни с его сыновьями, супругой или любым другим лицом, выступающим от его имени; и не утверждать такого соглашения, заключенного кем-либо другим, ни мною самим, ни через третье лицо. Я буду действовать чистосердечно и искренне и по мере моих возможностей и сил, чтобы никакое войско, ни большое, ни малое, из Германии или любой другой императорской земли за горами, не вошло в Италию. А если таковое войдет сюда, то буду вести решительную войну против императора и против всех тех, кто держит его сторону или примкнет к ней на тот момент, пока войско сие не выйдет из Италии.

Я буду также вести решительную войну против маркиза Монферра, графа Бьяндрате и всех тех, кто станет держать сторону императора, и я изгоню приспешников императора из города, из замков и всех мест, где то будет в моих силах, и разрушу и велю разрушить их имущество. Также я не приму в своем городе рыцарей и пехотинцев, завербованных в их городах. Я не предоставлю договорных прав ни императору, ни его сторонникам и помешаю в том тем, кто пожелает это сделать. Я не заключу ни мира, ни окончания войны, ни перемирия с императором или с кем-либо из его сторонников без общего одобрения и приказа всех вышепоименованных городов.

...Наконец, я, консул, обяжу людей моего города в возрасте от 15 до 60 лет принести эту клятву по доброй воле. Если кто-либо откажется это сделать, то я разрушу и разорю его недвижимость и имущество».

Обе инициативы – папы и руководства лиги – прекрасно дополняют одна другую и утверждают альянс ломбардцев и святого престола. Клятва 1170 года анафемой, которой он угрожает за признание за Фридрихом договорного права, наглядно демонстрирует принципы гвельфов, которые отныне будут все больше набирать силу. Эта эволюция начинается беспокоить некоторые из городов, вроде Кремоны, которые опасаются, что переговоры императора с Александром III могут привести к поражению коммун, и считают, что в этих условиях лучше, пожалуй, подождать, что покажет будущее, и отстраниться от слишком решительных шагов Германии, в частности, от Милана, чье влияние непрестанно растет.

Таким образом, неудача с переговорами в Вероли привела, с одной стороны, к усилению лиги и соглашению с римской церковью, что осложнило ситуацию для Штауфена, с другой – к волнениям внутри Ломбардского союза, что может в дальнейшем пойти ему на пользу. Фридрих усваивает этот двойной урок и в последующие месяцы продумывает новую тактику. До сих пор, с 1167 до 1170 года, он пытался вести переговоры, чтобы ослабить противника и внести раскол в его ряды; отныне он будет продолжать переговоры, чтобы добиться различными и подчас окольными путями отречения Александра III и подчинения городов своей власти, отказавшись, если понадобится, от строгой программы Ронкальи.

Начиная с 1171 года, продолжая заниматься своими делами в Германии, он возобновил тактику переговоров. 14 февраля он встречается в Максэ-сюр-Вэз

(между Тулем и Вокулёром) с королем Франции Людовиком VII и, похоже, просит его предложить свое посредничество Александру III и дать ему знать, что он, император, не отказывается от переговоров. Он предлагает также (вероятно, потому, что разочарован поведением Генриха II Плантагенета) уладить все спорные вопросы между империей и Французским королевством, создавая тем самым основы долговременного альянса между Капетингами и Штауфенами, который через сорок три года приведет к войне Вельфа Оттона Брауншвейгского против Филиппа Августа и сражению при Бувин. В то же время он старается сблизиться с Мануилом Комнином и просит для своего сына руки одной из дочерей византийского императора. В 1173 году Мануил предложит свою дочь Софью Вильгельму II Сицилийскому.

Но Фридрих неустанно обдумывает свою будущую военную акцию. В этих целях он отправляет в Италию Христиана Майнцкого с поручением упрочить порядок в центральной части полуострова. Архиепископ-канцлер предлагает свое посредничество между Пизой и Генуей и добивается соглашения между этими двумя городами, к которому присоединяются также Флоренция и Лукка (23 мая 1172 года). Он активно расчищает пути для своего господина, организовав военные действия против нескольких мятежных городов в Тоскане, осадив – впрочем, без успеха – Анкону (1173 год) и, похоже, начав тайные переговоры с Кремоной.

Неприятельский же лагерь организуется и действует, в свою очередь, Александр III следит за всем. В 1171 году именно он расстраивает план брачного союза с Византией и берется соединить узами брака сына Мануила и дочь Людовика VII. В 1173 году вновь папская дипломатия мешает помолвке Вильгельма II и Софьи. Все это время ломбардцы согласовывают

свои военные диспозиции и готовятся к сражению. Осенью 1173 года Фридрих объявляет о предстоящей новой кампании в Италии и для подтверждения решительности своих намерений ужесточает отношение к немецким епископам (смещение Адальберта Зальцбургского в 1174 году). Ломбардия готова его встретить – что, впрочем, не мешает Александру III сохранять с ним контакты через Людовика VII и, может быть, даже постараться избежать военных действий. Через год император вновь на полуострове. Для войны или для мира?

ГЛАВА X

Война и дипломатия (1174 – 1177).

Венецианский мир

В 1173 году Фридрих Барбаросса официально заявил о своем решении вернуться в Италию и повести войско в поход против Ломбардской лиги. К несчастью, несмотря на его усилия воинский контингент, который поставили ему его вассалы, оказывается малочислен, так как немецкие принцы остались довольно равнодушными к итальянским вопросам и соглашались повиноваться и хранить верность монарху лишь в той мере, в какой он позволит им заниматься собственными делами и не потребует от них чрезмерных усилий: таково условие их сотрудничества. Поэтому император собрал войско, составленное, прежде всего, их брабантских наемников, превосходных солдат, известных своей жестокостью. С самого выступления в поход император был озабочен вопросами их оплаты, но рассчитывал, что будущие победы и последующие за ними грабежи позволят ему уладить эти трудности.

В сентябре 1174 года он в пятый раз за время своего правления перешел Альпы, сразу повернул на запад в сторону Пьемонта и дал приказ спалить Сузу, чье коварство во время его отступления в 1168 году запечатлелось в его памяти. Оттуда он спустился на равнину, а в это время Христиан Майнцский, сняв осаду Анконы, двинулся к нему с небольшим войском из района Болоньи. Стратегия подсказывала ему напасть на

Милан, или Верону, или Кремону, но Штауфен сначала хотел уничтожить даже воспоминания и следы своих просчетов и унижений и преподать урок этим неверным и беспокойным итальянцам. Поэтому он пошел на Алессандрию, город-вызов, который подрывал его авторитет и одно существование которого означало для него постоянное поражение, тем более, что ему не хватало военных средств, чтобы пойти на более крупные города и мощные укрепления.

К несчастью, осажденный с октября месяца, этот «сломенный город» оказал сопротивление, а его укрепления на самом деле были мощнее, чем казались. И ломбардцы не робели и не паниковали. Большинство коммун сохраняло сплоченность, даже те, которые были обеспокоены прогрессом движения гвельфов и растущим авторитетом Милана. Только Асти выходит из альянса, видимо, в страхе перед наступлением императора или из-за нападений маркиза Монферра. Комо колеблется. Зато другие города – Равенна, Римини, Боббио – вступившие в союз несколько месяцев назад, подтверждали свое членство. Следовательно, лига включала помимо этих трех городов и некоторых знатных сеньоров (маркиз Маласпина, граф Камино, граф Бертиноро и даже граф Бьяндрате, до сих пор бывший сторонником императора), Милан, Лоди, Бергамо, Феррару, Брешиа, Мантую, Верону, Виченцу, Падуа, Тревизо, Венецию, Болонью, Модену, Реджо, Парму, Пьяченцу, Тортона, Алессандрию, Верчелли, Новару и Кремону – эта последняя, однако, не прерывала своих контактов с Христианом Майнцским.

Пока немцы пешком шли к Алессандрии, собрались итальянские войска. Федеральная армия сгруппировалась в Пьяченце и направилась к осажденному городу. Ввиду этого наступления, рискующего зажать его между городскими укреплениями и неприятельским войском, Фридрих снял осаду (13 апреля 1175 года) и

попытался вернуться в верную ему Павию. Он прошел через Тортону, которая, видимо, в этот момент вышла из лиги, завидуя Алессандрини: теперь та могла стать ее соперницей в торговле и оттеснить на задний план. Но в Вогере, между Тортоной и Пьяченцей, он столкнулся лицом к лицу с армией городских коммун. Ни германцы, ни итальянцы не желают сражаться, так как ни те, ни другие не были уверены в том, что достаточно хорошо для этого вооружены. Ломбардцы не могли преодолеть страха при виде грозных брабантцев. А Фридрих знал, что его войско невелико, и на скорое подкрепление ему рассчитывать нечего. Тогда, применив тактику, продуманную в предшествующие месяцы, он предложил начать переговоры, представляясь как суверен, согласный выслушать своих подданных и не возражающий против того, чтобы они пользовались своими привилегиями и свободами.

Сразу же установились контакты и очень скоро, после начала перемирия, стороны пришли к согласию в процедурных вопросах. Каждая сторона, представленная тремя послами, предъявила свои предложения мира, которые они затем постараются согласовать. Если эти обсуждения ничего не дадут, то стороны обратятся к консулам и делегатам Кремоны, которые должны будут выступить в роли верховных арбитров, так как с этого момента Кремона обособляется от лиги и займет особое положение.

Чтобы показать, что он решает проблему своего Итальянского королевства и что у него верные и преданные подданные, Фридрих в числе своих трех послов назначил двух итальянцев — одного из Турина и одного из Павии. Лига в качестве полномочных представителей направила двух исполняющих обязанности ректоров, Эзелино, консула и подесту из Тревизо, и Ансельма из Доварии — мало известную

личность, а также третьего, чье имя до нас не дошло, но, возможно, это был Жерар Песта из Милана.

Переговоры проходили в Монтебелло. В момент начала переговоров обе армии были распущены по соглашению сторон. Со стороны императора это была необыкновенная уступка; однако он сделал ее не в знак доброй воли, как могли подумать некоторые итальянцы, а потому, что ему нечем было платить своим наемникам, и он не мог, под страхом провала переговоров, требовать субсидий от жителей полуострова. Фридрих начинал переговоры с твердым намерением добиться мира, а не ради хитрого маневра, убежденный, что, если мятежные города помирятся с ним, он снова обретет всю страну и у него появятся серьезные шансы принудить Александра III к отречению.

Ибо в это время он уверенно отвергал мысль о том, чтобы уступить в вопросе о папе. Меры, принятые в прошлом году в Германии, показывали, что он полон решимости продолжать политику, определенную на ассамблее в Вюрцбурге в 1165 году. Однако договариваться не означало капитулировать. Он был готов чем-то пожертвовать, отказаться от многих *regalia* и не ставить вопрос об их юридическом обосновании. Но он просил города признать его суверенитет с гарантией ему права инвеституры консулов, осуществления некоторых других прав и принесения ему клятвы верности. Тут он проводил политику, полностью отличающуюся от той, которая была определена в Ронкалье, даже если мы не знаем точного содержания его предложений, так как этот документ до нас не дошел. Отныне Фридрих намеревался править в Северной Италии с учетом городских свобод, роль которых он, наконец, понял, и строя свои взаимоотношения с городами на основе конкретных договоров.

Ломбардцы же составили текст, представленный ими немцам 17 апреля, который содержал их требования.

Эта петиция Ломбардской лиги (*petitio societatis Lombardiae*), как называют ее историки, настаивала на шести основных пунктах:

1. Признание прав императора: лига заявляла, что не собирается ставить под сомнение имперскую власть и расположена оставить Штауфену все то, что получили его предшественники, «не прибегая ни к страху, ни к насилию», со времени смерти Генриха IV. Точнее, он станет пользоваться правом реквизиции, транзита и заключения договора, когда будет проезжать по Италии в Рим для получения императорской короны. Ему обеспечены верность его вассалов и клятва горожан в соответствии с нравами и обычаями каждого из городов. Зато он откажется от прочих *regalia*, потому что каждый город будет иметь право предоставить ему на своей территории особые прерогативы. Он возвратит все имущество, конфискованное им во время войны, и откажется от любых денежных поборов.

2. Права городов: у городов будут (без всякого пожалования императором) все прочие права, называемые *regalia* — что являлось самым четким требованием гвельфов. Города сохранят свои консулаты, решения которых могут быть предметом апелляций, свои укрепления и смогут строить новые; они будут свободно хранить свои обычаи, которые император обязуется уважать так же, как и их безопасность.

3. Права лиги: коммуны получают возможность формировать друг с другом лиги и, если нужно будет, бороться с императором в случае нарушения им своих обязательств.

4. Решение спорных вопросов: если между обеими сторонами возникнут разногласия по поводу толкования договора, от консулов заинтересованного города или городов потребуется торжественная клятва, утверждающая, что они уважают право и традицию.

5. Примирение императора с Александром III: лига требовала этого и ставила условием восстановления мира.

6. Проблема Алессандрии: этот город будет признан свободным и пользующимся всеми правами прочих ломбардских коммун.

Фридрих и его представители, проинформированные об этих предложениях, тотчас же сочли их неприемлемыми, в частности, два последних, из которых одно, по мнению императора, не могло быть предметом обсуждений, а второе не могло быть удовлетворено по желанию городов без нанесения оскорбления императорскому величию. К тому же, отсутствие упоминаний об инвеституре или о клятве консулов, а также устранения королевской администрации при улаживании спорных вопросов противоречили идеям Штауфена. Поэтому было решено обратиться к кремонцам, как и предусматривалось в таких случаях. А в ожидании решений была назначена смешанная комиссия для председательства на период перемирия до середины мая – срок, определенный для кремонского арбитража. Фридрих назначил в этот комитет архиепископа Кельнского Филиппа Гейнсбергского и еще двух человек, а лига была представлена Жераром Песта, Альберто Ганбара из Брешиа и одним веронцем.

В начале мая кремонцы предложили новый текст, составленный на основе петиции лиги с добавлением к каждому пункту замечаний и встречных предложений императора:

1. Что касается прав императора, то в основном была принята ломбардская позиция. Расхождение было в одном пункте: Кремона предлагает предоставлять Штауфену право реквизиции, транзита и заключения договоров каждый раз, когда он будет в Италии, а не только во время приезда на коронацию.

2. В том, что касалось прерогатив городов, различия были более ощутимыми. За городами признавались их права и обычаи и право возводить укрепления. Но, во-первых, император будет инвестировать консулов один раз за все свое правление – это явится подтверждением того, что суверенитет принадлежит ему и все свободы исходят от него; во-вторых, ломбардцы должны вернуть все императорское имущество, которым они завладели за время борьбы с ним.

3. Кремонский компромисс давал городам право свободно создавать лиги. Зато он требовал для итальянцев права помогать императору в случае, если один из городов нарушит свои обязательства в отношении его.

4. В вопросе о разногласиях ломбардские предложения не поддерживались, но предусматривалось, что каждый спор в связи с толкованием договора будет улаживаться смешанной комиссией из шести членов, из которых три назначаются императором и три – союзом.

5. В вопросе о папе новый текст отвергал требования городов и просто заявлял, что император не станет искать ссор со сторонниками Александра III.

6. Что касается Алессандрии, то она не будет признана свободным городом, но ее жителям будет разрешено беспрепятственно вернуться в свои родные деревни.

Фридрих немедленно согласился на эти встречные требования, что наводит на мысль о его информированности об их кремонской редакции и даже, может быть, личном их инспирировании. Представители городов, напротив, отвергли требования, так как сами были очень далеки от того, о чем просили. Они были готовы уступить в том, что касалось арбитражной комиссии, но им трудно было согласиться на передачу консульской инвеституры императору и тем более на сохранение за ним апелляционной юрисдикции

(о которой кремонский документ не упоминает вообще, а это указывает на то, что здесь, очевидно, предполагалось просто-напросто следовать положениям Ронкальского эдикта). По этим двум последним пунктам расхождение во мнениях было полным. Дискуссии продолжались несколько дней. Штауфен пошел на новые уступки; если верить одному из ломбардских участников переговоров, он даже готов был согласиться на все просьбы городов, если они покинут Александра III и перейдут на сторону Каликста. Все было напрасно, так как города отказались отделиться от своего авторитетного союзника, но при этом они не без основания боялись, что если их папа будет побежден, то император вернется к прежней жестокой авторитарной политике.

Наступил разрыв отношений, хотя стороны согласились сохранять перемирие. Без армии Фридрих чувствовал себя очень неуверенно. Поэтому он решил установить контакт с Александром III, даже не посоветовавшись со своим папой. Тем не менее не похоже, чтобы он действительно намеревался примириться с церковью и признать законность избрания Александра III и всех его дальнейших действий: ему этого не позволяла клятва, которую он торжественно произнес в Вюрцбурге, а также вопрос о германских раскольниках — епископах и клириках (посвященных в сан сторонниками антипапы), которых он не мог не поддерживать без ущерба для своего монаршего авторитета. То есть он постарался выяснить, какова истинная позиция папы — может быть, в надежде на какую-нибудь уступку, — но главное он маневрировал, чтобы заставить ломбардцев поволноваться.

Он любезно пригласил к себе в Павию для бесед трех очень влиятельных кардиналов, в том числе Хубальда, кардинала-епископа Остии. Александр III отпустил их, порекомендовав им сохранять твердость,

но двум из них поручил предварительно встретиться с ректорами лиги. Они приняли у себя в Лоди двух прелатов, те проинформировали их о причинах провала переговоров в Монтебелло и об очень жесткой антиалександровской позиции императора и получили заверения, что папа не будет ни обсуждать, ни заключать никакого сепаратного мира. Это помешало переговорам в Павии дать какие-либо конкретные результаты.

Тем не менее, первая встреча оказалась очень сердечной. Фридрих был неожиданно чрезвычайно любезен и без малейших возражений выслушал кардиналов, закливавших его признать Александра III. Но как только речь зашла о насущных вопросах, возникли трудности, так как легаты заявили, что нужно договариваться также и с ломбардцами и что папство не примет никакого соглашения без их участия. Разочарованный и даже раздраженный император согласился все же продолжить бесполезный разговор, чтобы не брать на себя одного всю полноту ответственности за разрыв. Но с этого момента он понял, что придется возвращаться к войне и вновь начинать ткать на том же непослушном его воле станке все ту же бесконечную нить. Он предоставил архиепископам Майнцскому и Кельнскому, а также протонотариусу Веттину продолжать дискуссии с прелатами Александра III и представителями лиги. От его имени эти доверенные лица потребовали (насколько можно понять из неясно составленного документа), чтобы только император решал вопросы о правомочности рукоположений и инвеститур, произведенных в немецкой церкви с 1159 года, а это было в принципе неприемлемо, ибо означало, что мирянин имеет право судить о делах чисто церковных. В отношении ломбардцев требования императора, точное содержание которых неизвестно, были

еще суровее, чем в Монтебелло, в частности, в вопросе об Алессандрии. Поэтому кардиналы приняли на себя ответственность о прекращении переговоров; они покинули Павию одновременно с депутатами городов. Дверь к миру закрылась.

Впрочем, лига сразу же определила военные меры, в то время как Александр III превращал Алессандрию в центр новой епархии, во главе которой поставил клирика из своего окружения. Фридрих не имел средств и по этой причине не мог набрать достаточное число наемников, поэтому собрал вокруг себя маленькое войско, которое несколько месяцев назад Христиан Майнцский привел в Пулию для действий против Сицилии. Он обратился также к своим вассалам — немецким принцам, повелевая им взять Милан, фактически ставший ведущим городом лиги. Большинство принцев уклонились от выполнения этой повинности или прислали минимальный воинский контингент. Генрих Лев получил особое приглашение для беседы.

Встреча состоялась в Кьявенне, на берегу озера Комо. Штауфен попросил своего кузена, в чьих владениях было много людей, дать ему их больше, чем требовала вассальная повинность. Он напомнил о постоянно оказываемой ему поддержке, каждый раз когда у него в Германии возникали трудности, против маркграфа Бранденбургского, графа Гольштейнского, графа Тюрингского и многих других. Но этот Вельф, вернувшийся из святой земли, куда он в 1172 году ходил во главе крестового похода для выручки короля Иерусалима и где был принят чуть ли не с королевскими почестями, что его привело в эйфорическое состояние, отказал Штауфену. Он заявил, что иерусалимская экспедиция очень дорого обошлась ему и после долгого отсутствия пребывание его и его солдат в Саксонии просто необходимо. Он заметил, что по закону совершенно не обязан оказывать

помощи в акции, проходящей за пределами Германии. Он, несомненно, дал понять Фридриху, что итальянские дела ему неинтересны, что император всегда держал его в стороне от своих предприятий на полуострове и, выкупая владения его дяди Вельфа VI, должно быть, хотел, чтобы его семья никогда этими вопросами не занималась. Возможно, Генрих добавил даже, что Штауфен заблуждается, а по поводу раскола высказал мнение, что Штауфену следовало бы признать законным папой Александра III. Каковы бы ни были истинные мотивы отказа, Лев тем самым разрывал пакет о сотрудничестве, заключенный с обоюдного молчаливого согласия в 1155 году, который император всегда скрупулезно соблюдал, принося ему в жертву дружбу с маркграфом Бранденбургским и другими принцами. Эгоизм и спесь, новый всплеск династической вражды, никогда не затухавшей в глубине его сердца, или просто желание не делать ничего, что шло бы вразрез с его планами на востоке — вот причины, объясняющие поведение герцога Саксонии и Баварии.

Во всяком случае он поставил Барбароссу в очень затруднительное положение. К счастью, друзья на полуострове, в том числе вновь поддержавшие его города (Комо), поставили ему некоторое количество солдат. Но отправленное из Германии подкрепление насчитывало только тысячу человек. Поэтому он начал войну против итальянцев в основном с помощью итальянских же войск. Весной 1176 года он принял решение выступить навстречу немецким синьорам из Павии и отправился в Беллинцону, где к нему присоединились солдаты из числа местных жителей. Фридрих планировал двинуться на Милан, в то время как Христиан Майнцский со своей маленькой армией, вызванной из Пулии, будет действовать на юге. Перед такой угрозой миланцы, поддержанные

ополченцами из городов-союзников, приняли решение о выступлении против императорского войска. Но они думали, что враг еще в Беллинцоне, а встретили его неожиданно в Леньяно, километрах в тридцати на север от своего города (20 мая).

Удар был сильным, а сражение — запутанным. Германские рыцари по своему обычаю бросились в мощную атаку; они прорвали строй ломбардской конницы, та в беспорядке бежала, но была остановлена пехотой, построенной в каре вокруг повозки с эмблемами коммуны. В этот момент бежавшие с поля боя конники заметили людей из Брешиа, которые галопом неслись им на выручку. Вместе они атаковали немцев с фланга; Фридрих увидел опасность, с жаром и отвагой он бросился в самую свалку, но был выбит из седла. Тотчас же слух о его гибели разнесся по войскам, те запаниковали и, побросав оружие, лошадей и даже личный штандарт императора, бежали к Павии, где также укрылся и их военачальник.

Это еще не стало окончательным поражением, однако было мучительной неудачей. Без солдат, без денег будущее представлялось очень мрачным. Отказавшись от войны под давлением фатального стечения обстоятельств, Барбаросса возобновил переговоры. Так как Кремона сближалась с ним все больше и уже предлагала ему союз, он вновь прибег к ее услугам для установления контактов с лигой. В июне и июле развернулись переговоры. Император предложил заключить мир на основе версии, составленной кременцами в Монтебелло, согласившись к тому же признать для Алессандрии «городской статус». Он даже распорядился составить акт ратификации договора, который предлагал подписать либо в Лоди, либо в Моримундо, либо в Новаре. Но, хотя его намерения были вполне лояльны и он действительно хотел помириться с коммунами, те опять

отказались от соглашения, в котором не говорилось об Александре III, и которого они считали единственным законным папой.

Поведение Штауфена изменилось из-за ломбардского упрямства. Во время переговоров в Павии в прошлом году Фридриху, а еще больше архиепископам Христиану Майнцскому и Филиппу Кельнскому показалось, что в поведении папских легатов наблюдается какая-то вялость в вопросах права, которые должны были быть пожалованы или признаны городам. Они почувствовали, что Александр III хочет, чтобы ломбардцы помирились с Фридрихом ради собственных же интересов, но он мало интересовался юридическим и политическим определением этих интересов. До сих пор они старались договориться с лигой, идя на большие уступки, чтобы затем устранить папу. Поскольку коммуны требовали их перехода в сферу подчинения Александру III, переговоры с ними, почти непрерывные с апреля 1175 года, становились бесполезными, потому что итальянские предложения все время усиливали позиции папы, а другая сторона добивалась его отречения. Так что оставался лишь один выход: договариваться с папой, который мог бы и не ставить очень жестких условий в пользу городов.

С замираньем сердца и полным осознанием ожидавших его трудностей Фридрих решил на новые переговоры, вознамерившись на сей раз довести их до конца. Контакты были установлены в конце лета, и 21 октября 1176 канцлер Христиан, архиепископ Магдебургский Вихман, епископ Вормсский Конрад и протонотариус Ардуин явились к папскому двору, располагавшемуся в тот момент в Ананьи, южнее Рима. Кардиналы, делегированные папой, сразу же заявили, что не смогут начать обсуждение вопросов, если в дебатах не будут участвовать полномочные представители лиги, короля Сицилии и императора Мануила

Комнина. Представители императора не дали прямого ответа на это требование. Они заметили, что военные операции против мятежных городов по обоюдному соглашению приостановлены и это перемирие будет длиться до тех пор, пока не закончатся переговоры. Но настаивали, чтобы, по крайней мере, первые обсуждения проходили только между ними, с одной стороны, папой и его кардиналами – с другой, и с соблюдением строжайшей секретности во избежание утечки информации и особенно дезинформирующих слухов. Александр III согласился на это, уточнив, что оставляет за собой право держать в курсе обсуждений ломбардцев и прочих своих союзников, в чем их и заверил.

Так через своих послов Фридрих начал первые настоящие серьезные переговоры с Александром III, своим несгибаемым противником еще со времен ассамблеи в Безансоне, – переговоры крайне трудные, так как они ставили под сомнение самые разные проблемы от чисто церковных вопросов до статуса Италии. Император, – хоть в принципе и согласился признать Александра III, что было в его глазах необычайной уступкой, – придавал исключительное значение сохранению территориальных интересов на полуострове и своей власти над германским епископатом, то есть легитимности избрания епископов, поддерживавших Виктора IV, Пасхалия III и Каликста III, а также совершенных им рукоположений. По этим двум пунктам дискуссии были особенно ожесточенными.

Однако стороны пришли к соглашению довольно быстро благодаря тому, что делегаты папы своим поведением доказали желание мира, в то время как ломбардские требования им представлялись второстепенными. Фридрих также пошел на кое-какие уступки, и через полмесяца был готов проект соглашения, который называют пактом или прелиминариями

(предварительными переговорами о мире — Прим. перев.) Ананьи.

Согласно этому документу Штауфен (а также все его семейство) признает Александра III законноизбранным папой; он возвращает римской церкви все *regalia*, которыми она располагала при Иннокентии II, то есть до восшествия Фридриха на престол; он возвращает папству префектуру Рима и «те земли графини Матильды, которыми Римская церковь владела во времена Лотаря и Конрада». Он отпускает вассалов церкви, оказавшихся в его руках, и возвращает все церковное имущество, которым завладел в результате раскола. Александр, в свою очередь, принимает его как императора, возлюбленного сына церкви, и отменяет свою буллу об его отлучении. Проблема немецких епископатов решалась в индивидуальном порядке: канцлер Христиан сохраняет архиепископство в Майнце; Филипп Гейнсберский — архиепископство в Кёльне; Конрад фон Виттельсбах, бывший ранее архиепископом Майнцским, получит первое архиепископское кресло, которое станет вакантным в Германии; ничего не было сказано о церкви в Зальцбурге, глава которой Генрих, посвященный в сан после изгнания Барбароссой Адальберта Богемского, был сторонником Александра, — разве что его имущество и владения ему возвратят; епископ Геро из Хальберштадта будет смещен, а его предшественник, отозванный монархом, восстановлен; будут пересмотрены дела об избрании в Бремене епископа Бранденбургского и о епископских креслах в Страсбурге и Базеле. Зато в отношении имперских церквей в Италии и Бургундии решение оставалось за одним лишь папой, тем не менее Гарсендоний, епископ-раскольник, был восстановлен в Мантуе, а его соперник-александровец переведен в Виченцу. Антипапа Каликст III должен был получить аббатство.

И, наконец, предусматривалось, что Штауфен начнет мирные переговоры с Ломбардской лигой и Сицилией, а если эти переговоры с коммунами провалятся, то следует обратиться в арбитражную комиссию, составленную из представителей папы и императора, которая и вынесет окончательное решение в трехмесячный срок. В этот же срок мир будет подтвержден папой и императором лично.

Этот пакт позволяет сделать три вывода. Во-первых, он касается всех насущных вопросов и по большинству из них предлагает четкие решения. Во-вторых, со стороны Барбароссы предоставляет вполне реальные уступки, потому что не только полностью уступает в вопросе легитимности Александра III (это было неременное обязательство), но и в вопросе территориального статуса Италии (владения Матильды) и раскольных епископов. Может быть, даже его представители на переговорах, отступив перед упорными требованиями папы, уступили больше, чем намеревался Фридрих. Недовольный и раздосадованный, он постарался вернуться к этому документу, являвшемуся всего лишь проектом мирного урегулирования. И, в-третьих, не обсуждая ломбардскую проблему, а просто отодвинув ее в сторону, дипломаты императора, да и сам Фридрих, защитили свои интересы, оставив себе возможность отвертеться от своих обязательств и позволив полностью втянуть себя в церковные проблемы. Александр III, озабоченный в первую очередь интересами римской церкви, фактически перестал поддерживать ломбардцев, довольствуясь обещанием немцев не возобновлять военные операции. Представители лиги, узнав о подготовке соглашения, не скрыли своего разочарования и недовольства, однако получили ответ, что им бояться нечего, так как через три месяца требования их станут предметом специальных обсуждений, а перемирие

будет сохранено. К сожалению, надеяться им было не на что.

Фридрих сразу понял, насколько они обеспокоены этим пактом. В последующие за этим недели он начал ловко поддерживать эти страхи и вносить раскол между городами. Если Комо вновь присоединился к союзу, то другие города стали сомневаться, сохранять ли им свой антиимперский настрой. Тортона подтвердила свой выход из лиги, которую покинули также Римини, Равенна; Тревизо тоже бы вышел, если бы епископ не помешал. Что касается Кремоны, то она назначила цену за то, что сохранит свою «нейтральную» позицию, вроде бы занимаемую с прошлого года, и станет официально союзницей императора. Тот согласился без оговорок. Подписав договор 12 декабря 1176 года, он обязался защищать ее от врагов и не покидать Италии, не обеспечив ее безопасности; он пообещал в случае нападения на Кремону кого-либо в его отсутствие послать ей тысячу рыцарей (даже если мирный договор с лигой не будет заключен 1 июня 1177 года). Фридрих позволил ей к тому же прибрать к рукам маленькие городки Гасталла и Луццарра и заверил ее, что Крема никогда не будет укреплена, к ужасу коммун, входивших в лигу, понявших в этот момент, что эпоха беспощадной борьбы миновала.

Осознав ситуацию, Фридрих с этого момента стал думать о новой политике в Италии. Поскольку вернуться к Ронкальской программе было невозможно, он решил опираться на полуострове на некоторые города, которые засыпал привилегиями и с которыми связался двусторонними соглашениями. Договор с Кремоной стал исходным шагом в этом начинании, за ним последовало соглашение с Римини, Равенной, Тортоной и Асти, а от этого укрепились связи не только с Павией, Генуей и Туринном, не только с

бывшими союзниками, некоторое время назад покинувшими германский лагерь (граф Бьяндрате), но и с населенными пунктами, которые до сих пор обычно игнорировались: Альба, Ивреа, Вентимилья, Савона, Альбенга, Мондови, и в сторону Эмилини и Романьи — Имола, Фаэнца, Форлимпополи, Форли и Чезена.

С энтузиазмом устремившись по этому пути, Фридрих в начале 1177 года даже попытался устроить показное ниспровержение. Поскольку ему трудно было согласиться с некоторыми унижительными клаузулами пакта Ананьи, 25 января он предложил возобновить обсуждение всех его пунктов и созвать церковный собор, который сделает окончательный выбор между Александром III и Каликстом III, и одновременно с собором съезд, где будут решены итальянские проблемы.

Его предложения были отвергнуты. Города лиги, то есть гвельфы, очень хорошо поняли его маневр. Если они согласятся на созыв церковного собора, то их союзу с Александром III будет положен конец; и тогда либо Фридрих должен будет однажды все же прийти к соглашению с Александром III, и города лиги ничего от этого не выигрывают, либо Фридрих устранил папу, и они останутся одни перед решительно настроенным императором, другим папой, нерасположенным к ним, и коммуна-соперницами, которые воспользуются их замешательством. Так что им оставалось только сохранять союз с Александром III, даже если тот и не окажет им полной поддержки.

Впрочем, их отказ не имел особого значения, так как советники Фридриха уже отговорили его от этого намерения. Патриарх Аквилеи Ульрих, вызванный на консультацию в Равенну, заявил, что нужно продолжать переговоры с Александром до тех пор, пока не будет заключен мир. Христиан Майнцский отметил преимущества, которые даст соглашение со святым

престолом даже ценой нескольких уступок в вопросах авторитета; он настаивал на том факте, что как только будет достигнуто примирение с римской церковью и приблизительное соглашение с ломбардцами, у папства больше не будет возможности возражать против немецких замыслов на полуострове, особенно если эти замыслы разрабатываются с помощью дипломатических и военных средств.

Фридрих, столкнувшийся, кроме того, с финансовыми трудностями (у него не было денег ни для подготовки военных операций, ни для ведения все более дорогостоящих переговоров с городами), последовал этим советам. В конце января стороны вступили в последнюю фазу дискуссий в соответствии с соглашениями Ананьи.

Однако переговоры были по-прежнему трудными из-за недоверия, которое Штауфен все еще вызывал у папы (впрочем, вполне понятного, если учитывать предложения от 25 января), и из-за желания императора не ударить в грязь лицом и вновь поставить на повестку дня обсуждение ряда условий, уже принятых ранее. В Модене первая же стычка противопоставила представителей императора кардиналам Хубальду и Ренье и членам лиги в вопросе о том, где состоится встреча папы с императором. Немцы предложили Равенну; на это последовал короткий отказ, так как легаты не могли согласиться на проимператорский город. Ломбардцы предложили Болонью, на чем в конце концов и порешили.

После этого Александр покинул римский регион, чтобы быть поближе к месту переговоров. После путешествия в шторм на сицилийском корабле он прибыл в Венецию, которая всегда была его сторонницей (23 марта 1177 года). Там он принял послов Фридриха, объявивших ему об отказе их суверена ехать в Болонью, известную антинемецкими настроениями

(Христиан очень жестоко обошелся с ней во время своих «турне» по Романье). Послы предложили Павию, Равенну или Венецию. Папа заявил, что должен посоветоваться с ломбардцами, и трехсторонняя встреча была назначена в Ферраре.

Александр прибыл в этот город в конце апреля. Сначала было несколько бурных обсуждений с ломбардцами, упрекавшими его в том, что он их покинул, папа постарался их успокоить. Затем прибыли представители императора, с которыми тут же начались финальные переговоры. Фридрих прислал делегацию из семи полномочных представителей с архиепископом Христианом во главе. Папа назначил семь легатов, самым главным из которых был кардинал Хубальд. Лига была представлена четырьмя епископами-александровцами (в том числе епископами Турина и Асти, проимператорских городов) и тремя мирянами с Жераром Песта во главе делегации. Немцы снова предложили, чтобы встреча с императором состоялась либо в Павии, либо в Равенне, либо в Венеции. После долгих дебатов была выбрана Венеция, одновременно решили, что сначала будет обсуждаться мир между Штауфеном и ломбардцами, затем примирение Фридриха с папой и королем Сицилии, *«потому что это в сущности один вопрос»*.

Итак, все переехали в Венецию, где в середине мая начались переговоры; резиденция Александра находилась в городе, а Фридрих остановился в Помпозе. Там он наметил свой план действий: договориться с папой, но возобновить войну с коммунарами. В результате этого решения переговоры с лигой были заблокированы. Канцлер Христиан от имени своего суверена сделал представителям лиги следующее заявление:

«Император вас просит и вам повелевает либо признать его правоту в вопросе о regalia и о том, что ему принадлежит и чем вы завладели, либо

выполнить предписания Ронкальи, либо предоставить ему права, которые ваши предшественники согласно обычаю признавали за Генрихом Старым (Генрихом IV)».

Эти три предложения фактически составляли одно целое — возврат к прямой суверенной политике, определенной в Ронкалье, — политике, которую Барбаросса собирался отбросить. Если он напоминал о ней, то для того, чтобы оправдать возможное возобновление военных действий против мятежных городов и чтобы не прийти с ними к соглашению, так как знал, что ломбардцы не согласятся на эти условия. В очень убедительной речи Жерар Песта, после утверждения в соответствии с принципами гвельфов, что коммуны-союзницы «готовы признать правоту за императором как за сеньором», отверг один за другим все три императорских проекта и предложил заключить мир на базе текста, некогда составленного в Монтебелло кремонцами, с добавлением обязательного требования — признания Штауфеном Александра III.

Возражение было ловким ходом, так как Фридриху пришлось принять все же эти условия в 1175 году, а оно наглядно демонстрировало твердое желание лиги остаться союзницей Александра III, — что морально обязало бы Александра вести себя точно так же в отношении лиги. К сожалению, Барбаросса больше не желал договариваться с лигой. Его представители «сделали несколько замечаний по некоторым пунктам (Кремонского документа), — пишет архиепископ Салернский Ромуальд, присутствовавший при этих событиях, — и интерпретировали их в свою пользу, а остальные отвергли». В конце концов пришлось констатировать разногласия и, согласно предписаниям, составленным, видимо, в Ферраре, обратиться за вердиктом к папе. Но папа, зная, что император решил признать его, посоветовал отложить урегулирование

этих трудных вопросов, а Штауфену заключить пятнадцатилетний мир с королем Сицилии и десятилетний мир с коммунами-союзницами.

Архиепископ Ромуальд, представитель Вильгельма II, согласился на это, — ведь Сицилия ничем не рисковала до тех пор, пока Фридрих не сломит сопротивление ломбардцев и будет сохранять мир со святым престолом. Лиге, преданной папой, не оставалось ничего другого, кроме как дать свое согласие. Зато германский суверен посчитал, что эти долголетние перемирия станут чрезвычайно большой уступкой с его стороны, и официально заявил, что на них не пойдет. Во всяком случае, в тайных переговорах с двумя кардиналами он дал понять, что мог бы на это решиться в случае предоставления ему узуфрукта с владений Матильды на пятнадцать лет. Александр III согласился при условии, что по истечении срока не римская церковь, а император должен будет представить письменное доказательство своих прав. Фридрих пошел на это при условии сокращения срока перемирия с коммунами до шести лет. Переговоры быстро продвигались вперед.

Но неожиданно все чуть не рухнуло. В виду успешных переговоров Штауфен получил разрешение папы поселиться в Кьодже, поближе к Венеции. Но там он принял лидеров венецианской народной партии, которая в меньшей степени поддерживала Александра III и рассчитывала использовать предстоящий визит императора, для того чтобы склонить на свою сторону дожа. Венецианцы посоветовали Фридриху совершить акт насилия, то есть войти в город неожиданно, с их помощью, это-де тоже поможет ему добиться от папы всего, что он хочет, а взамен он должен будет оказать давление на дожа в их пользу. Фридрих поступил в соответствии с их планом, но не в надежде полностью изменить ситуацию, а всего лишь чтобы не подвергаться унижительным

церемониям, которые должны будут сопровождать снятие с него анафемы и возвращение его в лоно римской церкви. Поэтому *popolani* привели перепуганного дожа, чтобы он тотчас же провел императора в город, а сами среди ночи ворвались к папе.

Но папа был не из тех, кто легко теряет голову. Несмотря на панику, охватившую его окружение, он отказался принять венецианцев. Затем отправил своих кардиналов в Кьоджу, чтобы обсудить со Штауфеном детали ближайшей встречи. В то же время он заставил сицилийцев обратиться к венецианским властям, и они отменили свое решение о досрочном вступлении императора в город. Маневр не удался. Впрочем, он не получил одобрения советников императора, в частности, Христиана Майнцского, обеспокоенного личной инициативой суверена.

События развивались довольно быстро. 21 июля были официально заключены перемирия на пятнадцать лет с Сицилией и на шесть лет с лигой. Текст договора о перемирии с городами наилучшим образом уважил чувство собственного достоинства ломбардцев. В нем заявлялось, что император и его сын клянутся через своих полномочных представителей соблюдать соглашение; присутствующие немецкие принцы, а также итальянские графы и маркизы – его сторонники и консулы Кремоны и Павии от имени городов – сторонников императора клянутся тоже. Текст уточнял, что монарх не будет требовать никакой клятвы верности от членов лиги – будь то мирянин или клирик (епископ) – во все время перемирия, что он не произнесет никакого приговора и не предпримет никакого юридического процесса в отношении союзников в течение этого же периода. Наконец, предусматривалось создание смешанной комиссии для проведения соглашения в жизнь. А документ, подписанный с Сицилией, именовал Вильгельма II королем,

что со стороны Барбароссы означало признание нормандской авторитарной власти на юге полуострова. Таким образом, прекращалась война императора, с одной стороны, а с другой – Сицилии и городов Венеции, Тревизо, Падуи, Вероны, Виченцы, Брешиа, Феррары, Мантуи, Бергамо, Лоди, Милана, Комо, Новары, Верчелли, Александрии, Кассино и Бельмонте, Пьяченцы, Боббио, Пармы, Реджо, Модены и Болоньи.

В тот же день (21 июля) в Кьодже был составлен акт о восстановлении мира между папой и Штауфеном, который после его ратификации через несколько дней в Венеции стал известен как Венецианский мирный договор.

Этот текст отличался от текста документа Ананьи по двум позициям. Во-первых, уточнялось, что не только император, но также императрица и их сын Генрих лично принесут клятву в том, что будут соблюдать положения этого политического документа. Во-вторых, проблема, связанная с владениями Матильды, была ловко отодвинута в сторону: было лишь заявлено, что Фридрих вернет папе *«все владения и административные учреждения – будь то префектуры или что иное, которыми владела Римская церковь и которые были у нее отобраны, за исключением прав империи»*, и эта последняя оговорка касалась именно нерешенного вопроса о спорном наследстве великой графини. На следующий день, 22 июля, два немецких графа от имени монарха поклялись соблюдать этот мирный договор, а также перемирия с лигой и Сицилией, – и лишь после этого Штауфену было позволено прибыть в Венецию.

24 июля Фридрих явился в церковь Св. Николая в Лидо, где три кардинала сняли с него анафему, которой он был предан в 1160 году, и приняли в сферу подчинения папы нескольких раскольных прелатов. Потом Фридриха принял дож и они прибыли

к базилике Св. Марка, где на огромном подиуме их ожидал Александр III. Фридрих преклонил перед ним колени. Папа, взволнованный до слез, тотчас же поднял его и поцеловал в знак примирения. На следующий день Фридрих был допущен в базилику, где папа отслужил мессу и прочел проповедь, делая особый акцент на вновь обретенном мире и преимуществе сотрудничества двух властей. Фридрих велел перевести ему проповедь, и после мессы у него состоялась долгая беседа с главой церкви. Он без возражений согласился держать папе стремя до и после мессы.

Таким образом, было восстановлено единство церкви; гордый Штауфен наконец уступил. Но он сумел сохранить собственный авторитет, отказавшись от появления на публике в рубище кающегося грешника и не произнеся принародно ни одного слова, могущего принизить его достоинство. В последующие дни это поведение утвердилось еще больше: честь империи должна быть незапятнанной, что, кстати, понимал и Александр III. Это проявилось во время церемонии 1 августа, когда Фридрих при всех велел своим представителям поклясться от своего имени и в своем присутствии в соблюдении мирного договора и перемирий, что явилось их торжественной ратификацией и настоящим вступлением в силу (императрица и его сын принесли клятву несколькими днями позже в замке Ровиго); затем император взял слово для признания своих заблуждений:

«Пусть все знают, — сказал он, — что, хотя мы облечены достоинством и славой Римской империи, это достоинство тем не менее не мешает нам сохранять в нас то, что присуще роду человеческому, а императорское величие не уберегает нас от незнания».

Выходит, грешил он по незнанию, был плохо информирован — истинными виновниками оказались его советники.

В тот же день, 1 августа, сицилийцы и ломбардцы поклялись соблюдать перемирие. В последующие дни Барбаросса довершил это длинное дипломатическое действие. 14 августа он направил дружеское письмо Вильгельму II, сообщая, что собирается вновь поручить двенадцати немецким принцам поклясться в соблюдении соглашения. 17 августа он заключил с дожем Венеции договор, который возобновлял положения договора 1155 года, возвращал венецианцам привилегии, пожалованные им императорами Оттоном, Генрихом и Лотарем, и обязывался сохранить мир между республикой и итальянскими городами, список которых включал города лиги, где император собирался сохранять теоретический суверенитет. 17 сентября он подтвердил Александру III в послании, исполненном уважения, что будет соблюдать акт, заключенный 21 июля с римской церковью, и еще раз поручил двенадцати принцам империи произнести эту клятву. И, наконец, он повелел Христиану Майнцскому сопровождать папу до Рима. 16 октября Александр III покинул Венецию.

К этому дню все было улажено. Несмотря на трудности и сомнения, Штауфен прошел путь переговоров с папой до конца. Он долго колебался в выборе партнера: Александр или лига? Но, благодаря дальновидным советам людей из его окружения, особенно архиепископов Майнцкого и Кельнского, ловко сумел воспользоваться самыми подходящими случаями и, используя в отношении ломбардцев политику кнута и пряника, наилучшим образом договориться со святым престолом. Конечно, ему пришлось уступить, немного унизиться, отказаться от того, что было провозглашено в Ронкалье, а потом в Вюрцбурге — и здесь испытание стало очень тяжелым. Но в конце концов он не потерпел полного поражения. Его власть и авторитет в Германии оставались незапятнанными,

тем более что он сумел защитить права раскольных священников. Ни в империи, ни в христианском мире римская церковь больше не будет действовать против него. Наконец, в Италии лига была ослаблена; самые пламенные ее вожди и гвельфы напуганы и принуждены к большей осмотрительности; многие города признавали, что сотрудничество пойдет им на пользу; а главное — он сам понял преимущества этого сотрудничества.

Понадобилось много лет, чтобы совершились все эти изменения. На следующий день после венецианских соглашений они уже осуществлялись. Новая колода карт была роздана, начиналась очередная партия.

ГЛАВА XI

Новая политика (1177–1184)

Заключенный в Венеции мирный договор стал главным событием правления Фридриха. Среди прочих заслуг несмотря на отсутствие окончательных соглашений преимущество этого договора состояло в том, что он возвращал мир в Италию, если не восстанавливал его полностью. В этом смысле он был скорее открытием нового пути, чем завершением определенной политики. Именно так и понимал его Фридрих. Для него в 1177 году ситуация сложилась так, что он мог действовать согласно идеям, которые созрели у него в 1170–1174 годах.

Так после двадцати пяти лет правления в Германии стал выработываться новый метод действия, чтобы довести до конца программу, намеченную в 1152 году и опирающуюся одновременно на осуществление могущественной власти и на сотрудничество с принцами. И главное, в 1182–1183 годах должна была появиться обновленная итальянская политика, реалистичная и динамичная, но все так же направленная на усиление императорской власти.

Современникам или историкам, склонным считать Венецию серьезным поражением, Штауфен отвечал в последующие за подписанием договора месяцы тем, что более чем когда-либо демонстрировал свой авторитет и щедрость. Конечно, он создавал ту цену, которую ему пришлось заплатить Александру III.

Но знал также и то, что по получении отпущения грехов он стал в еще большей степени, чем раньше *императором*, потому что на этот раз его таковым признал весь христианский мир и никто не посмел оспорить его преимущественные права на полуострове. Поэтому он решил задержаться на некоторое время в Италии в качестве доброжелательного суверена, с пониманием относящегося к своим подданным, с тем чтобы проехать по своему королевству и установить контакт с его населением, особенно с населением городов.

Для демонстрации своей лояльности он поручил Христиану Майнцскому помочь Александру III вновь поселиться в Риме. Канцлер сумел все подготовить и ловко со всеми договориться. 12 марта 1178 года папа был с триумфом встречен населением Вечного города. Правда, он обязался поддерживать коммуну, а сенаторам пришлось принести ему присягу. Чтобы уладить проблему с антипапой, вновь вмешался Христиан: 29 августа Каликст III подтвердил свое подчинение папе; к нему отнеслись крайне благожелательно. Все это позволило архиепископу Майнцскому успокоить верных сторонников империи и заставить умолкнуть критиков и оппозиционеров не только в Папском государстве, но и во всей Центральной Италии.

В это время Фридрих, объявив, что ему надо возвращаться в Германию, чтобы заняться немецкими делами, посещал свои земли. Он останавливался в самых верных ему городах, но не пренебрегал и другими, всюду расточая любезности. Таким образом он исследовал Марке и побывал в Анконе и Озимо, где предал гласности эдикт, регламентирующий правосудие (4 декабря 1177 года). Оттуда он переехал в герцогство Сполето, потом в Тоскану, где был принят в большинстве городов. Затем, через

Пизу и Геную, устроивших ему овации, он достиг Ломбардии и, наконец, Пьемонта. Проезжая через Асти (7 июля 1178 года), удостоил этот город договора, демонстрировавшего его добрые намерения, поскольку он отозвал хозяина соседнего имперского замка и обязался не передавать его в ленное владение никому кроме самих жителей Асти, а те признали, в свою очередь, что эта крепость принадлежит Фридриху. В то же время он принял и другие меры для реорганизации имперских поместий, которые были довольно обширными в Пьемонте и которыми он до сих пор совсем не занимался. Его решения были направлены на обеспечение себе контроля за перевалами и на укрепление охраняющих городов, таких как Турин, Ивреа, Анкона или Асти.

Из Турина он перешел через Альпы в Мон-Женевр и спустился в другое свое королевство — Бургундию. Фридрих намеренно остановился в ее столице Арле, где величественно принял сеньоров Прованса и Лангедока и где официально короновался, так как фактически еще не получал этой короны (30 июля 1178 года). До сих пор еще ни один император не бывал в этом регионе, и поэтому небезынтересно будет отметить дату этого события, наглядно доказывающего его волю — после довольно-таки унижительных Венецианских соглашений — восстановить и возвысить императорский авторитет, используя свое пребывание в этой стране и свое личное обаяние. После коронации он провел в Бургундии все лето, останавливаясь на несколько дней в Лионе и Безансоне. Лишь в октябре прибыл он в Германию и 31 октября уже был в Шпейере. Там он нашел германские проблемы такими, какими оставил их в 1174 году. Он сразу же взялся за их решение и поэтому вернулся к проекту, который начал проводить в жизнь еще в начале своего правления. Его осуществление

он на этот раз неотступно продолжал до своего отправления в крестовый поход, из которого уже не вернулся.

Среди этих проблем самой неотложной опять оказался Генрих Лев, все так же бывший мишенью для оппозиции и протестов, которые непрестанно вызывало его неловкое поведение. На сей раз инциденты возникли в связи с осуществлением договора, заключенного с папой.

Этот документ действительно оказался решающим в вопросе о возвращении на епископское кресло в Хальберштадте епископа-александровца Ульриха, смещенного в 1160 году; он был восстановлен на своем месте, которое «раскольный» Геро уступил без возражений. Но Геро в бытность свою епископом был очень послушен герцогу Саксонскому; очевидно, для обеспечения себе поддержки этого принца, очень сдержанного в вопросе о папе, Геро без колебаний передал ему огромные церковные земельные наделы. Восстановленный в сане епископа Ульрих сразу же постарался получить эти владения назад, аннулировав решения своего соперника. Лев отказался их вернуть. Епископ собрал вокруг себя несколько феодалов, всегда готовых выступить против слишком властного сеньора, заручился поддержкой знати, заинтересованной в ослаблении позиций Генриха, в частности, архиепископа Кельнского – Филиппа Гейнсбергского, который когда-то что-то не поделил с Вельфом. Когда император по возвращении в Германию созвал ассамблею в Шпейере, Ульрих и его союзники обратились к ассамблее со своими жалобами. 11 ноября жалобы были официально рассмотрены ассамблеей, а значит, и Фридрихом.

Фридрих отказался от той линии поведения, которой решительно и неуклонно следовал с момента своего прихода к власти, и выразившейся в постоянной

поддержке им своего кузена. Вместо того, чтобы постараться утихомирить жалующихся принцев и сеньоров, он выказал большое внимание к заявлениям и дал понять, что считает действия герцога Саксонского недопустимыми и преступными. Это был конец сотрудничества с ним, возобновление распрей между Штауфеном и Вельфом, прекращение политики, которой император следовал до сих пор.

Историки задавали себе вопрос, каковы могли быть истинные мотивы императора, и как всегда в поисках оригинальности, порой в ущерб здравому смыслу, обнаружили множество причин. Все же кажется, что ответ на этот вопрос довольно прост для всякого, кому известна личность Барбароссы и кто изучил его деятельность с 1152 года. Действительно, монарх не может допустить, чтобы королевской властью пренебрегали и угрожали ей; и если он намерен основывать свою немецкую политику на сотрудничестве с принцами, то для него Генрих — прежде всего и только лишь один из них. Иначе говоря, в 1152 году, поскольку Лев был гораздо могущественнее, чем все остальные, и поскольку, с другой стороны, в интересах общего мира и ради осуществления итальянской программы в тот момент следовало положить конец старым распрям двух соперничавших династий, он построил свое сотрудничество на дружбе с ним. В течение двадцати лет император относился к Генриху благосклонно. В противоположность тому, что пишут некоторые историки, он «не грыз удила» в ожидании случая для сведения счетов, так как мог бы действовать, опираясь на поддержку многих аристократов уже в 1164–1165 годах, а тем более в 1170 году. Напротив, герцог должен был дружить с ним и помогать в случае надобности. Однако, когда в Чивитавеккья император попросил у того подкрепления, то получил отказ. Беспокойство, терзавшее его

с 1171–1172 годов, теперь уступило место раздражению. Приглашение епископа из Хальберштадта на ассамблею в Шпейер предоставило ему случай вновь взять в свои руки инициативу, которую он как будто утратил в 1176 году.

Власть монархии, авторитет империи были поруганы, потому что монарх не получил того, что вправе был требовать в плане морали и правосудия. В этой связи аргументы Генриха: его предприятия на востоке, скупка имущества и прав Вельфа VI, которые, естественно, обуславливали незаинтересованность его семейства в делах на полуострове, а может быть, даже сама возможность отказать императору в поддержке — особого значения не имели. Фактом оставалось то, что он его унизил. Более того, вел себя как настоящий суверен в своих ленах, особенно в Саксонии; с каждым днем он все больше превращал свое герцогство в отдельное государство, выходящее из подчинения монарху. В 1172 году он возглавил «свой» крестовый поход в Святую землю и был принят королем Иерусалима и высшей знатью западноевропейских стран с королевскими почестями, что было нетерпимо. Наконец, в политическом отношении сотрудничать с принцем, беспрестанно вызывавшим протесты других аристократов, — не могло ли это заставить их изменить своей клятве верности и помешать настоящему сотрудничеству? Императорский авторитет, мощь и сплоченность королевства, политическая логика, даже общественная мораль требовали разрыва.

Вопрос о разрыве был решен на ассамблее в Шпейере. Но Фридрих, озабоченный тем, чтобы лучше утвердить свое право и избежать подозрений в обмане или несправедливости, решил вести дело с величайшей осторожностью и с максимальным соблюдением юридических форм. Из предосторожности — в соответствии с феодальным обычаем и

принципами германского правления — он передал вопрос принцам для принятия решения, что отнюдь не помешало ему оказывать влияние на эти решения или, по крайней мере, не скрывая своей враждебности к обвиняемому, позволить его многочисленным врагам свести с ним счеты.

Так разворачивались один за другим два процесса, насколько можно об этом судить по таинственным закоулкам германской правовой системы в верхнем эшелоне.

Первый процесс начался перед королевским трибуналом, собравшимся в качестве правомерного и компетентного для всей Германии суда по вопросам земельного права (германские обычаи, немецкое общественное право), — трибуналом под председательством монарха, в составе которого были принцы и мелкие сеньоры, и принимавшего жалобы знати на Генриха в связи с оспариваемыми им владениями. На этой первой фазе судебного разбирательства Фридрих во главе членов этого юрисдикционного органа был только королем, вершившим суд, а суд должен был заслушивать обе стороны и выносить решения по выдвигаемым ими друг против друга претензиям.

К несчастью для Льва, он, еще более неловкий и дерзкий, чем обычно, отказался предстать перед судом, так что во время ассамблеи в Вормсе (январь 1179 года) королевский трибунал постановил привлечь его к ответственности за нарушение общественного мира, так как он упорствовал в применении силы при ведении судебного расследования. Но на сей раз обвинение было намного серьезнее.

24 июня Генриха вызвали на ассамблею в Магдебурге, чтобы он держал там ответ. Он не прибыл и за эту неявку был приговорен к имперской каре, то есть объявлен врагом общества. Но его упорное неподчинение вызову в суд, упрямство, с которым он

удерживал владения (возврата их добивались некоторые из его вассалов, подавая апелляции королю – верховному сеньору), позволили начать против него второй процесс, чисто феодальный. Герцог Саксонский и Баварский был обвинен самим Фридрихом как мятежный вассал в том, что уклонялся от правосудия своего сюзерена и давно уже действовал вопреки интересам своего сеньора, – в этом преступлении его публично обвинил маркграф Лужицкий Дитрих фон Ландсберг. Этот второй процесс был передан трибуналу, собравшемуся на этот раз как феодальный суд и состоявшему из одних только равных Вельфу по рангу сеньоров, то есть принцев. Процесс проходил во время ассамблеи в Кайне и Цейце в августе 1179 года, потом в Вюрцбурге в январе 1180 года. Герцога, который опять не явился на эту последнюю ассамблею, приговорили к конфискации всех его ленов, – согласно феодальной процедуре приговор, не подлежащий обжалованию.

Таким образом, Фридрих очень ловко перевел обвинение из государственной сферы в сферу феодальных отношений, ибо лишь сеньориальный обычай мог позволить ему лишить Генриха его ленов, то есть совершенно ниспровергнуть его. Императору удалось провести эту операцию благодаря праву на своей стороне и поддержке всех остальных немецких принцев. Поэтому, когда ленные владения Льва были «комиссованы», Фридрих не колеблясь перераспределил их между принцами для сохранения с ними сотрудничества. В апреле 1180 года на торжественной ассамблее, проходившей в укрепленном дворце Гельнгаузен, объявили новые пожалования. Герцогство Саксонское было передано младшему сыну Альбрехта Медведя, графу Бернхарду Анхальтскому, взявшему, таким образом, над Львом реванш, о котором непрестанно мечтал его отец. Но, вероятно,

чтобы не сделать асканийский дом, уже владевший Бранденбургом, слишком могущественной династией, которая в один прекрасный момент может взять на себя опасную роль Льва, от Саксонии были отторгнуты западные земли, чтобы вместе с епархиями Кельнской и Падерборнской образовать новое герцогство Вестфальское, подчиненное архиепископу Кельнскому и непосредственно императору. Баварское же герцогство было пожаловано в качестве лена графу Отто фон Виттельсбаху, вернейшему среди верных, потомки которого правили в Мюнхене до 1918 года. При этом император позаботился об отторжении от герцогства Штирийской марки, ставшей герцогством, подчиненным королю, но пожалованным младшему брату Отто, а через несколько лет (1192 год) оно досталось семье герцогов Австрийских. Таким образом, Германия насчитывала десять герцогств, так как к шести существовавшим в 1152 году – Саксонии, Баварии, Каринтии, Швабии, Богемии (ставшей королевством), Верхней Лотарингии – добавлялись герцогства Австрийское, Штирийское, Вестфальское и Брабантское (образованное из Нижней Лотарингии).

На эти решения Генрих Лев наконец-то отреагировал. Впрочем, он взялся за оружие еще после ассамблеи в Вюрцбурге, подтверждая таким образом свой мятеж против императора. В июле 1180 года Фридрих повел войско в Саксонию, чтобы принудить его к повиновению, – в Баварии Вельф не получил никакой поддержки, потому что там давно уже управлял Отто фон Виттельсбах. К сожалению, большинство вассалов покинули Генриха; его тесть Генрих II Плантагенет не оказал ему никакой помощи, как и король Дании, к которому он обратился с призывом, хотя почти всегда считался его врагом. Штауфен завладел городом Брауншвейгом, затем осадил Любек, который мужественно защищался. В июле 1181 года Лев понял,

что проиграл. Укрывшись в замке Штаде, на севере Саксонии, он приказал жителями Любека сдаваться и попросил у короля прощения.

Но времена великодушия и дружбы миновали. В Гельнгаузене была намечена новая линия; император, даже если бы и захотел, не смог бы вернуться к решениям, уже принятым и приведенным в исполнение, потому что принял присяги Бернхарда Анхальтского, Филиппа Гейнсбергского и Отто фон Виттельсбаха. Когда Генрих бросился к его ногам на ассамблее в Эрфурте (ноябрь 1181 года), он сделал щедрый жест, вернув ему его аллоидальные владения в Брауншвейге-Люнебурге (сын Льва будет называться Оттоном Брауншвейгским), но потребовал, чтобы побежденный покинул Германию и провел за пределами королевства три года. Падший, поверженный, униженный, бывший герцог в июле 1182 года отбыл в Англию, где был хорошо принят своим тестем. В 1184 году он с разрешения Фридриха ненадолго вернулся в Германию, куда окончательно возвратился уже летом 1185 года.

Его поражение не обошлось без волнений на севере страны. Бернхард Анхальтский несмотря на старания не смог призвать к порядку некоторых из своих влиятельных вассалов, в частности, графа Гольштейнского. Он не сумел также припугнуть короля Дании Кнута, который отказался присягнуть королю Германии и распространил свою власть на всем балтийском побережье (в Померании), потеснив немцев. Но было бы ошибочным считать эти события неудачей для Барбароссы, потому что хотя он на какое-то время и утратил чисто теоретический контроль над Данией, зато еще больше привязал к себе герцогство Саксонское, которое нуждалось в нем и тем самым, усиливало сплоченность королевства.

Ту же самую политику он применил на востоке и юго-востоке, где постарался восстановить связи с

Польшей, никогда не обеспечивавшие ему серьезных преимуществ (кроме герцогства Силезии, отделившегося в 1163 году), или с Венгрией, ставшей очень независимой после прихода к власти короля Белы III в 1172 году; одновременно он усиливал свою власть в Богемии. В этом краю в 1173 году он отказался признать отречение старого Владислава в пользу своего сына Фридриха и отдал королевство-герцогство сыну Собеслава I (бывшего соперника Владислава). Потом, в 1171 году, когда этот король оказался не слишком сговорчивым, император передал корону Фридриху. В 1182 году он поддержал этого Фридриха против его соперника Конрада, но уладил конфликт, пожаловав Конраду Моравию, которую сделал герцогством, напрямую подчинявшимся ему (одиннадцатое). Если добавить, что немногим позже (в 1187 году) он сделал епископа Пражского принцем империи, также непосредственно подчиняющимся императору, а не Богемии, то станет ясно, насколько в результате всех постановлений этот регион оказался прочнее связан с Германией и благодаря монархической сплоченности более подчинен королевскому контролю.

Процесс над Вельфом и меры, которые были приняты в связи с ним, имели, кроме того, очень важные последствия для организации королевской власти и немецкого политического сообщества в средние века в том смысле, что он ускорил эволюцию, медленно вызревавшую с начала XII века, — эволюцию, очень хорошо описанную великим историком Генрихом Миттейсом, а позже — Х. Аппельтом, К. Йорданом и Р. Миттейсом.

Это развитие является результатом всего предпринятого ранее, особенно мер, принятых против Генриха Льва, и территориальной реорганизации, которая последовала за этими мерами и распространилась на все королевство. Развитие это осуществилось через внедрение и укрепление средне-административных единиц,

больших чем графство, но меньших чем старинное герцогство; во главе этих единиц были поставлены принцы или князья, чьи княжества больше не соответствовали традиционным земельным границам и поэтому больше не были «земельными», а тем более «этническими» княжествами. Их единственное юридическое оправдание состоит в том, что они входят в состав империи и составляют некоторую имперскую структуру. Они являются административными княжествами империи. Князья являются принцами империи (*Reichsfürsten*), титулы и функции которых передаются по наследству или в случае отсутствия наследников или конфискации (как с Генрихом Львом) в обязательном порядке жалуются другим лицам (инвестируются). Поэтому своеобразия земли и народа постепенно стираются, но не для создания новой немецкой нации в современном понимании этого слова, а для того, чтобы мало-помалу внушить населению, живущему на территориях от Эльзаса до Силезии, от Балтики до Бреннера, что оно не состоит более из швабов, саксонцев, баварцев и других народностей, а только и прежде всего из немцев.

С 1180 года эти князья были помещены за рамки контроля королевской канцелярии, которая присуждала княжеский титул лишь ограниченному числу лиц – не более сотни. Эти князья должны были иметь огромные земельные владения – по несколько графств, некоторые из которых жаловались ими своим вассалам. Так что здесь речь шла о тех, кто практически или теоретически (некоторые епископы) стоял выше графов: во-первых, герцоги, маркграфы, ландграфы; во-вторых – вся церковная знать. Кроме того, князья присягали только королю (при этом миряне могли быть связаны с духовенством) и получали свои ленные владения непосредственно от короля и только от короля. Они составляли высший

класс феодального общества, которому отныне поручались королевские выборы, тем более что в эти же годы вассальные присяги начинали выстраиваться в строгую иерархическую схему, разделяющую знать, стоявшую одной ступенькой ниже короля: сначала на три сословия (князя духовного звания, светские князья, дворяне), а затем на шесть или семь сословий в соответствии с подразделениями дворян на группы; схема формировала то, что немецкие юристы называют *Heerschild*.

Эта эволюция политического общества, порожденная одновременно медленными внутренними изменениями и решениями, последовавшими за осуждением Вельфа, привела к установлению нового строя, который был описан лет сорок спустя в труде Эйке фон Рапгау *Sachsenspiegel*, известном в истории германского права и учреждений. На первый взгляд, эта эволюция способствовала укреплению государства через более тесный союз монарха с князьями и с этой точки зрения привела к исчезновению предыдущих структур, основанных на этнических, а затем территориальных герцогствах, которые теперь заменились новыми округами, мало соответствующими прежнему административному делению. Но можно задать себе вопрос, не произошло ли усиление «германской сплоченности» в ущерб центральной власти, а следовательно — интересам монархии.

Обязательная реинвеститура конфискованных и выморочных ленов не позволяла создать обширные королевские владения, которые на протяжении столетий распространились бы на большую часть Германии. Даже если бы какая-либо династия, подобно французским Капетингам, смогла прибрать к рукам многие крупные лены благодаря брачным союзам и наследствам (Филипп Август увеличил свои владения прежде всего, путем конфискаций и захватов), она все равно

не могла быть уверенной в сохранении для себя короны и даже сама ее власть, вызывающая недоброжелательность электоров, могла бы привести к ее утрате. Кроме того, имперские князья практически мешали монарху сохранять связи со своими нижестоящими вассалами. В результате иерархизации присяжной системы — а следовательно, знати — принцы присваивали себе контроль над множеством прямых вассалов короля, то есть тех, кто проживал на принадлежащих землях и, стоя на иерархической лестнице ниже их, должен был подчиняться им, а не непосредственно королю, который принадлежал к высшему эшелону, а значит, был отделен от них рядом промежуточных ступеней. Таким образом, князья распространяли свою власть на графства, до сего времени подчинявшиеся непосредственно монарху, и на королевских должностных лиц, чиновников, некогда рассаженных сувереном по всем областям Германии, но теперь легко подпадавших под их пяту, так как функции их стали ленными. В то же время королевский суд превращался в исключительно феодальное учреждение, и сфера деятельности королевской канцелярии в нем все больше сокращалась. Идея общественной власти короля превращалась в дым. Король сохранял свой авторитет, собственные заслуги и свойства, определенные прерогативы, свое место на самой вершине общественной пирамиды. Но все это в действительности соответствовало феодализации всей политической организации и укреплению феодальной монархии.

Процесс над Генрихом Львом, позволяющий заметить эту эволюцию и ускоривший ее темпы, может быть представлен как ошибка Барбароссы, побудительные причины которого, если не считать их просто результатом недостатка ума и неловкости, на первый взгляд непонятны. Но по размышлению и с учетом того, что интерпретация событий возможна

только при условии, что историк способен понять менталитет интересующей его эпохи, становится ясным, что Штауфен не был ни глупцом, ни неловким правителем.

Во-первых, действительно, он не увидел никакого противоречия между этим процессом и методами правления, которые он непрестанно насаждал в Германии, а именно — сотрудничеством с принцами, в частности, с самым влиятельным из них; скорее даже наоборот. Во-вторых, еще теснее и непосредственнее связывая себя с этим высшим классом аристократии, привлекая к себе среди прочих и церковную знать (архиепископов и епископов), право на чье выдвижение он сохранял, Фридрих отреагировал этими действиями на попытку ослабления королевской власти, каковой была в этой области борьба за инвеституру, и, воспользовавшись обновленными приемами, восстановил систему Оттона Великого. В-третьих, являясь человеком своего времени, несмотря на талант, вознесший его над большинством современников, он не заметил разрыва между желанием максимально усилить королевскую власть и *honor regni* с одной стороны и феодализацией общественных функций и ускоряющейся в регионах властью. Он переживал, чувствовал, воспринимал вещи как феодал и не мог вообразить себе другого строя кроме феодального. Он упорно и решительно продолжил дело упрочения своей власти, но в рамках строя, основанного на вассальной зависимости. Так как Фридрих не располагал теми же средствами воздействия, какие были у Капетингов (хотя, как мы уже заметили, вынашивал с 1168 года идею об установлении наследственной королевской власти), он упрочил связи между крупнейшей знатью и собою, убежденный в том, что знать поймет: оставаться сплоченной и верной — в ее интересах. Непосредственно к нему и только к нему обращенные

присяги аристократии на верность были для него средством укрепления государства, а обязательное перераспределение свободных ленов позволяло ему поощрять своих лучших помощников и самых преданных вассалов. Таким образом, он оставался авторитетным государем и если с этого момента и был лишь феодальным монархом, то благодаря своей эффективной деятельности во многих случаях являлся и верховным арбитром, а к тому же лидером, который может создать и возглавить собственную партию.

Впрочем, в эти же годы он старался упрочить свою власть и другими способами. Он скупил в пожизненную собственность огромные территории, которыми граф Вельф VI владел в Швабии (1179 год), и приобрел графства Зальцбах и Пфуллендорф, что позволило ему наделить земельными владениями своих сыновей. Он дал Любеку статус вольного города, подчиняющегося лишь одному императору. Развил свою деятельность во Франконии, где у него были довольно большие владения, для наведения там порядка (февральское уложение 1179 года). Он оставил за собой земли и различное имущество в Саксонии, Тюрингии, Лужицкой области и до самого Одера с целью создать на этих землях семейные владения и лучше наблюдать за северными регионами королевства. Вместе с ассамблеей принцев Фридрих принял ряд законов, связанных с возведением замков (март 1184 года).

Более чем когда-либо он усилил контроль за духовенством, которое хотел держать в руках, напомнил, что избранный епископ не может располагать имуществом епархии, пока не будет инвестирован, и уточнил права епископов как судебных поверенных. Он позаботился о том, чтобы полностью реализовать свои королевские прерогативы на вакантные епископские кресла, осуществляя руководство (регалии) и налагая арест на движимое имущество скончавшихся прелатов.

Более всего прочего император следил за выдвижениями и выборами. В Зальцбурге архиепископ Адальберт, прелат-александровец, никогда не бывший инвестированным по форме *regalia* и смещений в 1174 году по королевскому распоряжению, 9 августа 1177 года был лишен сана по церковному приговору за симонию; в соответствии с Венецианским соглашением его тут же заменили Конрадом фон Виттельсбахом, тоже александровцем. В том же году лояльно настроенные прелаты были назначены управлять епископскими церквями в Бамберге и Ратисбонне, а Ульрих, как мы знаем, вернулся на свое кресло в Хальберштадт. В 1178 году подобное произошло в Бриксене, Падерборне и Шпейере, в 1179 году в Бремене-Гамбурге (перевод епископа из Бранденбурга), в 1180 году в Бранденбурге, в 1181 году в Хальберштадте, в 1182 году в Констанце и Эйхштетте и, наконец, в 1183 году в Майнце, куда был назначен Конрад фон Виттельсбах, вновь получивший прежнее архиепископство, а вместо него в Зальцбурге появился новый Адальберт. Все эти выдвижения дали Фридриху возможность не издавать декретов о жестоких мерах против многих «раскольных» священников, которых он и не собирался наказывать, так как они были ему полностью верны, а договориться по их поводу с папством.

Действительно, между святым престолом и империей оставалось много нерешенных проблем. Они стали предметом более или менее продолжительных тайных переговоров после двухлетнего перерыва, наступившего вслед за подписанием Венецианского мирного договора, который церковь использовала для подготовки и созыва третьего вселенского собора в Латеране (февраль-март 1179 года). На нем присутствовало девятнадцать немецких архиепископов и епископов; несколько германских прелатов не самого

низкого ранга не смогли участвовать в соборе из-за процесса над Генрихом Львом, который удерживал их в королевстве. Среди главных вопросов, рядом с обсуждением положения бывших раскольников, один из самых трудных касался спорных земель в Центральной Италии (владений Матильды), и его решению император придавал особое значение. Поэтому неудивительно, что с 1180 года итальянские дела вновь выходят в его мыслях на первый план.

С Сицилией он довольствуется поддержанием вежливых отношений. В Центральной Италии его агенты твердо удерживают власть и следят за порядком в стране, не позволяя городам достичь полной самостоятельности, даже если не всегда удается помешать им в борьбе против графов и епископов. В Церковной области Христиан Майнцкий продолжает помогать Александру III. Но тот несмотря на все свои усилия не может удержаться в Риме и должен покинуть его в июне 1179 года. Немецкий архиепископ поддерживает его против помещиков Салины и соседних областей, во главе которых стоит Конрад Монферра, не принявший мира 1177 года; он даже попадает в засаду и оказывается в плену. Вся область Святого Петра охвачена недовольством; мятежники осмеливаются дать антипапе Каликсту III преемника и, неизвестно каким образом, назначают или избирают кого-то из своей среды. Он принимает имя Иннокентия III, — которое, к счастью, должен будет прославить другой человек. Этот «папа», однако, соглашается на свое «избрание» только для того, чтобы обратить его в монету; он тотчас же связывается с папой, который, очевидно, выплатив его семейству компенсацию, добивается его ухода в монастырь. Тем не менее, Александру III не хватает средств для продолжения борьбы с беспорядками и 30 августа 1181 года он умирает в Чивита-Кастеллана, совершенно разочарованный в

своих подданных, в частности, в римлянах. Они дошли до того, что осквернили его прах, когда его привезли в Вечный город.

На следующий день после кончины Александра III кардиналы избирают его преемником бывшего главы их делегации на переговорах в Ананьи и в Венеции, Хубальда, ставшего Луцием III. Человек опытный, очень пожилой и по этой причине, а также по природному темпераменту склонный к примирению, но вовсе не готовый уступать в том, что ему кажется существенно важным для церкви, новый папа быстро соглашается обсудить с представителями императора вопрос о владениях Матильды, а также о раскольных священниках, положение которых практически не урегулировано, по крайней мере на полуострове, и которых Латеранский вселенский собор осудил всех разом.

Весьма трудные переговоры начинаются в мае 1182 года при посредничестве архиепископа Конрада фон Виттельсбаха. В то же время глава церкви договаривается с римлянами и в ноябре 1181 года возвращается в Рим; но в марте 1182 года он вынужден опять оттуда выехать. Вскоре Сенат решает начать войну против Тускулума, который восстанавливает свои укрепления. Армия Вечного города побивает тускуланцев. Христиан Майнцкий, освобожденный из плена и поселившийся в герцогстве Сполето, примчавшись им на помощь, побеждает римлян и вновь отстраивает стены маленького городка. Но вскоре он умирает от злокачественной лихорадки (25 августа 1183 года). Луций III, оказавшийся в изоляции, тщетно пытается восстановить порядок и мир, но это ему не удается. Он обращается к Фридриху, с которым постоянно сохранял контакты, и предлагает ему встречу. Император извещает его о своей готовности прибыть либо в Мантую, либо в Брешиа, либо в Верону. Выбор

падает на последнюю. Весной 1184 года папа отправляется в путь и прибывает туда 22 июля.

Штауфен согласился тогда на переговоры, потому что сумел к тому времени упрочить свое положение в Северной Италии, и эта задача была облегчена, между прочим, параличом власти святого престола, погрязшего в римских и тускуланских делах и неспособного поддерживать тесные связи с ломбардскими городами. Трудности папства действительно убедили императора в 1182 году в том, что если он добьется согласия с лигой, то сможет, укрепив свою власть в Пьемонте и Центральной Италии, опять взяться за большую итальянскую политику и заставить римскую церковь признать себя. Впрочем, было бы весьма кстати возобновить союз, так как, во-первых, срок перемирия, заключенного в Венеции, подходил к концу летом 1183 года, а во-вторых, внутри самой лиги, из которой вышел Комо (не считая Венеции, у которой всегда был особый статус), союз стал непрочным и в нем росло влияние умеренных элементов, близких к гибеллинам. Таким образом, к концу 1182 года были установлены первые контакты, и Фридрих не скрывал своего намерения заключить настоящее мирное соглашение, которое пришло бы на смену решениям Ронкальи. Ломбардцы знали, что император не согласится оказаться с ними на равных и захочет, чтобы переговоры завершились составлением документа, исходящего от одной лишь его власти как милостивой привилегии и чтобы самым важным вопросом в нем была Александрия. 4 февраля Штауфен сделал жест, показавший его истинные намерения в этих вопросах: он восстановил мир с Тортоной, покинувшей лигу до 1177 года, но так и не помирившейся ни с ним, ни с Павией. Заключенное соглашение уточняло, что император будет оказывать этому городу покровительство; вместе с тем,

в нем значительно урезались права владельцев замков и отменялись привилегии, пожалованные другим населенным пунктам (Серавалле) за счет Тортоны. Взамен он требовал, чтобы Тортона закрыла свои ворота для жителей Алессандрии. Все это демонстрировало, что проблема данной коммуны является предварительным условием любого соглашения. Но ломбардцам трудно было согласиться с тем, что этот город — символ их союза — должен исчезнуть; это была очень тяжелая уступка и серьезный удар по их чести, даже больше, чем по их солидарности. Но, так как и с той, и с другой стороны превалировало желание заключить мир, они довольно быстро пришли к соглашению в ходе переговоров, состоявшихся в Пьяченце. В начале марта жители покинули город Алессандрию, затем, после того как императорские солдаты совершили символическое разрушение, они вернулись во главе с представителем императора, который объявил, что на месте прежнего города и окружающих его деревень Маренго, Гамандо, Овильо, Форо, Бергольо, Солерио, Кварньенто и Роверето теперь будет новый город Чезареа. 14 марта уложение, скрепленное подписями и печатями в Нюрнберге, сделало это основание официальным, уточнив, что Фридрих инвестирует избранных консулов и оставит за собой сбор пошлин за проезд через мост.

С этого момента, когда спорный вопрос был улажен, переговоры начали быстро продвигаться вперед. Штауфена представляла делегация во главе с епископом города Асти, ломбардцы были представлены консулами и делегациями от городов, среди которых знаменательным было отсутствие Жерарда Песта. Города были, за исключением Венеции, Комо и Алессандрии, те же, что заключили перемирие в 1177 году (Тревизо, Падуя, Виченца, Верона, Брешиа, Феррара, Мантуя, Бергамо, Лоди, Милан, Новара, Верчелли,

Пьяченца, Боббио, Парма, Реджо, Модена, Болонья), к которым присоединились Имола и Фаэнца. 30 апреля было достигнуто полное соглашение, в соблюдении которого поклялись полномочные представители обеих сторон, кроме доверенных лиц Феррары, Имолы и Фаэнцы. Предусматривалось, что мир будет подтвержден до 1 сентября императорским эдиктом и торжественной клятвой, а три города, не принесшие клятву на прелиминариях в Пьяченце, будут допущены это сделать, а также города Фельтре и Беллуно. 25 июня Фридрих лично ратифицировал соглашение на ассамблее в Констанце, где присутствовали делегаты городов и папские легаты. Новый Констанцкий договор последовательно, статья за статьей, повторял положения документа, составленного в Пьяченце.

Имперский суверенитет над городами был ясно выражен в том, что право пожалования регалий признавалось за императором, от него одного исходило письменное уложение, регламентирующее коммунальные структуры. В тексте не давалось в этой связи четких уточнений, но отмечалось, что монарх жалует городам определенные *regalia*, сам сохраняя при этом остальные, а это означало, что ему принадлежат все *regalia* вообще. Что же до тех, которые не жаловались, то предусматривалось, что перечень их будет составлен комиссиями, создаваемыми в каждом городе в составе епископа и независимых экспертов:

«Мы желаем оповестить о тех regalia, которые не будут вам пожалованы. Пусть местный епископ и люди из данного города или епархии выбираются из числа тех, которые имеют хорошую репутацию и считаются пригодными для этой функции, и кои известны тем, что не питают особенной ненависти к городу или к нашему величеству, и пусть люди эти (с епископом) поклянутся, что добросовестно и без уверток изыщут то, что

принадлежит только нашему превосходительству».

В случае, если это изыскание окажется трудным, предусматривалось, что монарх может передать городу все *regalia*, получив за это компенсацию в 2000 лир, которая может быть снижена по справедливости.

Государь будет инвестировать консулов, если местный епископ не получит от императора привилегию инвеституры от его имени. Если же такая передача функций не имеет места, консулы получают инвеституру раз в пять лет от самого императора или его представителей в Ломбардии. Прежде чем они будут вновь утверждены в своем звании и полномочиях, они принесут клятву верности монарху, и все мужчины в возрасте от пятнадцати до семидесяти лет также, тогда как вассалы должны будут приносить присягу регулярно. Наконец, консулы будут разбирать в суде дела, максимальный штраф за которые по приговору составит 25 лир; все остальные дела останутся в правовой компетенции императора. Она явится апелляционной судебной инстанцией для дел, решения по которым станут выносить консулы; при этом все суды высшей инстанции будут заседать в Италии и ни в коем случае не в Германии.

Эти различные положения вполне соответствовали авторитету и интересам Штауфена, за которым также признавалось право реквизиции и различные иные полномочия на периоды его пребывания в Италии (но при этом он обязался не оставаться подолгу в одном и том же городе). Фридрих получил обещание городов сотрудничать с ним, чтобы «хранить и возвращать имущество и прерогативы», которыми он владел в Ломбардии, и обязывать к соблюдению мира любую коммуну, которая его нарушит.

Но было бы неверным считать Констанцкий акт благоприятствующим только императору. Ломбардские города, помимо легитимности их консульского

управления, приобретали также ряд ценных преимуществ, в первую очередь право на крепостные сооружения и на сохранение лиги:

«Городам позволяется укрепляться и возводить укрепления за своими пределами.

Пусть договоры, ранее заключенные между городами Лиги, останутся в силе».

Но самое важное – вопрос о *regalia* был предоставлен в очень умело поставленной форме, могущей удовлетворить обе стороны. В этой связи первая статья договора заслужила того, чтобы привести ее полностью:

«Мы, Фридрих, и сын наш Генрих, король Римлян, жалуем навечно вам, городам, крепостям и людям Лиги особые права и обычаи, являющиеся вашими, как внутри городов, так и вне их с тем, чтобы в каждом городе вы имели бы их, как имели до сих пор и как сейчас имеете, с тем чтобы могли соблюдаться ваши обычаи, как соблюдали их с древности и как сейчас соблюдаете в том, что касается права реквизиции, лесов, лугов, мостов, рек и мельниц, как вы имели обыкновение это делать с древности и как вы это делаете, и в том, что касается армии, городских укреплений, уголовной и имущественной юрисдикции в городах и за их пределами, и во всем, что касается пользы для этих городов».

Так, отвечая на косвенное утверждение императорского суверенитета, жалующего права и прерогативы, – утверждение, которое отвергает теоретическую принадлежность *regalia* городам на основе «естественного права», – текст соглашения в скрытой форме допускает, что эти права – перечень которых неточен и неясен – всегда («с древности») осуществлялись коммунами, что они фактически принадлежат им («они являются вашими») и что, к тому же, они даются навсегда («навечно»). Всевластие императора соглашается на свое ограничение тем, что

признает обычаи, а соблюдение обычаев создает право. Соглашаясь на такой компромисс, Фридрих дал понять, что он наконец полностью уяснил себе итальянские реалии и признает «городской фактор» как составляющую политического общества.

Значит ли это, как утверждают некоторые историки, что этот договор является отступлением Штауфена от своих амбиций на полуострове и что это провал? В действительности все представляется совершенно иначе. Для Штауфена речь не идет ни о победе, ни о поражении; то же самое — для лиги. Стороны просто и довольно легко пришли к такой редакции документа, которая позволила им сохранить достоинство. Соглашение более благоприятное для императора, чем предложения, которые некогда делала Кремона на переговорах в Монтебелло, но в нем чувствуется приглушенный гибеллинизм, который приемлем для умеренных гвельфов. Следовательно, оно способно сохранять в Северной Италии мир, а это самое главное.

К тому же, благодаря сохраненной монархом возможности жаловать или нет *regalia*, которыми города не пользуются напрямую и за которые он требует компенсацию, размер ее может обсуждаться благодаря свободе, с которой он передает епископам консульскую инвеституру. То есть, не вмешиваясь в эту процедуру лично, благодаря тому, как он может использовать право реквизиции и другие прерогативы, когда пребывает в каком-либо городе, он имеет в своем распоряжении довольно много способов для маневрирования. Он может по собственному усмотрению поощрять один город и притеснять другой, при том что ни один из городов не может отказаться от «соблюдения мира». Таким образом, как и в Германии с принцами, Штауфен становится арбитром, государем, обзаводящимся подданными, которым оказывает протекцию, и, следовательно, все более и более лидером,

который в 1183 году старается собрать вокруг себя как можно больше сторонников, исключая только экстремистов-гвельфов и максимально используя соперничество коммун друг с другом.

С этого момента, восстановив порядок в Германии и мир в Италии, он может возобновить авторитарную акцию. Чего ему не хватает, так это владения некоторыми территориями (владения Матильды) и контроля над Церковной областью. Но теперь у него на руках все козыри, необходимые для достижения этих целей. Новая политика, опирающаяся на прочные основы, может быть продолжена со святым престолом, который, впрочем, выступает в качестве истца.

Он не спешит. В Констанце довольствуется тем, что делает папским легатам предложения по урегулированию текущих вопросов. Затем остается в Германии, где в мае 1184 года он председательствует в Майнце на самой пышной и триумфальной за все время своего правления ассамблее, там происходит посвящение в рыцари его сыновей Фридриха и Генриха. В этот момент он переживает самый счастливый миг своего пребывания у власти.

ГЛАВА XII

Успех (1184 – 1188)

Посвятив в рыцари своего сына Генриха VI, короля Германии и короля римлян с 1168 года и объявив публично о намерении в ближайшее время встретиться с папой Луцием III, Фридрих Барбаросса открыл свои планы ассамблее в Майнце. Во-первых, он захотел завершить в Германии многолетнее дело, начатое еще в начале его правления, а после падения Генриха Льва проводимое по новому плану: объединить принцев вокруг трона внутри страны с помощью самого феодального строя и действующих внутри него законов, а поскольку для выполнения этой задачи необходимо было сделать монархию наследственной, то следовало короновать Генриха VI, короля римлян, императором. Во-вторых, Фридрих намеревался возобновить управление и контроль над всем Итальянским королевством сообразно с политикой, определенной договором в Констанце. Для достижения той и другой целей необходимы были переговоры с папой. Ведь императорскую корону может вручать только папа; вторжение же на полуостров было связано с урегулированием территориальных проблем, возникших между церковью и Италией, а решения их можно было достичь либо через соглашение, либо через дипломатическую изоляцию святого престола.

В свою очередь святой престол стремился к переговорам, чтобы заручиться помощью Штауфена для восстановления своей власти в Риме. Поэтому первые

приглашения на переговоры поступили от него, и в конце концов были услышаны после заключения мирного договора в Констанце. Но по прибытии в Верону для встречи с Фридрихом Луциу III пришлось ждать его несколько недель, потому что монарх продолжал свою деятельность и обсуждения, крайне важные для реализации его программ.

По его приказу агенты развернули деятельность по обеспечению ему эффективного контроля над альпийскими перевалами и дорогами, ведущими с высокогорных плато в равнину По. Сам Фридрих с 1178 года принял необходимые подобные же меры в Пьемонте, а его представители и доверенные лица дополняли и распространяли их на области поблизости от озер Комо Гарда. Вновь взимались дорожные пошлины, укреплялись замки, расставлялись маленькие гарнизоны, жаловались сеньории и поместья (самой знаменательной из этих инвеститур стало пожалование в октябре 1184 года Опизо д'Эсте земель и прерогатив, которыми Генрих Лев владел неподалеку от Милана и в Лигурии).

Эта политика, включающая одновременно восстановление наследственных поместий и ленных владений, после соглашения в Констанце сопровождалась тайными переговорами с Миланом. Фридрих понял, что этот город является самой влиятельной среди ломбардских коммун и единственной из них, достаточно богатой и динамичной для того, чтобы иметь широкие взгляды в дипломатии и возбуждать дружеское расположение либо протесты. Он также знал, что Милан надежнее, чем какой-либо другой город, защищает доступ к главным альпийским дорогам. Поэтому с ним лучше договориться, чем иметь своим противником. Таким образом, новые методы вели к полному перевороту в его союзных связях в Северной Италии.

На юге полуострова императору также пришлось полностью пересмотреть свою тактику. Уже в 1173

году он попытался сблизиться с королевским двором в Палермо, обеспокоенным амбициями Мануила Комнина в центральном Средиземноморье. Попытка не удалась из-за раскола и приверженности Сицилии Александру III. Тем не менее эта обеспокоенность нормандской монархии облегчила заключение перемирия в Венеции, а с 1177 года отношения между королевскими дворами были добросердечными.

Видимо, в связи с обсуждениями в Констанце контакты их стали более тесными, хотя мы ничего об этих отношениях не знаем. Во всяком случае, они привели к общему соглашению без детальных уточнений, без составления мирного договора, так как фактически между обоими правительствами не было разногласий. Просто в ходе переговоров Фридрих признал легитимность нормандской династии и предложил ей свою моральную поддержку против византийских амбиций. Но, по тогдашнему обыкновению, чтобы публично продемонстрировать новое согласие, было решено, что сын императора Генрих VI, король римлян, женится на тетке юного короля Вильгельма II Констанции, дочери Роджера II. Помолвка была официально объявлена 29 октября в Аугсбурге. Для Штауфена это стало явным успехом и возможностью для его сына в дальнейшем осуществлять более действенный контроль над Южной Италией. Однако сицилийский брак еще не обеспечивал наследования трона. Историки неоднократно слишком легко приписывали Фридриху этот гениальный ход, потому что позже Генрих VI стал королем Сицилии. Но в 1184 году Вильгельм II был молодым человеком, всего лишь три года назад женившимся на очень юной женщине, и ничто не предвещало того, что их союз останется бездетным. Зато помолвка тетки, ближайшей его родственницы, ввиду того, что детей у него не было, изолировала папскую власть в дипломатическом отношении. И все же представляется

невероятным, чтобы все это было обговорено и решено без ведома Луция, потому что секрет такого порядка не мог быть полным, его должны были доверить, по крайней мере, архиепископу Палермо, который не мог не известить об этом папу. Кроме того, папа являлся сюзереном королевства: юридически трудно было заключить брак без его разрешения, так как невеста в тот момент была наследницей трона.

И все же очевидно, что папа, поставленный в известность, должен был попытаться помешать этому союзу. Если явно он этого не сделал, то лишь потому, что Фридрих очень ловко использовал некоторые аргументы. Он сумел сыграть на антивизантийских настроениях главы римской церкви, который глубоко переживал события в святой земле. Он сожалел об антиевропейских происках жителей Востока (в 1182 году во время анархии, наступившей после смерти Мануила Комнина в 1180 году, европейцы стали жертвами кровавой бойни), и, по примеру высшего духовенства или знати Иерусалимского королевства, считал василевса ответственным за успехи ислама. Он предстал как принц, обеспокоенный ситуацией в святых местах и готовый повсеместно подчеркивать несостоятельность греков, обуздывая одновременно их выступления против королевского двора в Палермо. В это же время он беспрестанно заявлял, что более чем когда-либо полон решимости помогать святому престолу, что и доказал, сославшись на встречу с Луцием III.

Тем не менее папе пришлось поразмыслить над различными аспектами взаимоотношений между духовенством и империей, пока он целое лето поджидал Барбароссу в Вероне. Примиренец по натуре, но очень прозорливый, сознающий опасности имперской политики, но понимающий, что не может позволить себе роскошь вступить в конфликт с Германией, он

избрал тактику сдержанного поведения. Однако переговоры, прошедшие в Вероне в октябре 1184 года, когда Штауфен наконец прибыл туда в начале месяца, могли бы и не провалиться, не возникни два других фактора, с которым пришлось считаться.

Первый фактор касался архиепископского кресла в Трире и позиция некоторых немецких епископов. Дело в том, что 25 мая 1183 года архиепископ Арнольд умер. Несколькими днями позже каноники не смогли прийти к соглашению, так как меньшинство выступало за архидиакона Фольмара, а большинство — за судью капитула Рудольфа фон Вида. Этот последний и его сторонники информировали об этом императорский двор. Фридрих потребовал возобновления выборов в своем присутствии, согласно положениям Вормского конкордата, и когда победил Рудольф, он тут же пожаловал ему инвеституру. Действуя таким образом, он не нарушал установленных правил и даже из осторожности, будучи уверен в конечном результате, отказался от применения уложения, одобренного немецкими принцами незадолго до того. Оно предусматривало, что при спорном исходе голосования император назначит епископа самолично.

К несчастью, Фольмар апеллировал к папе, который сослался на решения, подтвержденные собором в Латеране, и согласно коим споры и разногласия по поводу епископских выдвижений разрешались папой. Это дело, впрочем, могло бы и не вызвать серьезных затруднений, если бы не было представлено Луцию III некоторыми германскими прелатами в очень мрачных тонах. Конрад фон Виттельсбах, жертва Венецианского компромисса, хоть и получил назад свое кресло в Майнце в октябре 1183 года, не переставал предупреждать курию об опасности. Другие епископы, обеспокоенные политикой Штауфена в вопросах регалий и наследств, поступали точно так же.

Все эти люди давали понять, что Фридрих мечтает полностью прибрать к рукам немецкий епископат и отказать святому престолу в праве вмешательства в дела германской церкви.

Второй фактор, вынуждавший папу к большей сдержанности, явился результатом действий епископов и клириков-александровцев, раздувавших то, что было сказано в связи с конфликтом в Трире. Итальянцы, в частности, делились опасениями, что император, помирившись с ломбардцами, помешает изгнанию раскольников и оставит в своем владении церковное имущество. Они находили поддержку в курии, где многие кардиналы считали, что нельзя заключать никакого соглашения с империей, если она не вернет владения римской церкви в Центральной Италии, без чего — доказательством тому служит конфликт с Александром III — церковь никогда не получит настоящей свободы действий. Политика возвращения всех владений, когда-либо и в какой бы то ни было форме принадлежавших святому престолу, смело зародившаяся вместе с требованиями Адриана IV в 1159 году, с этого момента стала разрабатываться всерьез. В дальнейшем она должна будет развернуться и уточниться в программе Иннокентия III.

Все это объясняет провал переговоров в Вероне. Задолго до своего прибытия Фридрих передал Луцию III проект урегулирования проблемы спорных территорий. Он предлагал, чтобы либо папство передало империи владение всеми этими землями — впрочем, не уточняя, что он имеет в виду, — получив за это компенсацию в размере одной десятой от императорских доходов на полуострове ежегодно и одной девятой от этих же доходов в виде выплаты коллегии кардиналов; либо признание римской церковью того, что никогда не оспаривалось, а в отношении всего остального решение вынесет следственно-арбитражная

комиссия, с тем что в дальнейшем можно будет внести кое-какие изменения. Прибыв в Верону, император предложил тот же выбор. В то же время он попросил папу короновать императором Генриха VI и потребовал достойного и почетного решения в пользу раскольных священников, а также утверждения Рудольфа в Трире. При этом ни словом не обмолвился о поддержке, которую мог оказать святому престолу в Риме.

Луций III лаконично, но с неожиданной смелостью отказался короновать Генриха VI, заявив, что публичное право исключает наличие двух императоров одновременно. Сначала он согласился вынести отдельные решения по каждому из раскольных священников при условии, что индивидуальные прошения будут направлены ему в письменной форме. Затем, сославшись на один из канонов, принятых ассамблеей в Латеране, отменявший все назначения раскольников, папа заявил, что решение может быть принято только церковным собором, который он намеревался созвать в Лионе. Что же до избрания прелата в Трире, то он потребовал настоящего расследования, а сам в это время уводил переговоры в сторону спорных территорий до тех пор, пока они не зашли в тупик.

Тем не менее Веронская ассамблея занимает во всеобщей истории важное место из-за того, что, помимо провозглашенного обеими сторонами намерения активно заниматься организацией Крестового похода, к которому уже призывал Александр III в 1179 году, обе власти по обоюдному согласию провозгласили эдикты против еретиков-катаров, вальденских братьев и прочих, уже по меньшей мере лет двадцать беспокоивших церковь и светскую власть. Имперское уложение до нас не дошло, но его содержание, безусловно, аналогично содержанию декрета-лии *Ad abolendam*, воспроизводящей текст папского

решения. На основании этих документов установилось тесное сотрудничество между церковными властями, которым поручено было констатировать преступление, и светской юрисдикцией, в руки которой передано было осуществление наказания.

Это сотрудничество свидетельствовало о том, как заботился Фридрих о защите религии. Оно говорит, помимо прочих аргументов, о его желании быть добрым христианином: принц, которому поручено через борьбу с ересями, осуждение которых входит в компетенцию церкви, помогать людям спасти свои души. Но, спустившись с духовных сфер на политическую арену, вернувшись в мирскую область, которую считает своей и где требует для себя непрерываемого авторитета и нерушимой власти, он не допускает ни малейших возражений и не намерен поступаться ни своими прерогативами, ни собственными интересами.

Устав от римских происков и интриг, которые, как он чувствовал, плели за его спиной деятели церкви и курии в Италии и Германии, он решил покинуть Верону (начало ноября).

Меньше чем через две недели 14 ноября умерла императрица Беатрис. Он устранился от дел на несколько дней, потом опять вернулся к ним все с той же систематичностью, что и прежде, более чем когда-либо настроенный добиться в них успеха, изолировав святой престол.

В Германии этот новый рывок в политике осуществился при сотрудничестве Генриха VI, который принял жесткие меры в Трире, Кобленце и Кельне против сторонников Фольмара. В Италии Фридрих действовал сам. Он постановил, что оставит за собой земли Матильды, не заявляя, что является их владельцем, но следил за тем, чтобы доходы от этих земель поступали ему. Особенно же он стал торопить

переговоры с Миланом. В начале февраля для большей уверенности в успехе он публично произнес страстную обвинительную речь против Кремоны, которая до сих пор была счастливой соперницей Милана и которую он теперь неожиданно и грубо предал. Он объявил ее виновной в разрушении Кремы, напомнил, что это по ее наущению и с ее помощью в 1162 году Милан был разрушен до основания, обвинил ее в подстрекательстве к восстанию в 1167 году, в отделении Лоди и Пармы от немецкой партии и узурпации императорских владений и прав. Насмерть перепуганные кременцы были вынуждены умолять о прощении, которое получили ценой огромной компенсации. Обрадованные кременцы согласились вступить в альянс со Штауфеном. 11 февраля актом, подписанным в Реджо, они обязались помогать ему против всех его врагов, оказывать поддержку для сохранения им своих прерогатив в Ломбардии, Марке и Романье, а «*в частности, на землях графини Матильды*». Барбаросса, в свою очередь, согласно положениям Констанцкого договора пожаловал им или оставил множество *regalia* в обмен на арендную плату в 300 лир; он заявил о том, что сохранит нейтральную позицию в случае возникновения конфликта между Миланом и Павией и обещал заново отстроить Крему. Здесь политика гибеллинов достигла явного успеха.

На тосканском и центральноитальянском фронте все обстояло так же, но средства были другими. Находясь в этих областях в течение последних шести месяцев 1185 года, император вмешивался в раздоры между коммунарами и земельной и церковной знатью. Он систематически принимал сторону сеньоров и епископов и заставлял города Флоренцию, Сиену, Лукку признать за ним и вернуть ему суверенные права, которые он неумолимо осуществлял через своих агентов.

Большинство из них было рассажено во владениях Матильды, во многих случаях отбравшихся у городов, которые заняли их незаконно.

Итак, Милан стал его союзником, а вместе с ним, за ним, через него многие ломбардские города перешли в германский лагерь, остальные же — кроме Кремоны — не были ни под гнетом, ни под угрозой. Тоскана, Романья и Марке как всегда полностью находились в его руках. Палермский двор поддерживал с Фридрихом очень дружественные отношения благодаря браку Генриха VI. Папство, все еще сидящее в Вероне и продолжающее бесконечные разговоры с представителями императора, было изолировано. Так обстояли дела, когда 25 ноября 1185 года умер Луций III.

При его преемнике положение изменилось, примиренческие настроения, усталость и осторожность внезапно уступили место твердости и решительности.

В день похорон Луция III кардиналы, желая показать свое неодобрение императорских замыслов, почти единогласно избрали одного из самых непримиримых противников Штауфена, архиепископа из Милана Умберто Кривелли, принадлежавшего к семейству, ужасно пострадавшему при разрушении города в 1162 году. Архиепископ был в январе 1185 года поставлен во главе метрополии гвельфскими челнами духовенства, чтобы постараться помешать сближению между коммуной и империей. Кардинал Умберто выбрал себе имя Урбана III. Он решил сохранить за собой главенство в Миланской метрополии, куда делегировал викария, дабы вернее держать под контролем ломбардский епископат, и не скрывал своего намерения всеми способами оказывать Фридриху сопротивление и при каждом удобном случае наносить ему удары. Поэтому, едва взойдя на трон Св. Петра, он открыто выступил в защиту Фольмара и, вопреки желанию большинства электоров, признал его законным архиепископом Трира.

Твердая позиция, энергия и упорство нового папы привели к тому, что побудили курию к энергичным действиям. Вместе с тем очень скоро его решения и поведение отвратили от него симпатии, которые многие немецкие прелаты питали к его предшественнику. Его упрекали в чрезмерной резкости и вспыльчивости, в принятии мер, могущих в конце концов ущемить интересы епископов, и в отказе императору в прерогативах, которые всегда за ним признавались, не учитывая того, насколько бесполезен возврат к открытой борьбе. Похоже, что так стал думать и Конрад фон Виттельсбах, переставший быть главным противником Барбароссы среди германского духовенства.

Узнав об этом избрании и о позиции папы в отношении Фольмара, Штауфен по своему обыкновению без колебаний взял на себя инициативу, убежденный, что на сей раз у него в руках все козыри и даже право в некоторых вопросах находится на его стороне. Из Тосканы он прибыл в Ломбардию. 27 января 1186 года торжественно отпраздновал в Милане брак Генриха VI с Констанцией Сицилийской к большой радости жителей и руководства коммуны, крайне польщенных оказанной им честью. Чтобы не обращаться с просьбой к архиепископу города, а именно — к папе, — он попросил патриарха Аквилеи сочетать браком супругов и в то же время официально пожаловать его сыну королевскую корону Италии. Это был прямой удар по авторитету Урбана III, у которого не спросили ни мнения, ни совета.

Глава церкви отреагировал жестоко. Он тут же попросил Кремону возглавить на полуострове движение против Фридриха I. Папа связался с немецкими епископами, которые когда-то жаловались на слишком давящую власть монарха в вопросах регалий и имущества умерших священников, и стал подстрекать их к сопротивлению. Его призыв встретил благоприятный

отклик не только Фольмара, но также Филиппа Гейнсбергского, архиепископа из Кельна, которому пожалование в 1180 году герцогства Вестфальского немного вскружило голову; имея собственные амбиции в Северной Германии, он плохо переносил императорские вмешательства. 17 мая 1186 года папа сделал решающий жест, который его противник расценил как объявление войны: он лично ввел Фольмара в сан архиепископа Трира, что противоречило германскому обычаю и Вормсскому конкордату, но — с некоторыми оговорками — соответствовало решениям недавнего церковного собора в Латерано, при том, что Рудольф фон Вид, соперник, инвестированный королем, смещен не был. Более того, он назначил Фольмара и Филиппа Гейнсбергского папскими легатами в Германии.

Ответ был быстрым и резким. Он напоминал прежние методы Фридриха и доказывал, что Фридрих на седьмом десятке жизни и тридцать пятом году правления, удивительно сохранил свой молодой задор. Верона была тут же блокирована, все подступы к ней отрезаны, альпийские перевалы взяты под наблюдение, чтобы папа и курия не могли сообщаться ни с кем извне. Императорская агентура даже заявила, что любого посланца, которого поймут, предадут пыткам и смерти. В то же время очень четкие инструкции были даны Генриху VI, который с небольшим войском должен был вступить в Церковные области и действовать в Центральной Италии самым решительным образом в интересах императора и империи.

В июне молодой король завоевал всю северную часть патримонии; он добился обещания верности от Перуджи за счет пожалования ей привилегий, которые, в свою очередь, обеспечивали ему власть в городе; подчинил Витербо и Нарни; отдал Сутри в ленное владение некоему римскому сеньору, как если бы обладал правом сюзерена. В Тоскане с помощью

своих должностных лиц он еще больше увеличил немецкое засилье в городах, где могли произойти волнения: Сиене были предъявлены суровые требования, она должна была вернуть *«владения и права, принадлежавшие графине Матильде»*. Более чем когда-либо владения Матильды контролировались Штауфенами и стали для них способом удерживать область в подчинении, а папство — в своих руках.

Что касается кременцев, которых Урбан III подстрекал к мятежу, то Фридрих начал угрожать им военными репрессиями, однако скоро дал им понять, что никогда не считал их непримиримыми врагами. В соответствии с программой, которую он утвердил через мирный договор в Констанце, и стремясь сохранить равновесие между коммунами, договариваясь одновременно с умеренными гвельфами и гибеллинами, он предложил кременцам прощение на почетных условиях. 8 июня Кремона обязалась не воевать против Милана, Пьяченцы и Кремы, вернуть императору местности Луццара и Гасталла и выплатить довольно внушительную контрибуцию, которая и была им получена 29 июня. 6 августа Фридрих вернулся в Германию, а Генрих VI, осадивший в то время Орвьето, выказал ему королевскую милость.

Ввиду этих предприятий Урбан III 18 июня направил германскому епископату письмо с жалобой на императора, которого обвинил во вторжении в Патримонию Св. Петра, в несправедливом подозрении в адрес папы, якобы толкавшего кременцев к мятежу через их епископа Сикара, в разграблении пьемонтских церквей (Ивреа и Турин) и в ущемлении духовенства и городов Тосканы. Все эти деяния говорили об отказе от сотрудничества с папством и следовании Божьему завету, требовавшему: *«принудительная власть двух мечей против хитрости неправедных и во спасение христианского народа»*.

Это послание фактически призывало немецких прелатов сделать монарху внушение и как бы поощрило их к сопротивлению.

Фридрих, которому донесли о происках некоторых папских агентов, не был расположен терпеть поведение Фольмара и был обеспокоен позицией, занимаемой Филиппом Гейнсбергским. По этой причине, уверившись, что сможет удержать в руках Италию после примирения с Кремоной и воспрепятствовать там любым инициативам папы, он вновь перешел Альпы и тут же связался с самыми влиятельными князьями. В конце ноября (1186 год) он созвал ассамблею в своем дворце в Гельнгаузене для обсуждения церковных проблем и ответа германских прелатов на июньское папское послание. Ему не составило труда до начала ассамблеи убедить этих людей в своих добрых намерениях, обратив их внимание на то, что его деятельность в Италии была чисто политической, а в деле с выборами в Трире и с посвящением Фольмара право и обычай нарушал не он.

Епископы, желавшие прежде всего согласия и глубоко взволнованные действиями папы, порывавшего с программой, выработанной на переговорах в Венеции, и старавшегося вызвать беспорядки в Германии, без колебаний стали на сторону императора. Архиепископ Магдебургский Вихман, на которого, видимо, рассчитывал Урбан III, оказался во главе тех, кто осудил действия папы и составил ему очень эмоциональное письмо. Глава церкви был обвинен во *«враждебности по отношению к императору»*, ему ставились в вину его интриги в Милане и с кремонцами, а особенно его вмешательство в Трирское дело, где он пренебрег старинными обычаями, запрещавшими *«каждому епископу германского королевства принимать посвящение до получения регалий от императорского скипетра»*. Наконец, папу попросили прислушаться

к самым мудрым советам и трудиться ради мира между империей и церковью, так как папа должен знать, что епископы обязаны *«сохранять и поддерживать право и авторитет империи клятвой, которую они принесли императору и его прославленному сыну, августейшему королю Римлян»*. Как и в 1159 году, немецкое духовенство не представляло, что можно восстать против их государя; ну, а он, в отличие от той, прежней ситуации, на этот раз имел на руках все козыри.

Оставалось одно осложнение: Филипп Гейнсбергский не прибыл в Гельнгаузен и не скрывал своего протеста. Урбан III рассчитывал на него. Поэтому 19 февраля 1187 года он ответил на письмо епископов, не касаясь германских проблем и обойдя молчанием Фольмара, но сделав упор на действиях в Италии Штауфена, отказавшегося возратить конфискованные владения святого престола и не выказывавшего намерения упрочить *«мир и согласие между Церковью и империей»*. То есть он не уступал и ждал дальнейшего развития событий.

В это время позиция, занимаемая архиепископом из Кельна, являлась вызовом для императорской власти; он не только продолжал территориальную экспансию в районе нижнего Рейна за счет некоторых королевских областей, не только способствовал экономическому развитию Кельна в ущерб соседним королевским городам, но вмешивался в вопросы, которые его не касались (например, дела Нижней Лотарингии), и систематически собирал вокруг себя всех тех, у кого были какие-нибудь причины противиться Фридриху: непосредственно подчиненных ему епископов, Фольмара, герцога Брабантского (лично заинтересованного в Лотаринской проблеме), ландграфа Людовика III Тюрингского и графа Адольфа Гольштейнского, у которого были разногласия с Бернхардом Анхальтским, поддерживавшим императора.

Более того, он установил связь с Генрихом Львом, вернувшимся в 1185 году из ссылки, и с королем Дании, оспаривавшим у Германского королевства балтийское побережья (Померанию). На Пасху 1187 года он даже осмелился председательствовать в Кельне на многолюдном собрании, в котором участвовали его союзники и вооруженные войска.

Барбаросса, 29 ноября 1186 года провозгласивший на ассамблее в Нюрнберге новое мирное уложение, чтобы сделать упор на своем неоспоримом праве, собрал небольшую армию и вошел в Лотарингию, дабы положить конец интригам, которые в связи с вопросом наследования графства Намюрского, ставшего вакантным, могли обернуться против него. Тотчас же его прибытие пресекло попытки кое-кого из знати и прелатов поднять против него мятеж. Фольмар, перенесший свою резиденцию в Мец, потому что его соперник Рудольф сидел в Трире, еще с февраля созвал в Музоне синод, на котором отлучил от церкви епископов из Туля и Вердена, отказавшихся его признать, а теперь бежал в Реймс, в земли графа Генриха Шампанского. Тогда император связался с Филиппом Августом, в чьих интересах было присматривать за шампанским кланом. По осуществлении этого маневра он вернулся на восток с намерением проехать через Кельнское архиепископство.

При этом известии Филипп Гейнсбергский немедленно начал открытое сопротивление. Он приказал разрушить мост через Мозель, по которому должно было пройти королевское войско, и стал готовить свой город к обороне. Фридрих созвал князей в Вормсе и перед их ассамблеей в августе обвинил архиепископа в оскорблении его величества, архиепископ же должен был предстать перед ассамблеей в Страсбурге на Рождество. Этого оказалось достаточно, чтобы перетянуть на свою сторону большинство

его союзников, еще не забывших процесс и низвержение Генриха Льва. Так что Штауфен торжествовал: в Германии, как и в Италии, королевская власть была сильна и пользовалась почетом. Урбан III оказался изолированным более, чем когда-либо.

Тогда император довел до его сведения, что он расположен возобновить переговоры и даже встретиться с ним. С этим он отправил в Верону посольство, но папа при этом известии решил порвать отношения окончательно и отлучить Штауфена от церкви. Чтобы не давать аудиенции представителям императора, он уехал из Вероны в Венецию, где собирался провозгласить свое решение об отлучении. Но по пути он умер в Ферраре 24 октября 1187 года.

В Священной коллегии в то время существовала умеренная группа, которая одобряла действия Урбана III в начале его понтификата, когда он отстаивал свои принципы в Италии, но она никогда не одобряла его действий в отношении Фольмара и связей с Филиппом Гейнсбергским. К тому же, многие кардиналы желали примирения, чтобы иметь возможность организовать крестовый поход. В общем, все осознавали изоляцию святого престола и тупик, в который его завлек покойный папа. Поэтому они единогласно поддержали Альберто да Морра, выходца из Беневенто, человека большой святости, бывшего преподавателя права из Болоньи, ставшего кардиналом благодаря Адриану IV, затем канцлером римской церкви при Александре III, чьим другом и наперсником он был в 1175–1181 годах.

Став после выборов Григорием VIII, этот папа решил вернуться в Рим и уладить спорный вопрос, который противопоставил папство Штауфену. Он написал Фридриху, что не собирается наступать на права империи, и добавил, что *«не пристало папе и кардиналам брать в руки оружие и сражаться, но служить*

Богу молитвой» (Ш.Э. Перрен). В подтверждение своих благих намерений в качестве уточняющих предложений он обратился в тех же выражениях к Генриху VI, которого назвал «избранным императором Римлян», и отменил вердикты, провозглашенные Фольмаром в отношении епископов из Туля и Вердена.

К несчастью, 17 декабря он умер в Пизе, по пути в Рим. Впрочем, эта кончина ничего не изменила в ситуации, так как кардиналы дали ему в преемники римлянина Паоло Сколари, кардинала-епископа из Палестины, избравшего себе имя Климента III, который сразу после избрания торжественно объявил о крестовом походе и обратился к Генриху VI, чтобы тот сопровождал его в Рим. Наступила оттепель.

Все эти недели Фридрих не отступал от своей цели — поддержания мира и порядка в Германии. В том же декабре 1187 года (некоторые историки считают, что это могло быть и в июле, во время набега императорской конницы в Лотарингию) он дошел до Мааса, между Ивуа и Музоном, и там встретил Филиппа Августа. Оба короля поклялись друг другу в дружбе, укрепив тем самым альянс против Плантагенетов и Вельфов, заключенный еще во времена Людовика VII. Филипп обязался изгнать Фольмара из Реймса, а Барбаросса пообещал ему передать графство Намюр Бодуэну де Эно, тестю короля Франции, а не Генриху Шампанскому, заявившему свои претензии на это наследство. Обещание это должно было быть выполнено в следующем году на ассамблее в Эрфурте, когда Бодуэн V получил в ленное владение от монарха все эти земли, а также титул маркиза Намюрского.

В это время Климент III был занят только своим возвращением в Рим. В начале 1188 года он двинулся в путь с большим эскортом, которым командовал лично Генрих VI. В феврале папа вступил в город. Сначала он в разговорах с представителями

императора непрестанно демонстрировал свое желание урегулировать все насущные вопросы до организации крестового похода. В начале весны было достигнуто принципиальное согласие, а главные переговоры должны были продолжаться в течение нескольких месяцев до составления официального документа. И действительно в это время между папством и империей восстановился мир. В Германии было то же самое, так как 27 марта Филипп Гейнсбергский, не явившийся на ассамблею в Страсбурге (Рождество 1187 года), но не получивший никакой поддержки от святого престола, подчинился решениям ассамблеи в Майнце. Он попросил прощения и поклялся, что никогда не хотел оскорбить императора. Тот простил его и не вынес ему никакого приговора, если не считать наложения штрафа на население Кельна.

Эта щедрость была не только акцией политического деятеля и жестом доброты со стороны сердечного человека. Это было, главным образом, решение прощающего христианина, потому что на этой торжественной ассамблее, где он отказался сесть на трон, чтобы предоставить место председателя ассамблеи Христу — то было «Христово собрание», — он публично принял крест. Фридрих хотел быть уверенным в победе, хотя решение принял много месяцев назад.

В конце марта 1188 года, благодаря его твердости и дипломатии, благодаря принципам и средствам, определенным в 1180 и 1183 годах, он достиг успеха на всех фронтах. В Германии царил порядок, попытка нео-Вельфов с треском провалилась, королевская власть, опирающаяся на феодальные основы, была прочна. В Италии ни один город, ни один сеньор не выступали против него. Его сын Генрих VI, король Германии и Италии, пользовался всеобщим уважением. Сам папа был склонен к сотрудничеству. Почти все пункты программы, намеченной в начале его царствования, были выполнены.

ГЛАВА XIII

Трагический апофеоз

(1188 – 1190)

Решение Фридриха Барбароссы на «Христовом собрании» открывало папству и всем тем, кто в курии или вообще на Западе был обеспокоен ситуацией в святой земле, путь к осуществлению надежды, уже много лет казавшейся несбыточной. Это было завершением долгих дипломатических усилий святого престола, которые, пожалуй, сначала, были направлены больше на Францию Капетингов и на Англию Плантагенетов. Но Александр III после переговоров в Венеции думал о том, чтобы крестовый поход возглавил Штауфен; вслед за ним Луций III не побоялся высказать эту мысль официально. Патриарх Иерусалима и магистры военных орденов присутствовали в Вероне, где попросили императора включиться в их дело. Фридрих пообещал активно им заняться.

Начиная с этого момента мысль эта его уже не покидала, тогда как сердце его билось учащеннее одновременно от желанья всемерно способствовать этому исключительному предприятию и от радостного предвкушения еще большего возвеличивания своего авторитета. Но из осторожности он отбросил мысль о том, что по поводу этого похода можно поторговаться со святым престолом или что ему придется ради отправки на Восток поступиться своими интересами в итальянских делах. Поэтому Фридрих занял

выжидательную позицию. Когда Григорий VIII, а потом Климент III обнаружили свою готовность к согласию, не скрывая, что главную их озабоченность вызывает святая земля, он публично объявил о своем решении участвовать в походе.

Это решение было очень кстати ввиду крайне тяжелой ситуации. После неудачного завершения экспедиции Конрада III и Людовика VII в 1148 году латинские государства на Востоке (Иерусалимское королевство, Антиохийское княжество, графство Триполи) постоянно находились в опасности несмотря на усилия неутомимого короля Амори (умершего в 1174 году). Трудности были внутреннего порядка, так как соперничество кланов, семейств, гражданских руководителей и магистров духовно-рыцарских орденов могло в любой момент привести к параличу руководства. Но внешняя опасность была еще серьезней. Зная, что на Византию рассчитывать не приходится, франки (так их называли) должны были противостоять исламу, который в соседних с Сирией регионах вновь набрал силу при турецком владычестве. На востоке атабек Нур-ад-дин был властелином Мосула, Алеппо, Хамы, Хомса и Дамаска; он владел всеми западными областями Багдадского халифата. На юге, в Египте, визирь Салах-ад-дин Юсуф, известный в истории под именем Саладина, в 1171 году отказался допустить к власти преемника только что умершего фатимидского халифа Каира и перевел страну в подчинение халифату Аббасидов, то есть фактически Турции. В этот именно момент в ответ на призыв Амори Генрих Лев возглавил крестовый поход, который был встречен на Востоке с большим энтузиазмом, но не смог удержать наступление неприятеля. К тому же, после смерти Нур-ад-дина в 1174 году Саладин решил перевести все эти территории под начало одного лица. Таким

образом, он взял латинские государства в клещи в тот самый час, когда умирал Амори, оставляя наследником тринадцатилетнего ребенка Бодуэна IV, к тому же больного проказой, вокруг которого начинали завязываться тысячи интриг.

В течение нескольких лет Саладин старался прибрать к рукам владения Нур-ад-дина, некоторые из которых у него оспаривались. В конце концов ему удалось занять все бывшее графство Эдессу (на северо-востоке Сирии) и западные области Антиохийского княжества до Оронта, завладеть мощными замками Арк, откуда он угрожал Триполи, и Банияс, откуда можно было выйти к Иордану или к Тиру. Какое-то время он довольствовался отдельными стычками и рейдами против франков, в 1179 году в районе Тира, в 1182 году в районе Назарета и Тивериады, в 1183–1184 годах на севере от Самарии и на юго-востоке от Галилеи. Это была прелюдия к решающему сражению, которое Саладин надеялся выиграть и случай для которого ему представили распри, вспыхнувшие при Иерусалимском дворе в связи с частой сменой королей на троне, так и оставшемся без прямого наследника после смерти Бодуэна V (1186 год), племянника прокаженного короля, который сам умер годом раньше, и безрассудства великого магистра ордена Храмовников (тамплиеров). Весной 1187 года он бросил все свои силы на Палестину.

Решающее сражение состоялось 4 июля на равнине Хаттин, на северо-запад от города Тивериады. Для латинян это был полный разгром, король Иерусалима был взят в плен, как и самые именитые бароны королевства. 10 июля капитулировала Акра. Вскоре пали Назарет, Цезарея, Наблус, Сидон, Бейрут. В сентябре прибывшие с юга турецкие войска взяли Аскалон, Рамлу, Газу, Хеврон. 17 сентября Саладин прибыл под стены Иерусалима, а 2 октября взял его. В последующие недели наступление было направлено против графства Триполи и княжества Антиохийского,

так что весной 1188 года, в тот момент, когда Фридрих принимал крест, держались только Тир, Триполи и Антиохия. Повсюду, кроме этих городов, властелином был Саладин.

Таким образом, можно понять, насколько была необходима новая экспедиция с Запада. По правде говоря, известие о падении Иерусалима всех ошеломило. Стало ясно, что необходимы срочные и чрезвычайные меры. Пока папа и легаты мирили Филиппа Августа и Генриха II Плантагенета, чтобы убедить их организовать общий крестовый поход, причем окончание этих хлопот затянулось из-за кончины английского монарха 4 июля 1189 года, Фридрих принял решение и пригласил немецких принцев к участию в этом предприятии.

Действуя таким образом, он следовал прежде всего — как в 1147 году, когда сопровождал своего дядю Конрада, — собственному религиозному убеждению, толкавшему его на это богоугодное и героическое деяние на благо христианства, на освобождение тех мест, где жил Христос и куда нужно было дать верующим возможность свободно отправляться в паломничество. Тем самым он выполнял свои обязательства христианнейшего принца, и ему власть дана была Богом как первому лицу в государстве, чтобы служить делу христианства, а в данном конкретном случае — чтобы взять на себя командование. Но в то же время он чувствовал, догадывался, что собирается осуществить исключительно важное задание, участвовать в деле, выходящем за рамки политических и человеческих масштабов, которое благодаря своему идеалу и мистике чудесным образом прославит императорский авторитет, придав империи и императору их истинное величие, стоящее над политикой и над людьми.

Император-освободитель Иерусалима, весь Запад, собравшийся вокруг него в священном поклонении за его свершения, изумленный христианский мир, а

на землях империи – все жители, принужденные к почитанию его, – вот мечта, которой мог предаваться Штауфен, когда, почти закончив осуществление своих планов в Германии и Италии, решил принять крест. Один из авторов хроники того времени, Арнольд из Любека, очень хорошо подметил: *«Главой, вождем, – писал он, – был принц Фридрих, император Римлян, который ради прославления авторитета империи вовлек свою мощную армию в борьбу против врагов креста Христова, желая довести до полного конца эту битву, которую он вел ради Господа и ради мирской славы»*. В свою очередь, один из самых умных и внимательных историков крестового похода замечательно выразил этот задор высшего порядка: *«Имперская власть вырастает из религиозной инвеституры через божественное избрание для борьбы с неверными. После апокалиптического призыва, обращенного к толпам, провала самозванных вождей или законных государей – наконец имперский мессианизм. Атмосфера апофеоза, где порой видны сияющие проблески немецких галлюцинаций»* (Л. Альфандери).

Эта несколько сверхчеловеческая экзальтация, однако, не помешала Фридриху тщательно подготовить само предприятие. Пока он способствовал проповедованию похода в своих государствах, пока прощал разных принцев и князей, которые в предыдущие месяцы плели против него интриги, среди прочих – архиепископа Кельнского, епископа Утрехтского и графа Гельдрского, он торопил переговоры с Климентом III, чтобы выразить в конкретном документе достигнутое принципиальное согласие.

А папе нужно было сделать очень многое. Вновь обосновавшись в Риме, он должен был сначала договориться с римлянами. 31 мая 1188 года он заключил с ними соглашение, по которому сохранял коммунальные учреждения, взяв на себя содержание сенаторов и чиновников, но это соглашение утвердило

его суверенитет в Вечном городе, а значит, и в коммуне, возвращавшей ему его привилегии. Он также не переставал заниматься подготовкой похода на Восток. Ему предстояло продолжить свое посредничество между Филиппом Августом и Генрихом II, помирить Геную и Пизу и добиться от Генуи помощи в отправке англо-французских крестоносцев морем. Все это затягивало урегулирование отношений с империей, может быть, еще и в связи со сложностями в решении территориальных проблем Центральной Италии.

Во всяком случае, в феврале 1189 года по настоянию Фридриха был достигнут первый результат в деле о выборах архиепископа Трирского. Климент III провозгласил решение о смещении Фольмара, а император в то же время добился отставки Рудольфа фон Вида; электоры избрали канцлера капитула, Йоганна, который тотчас же был инвестирован Штауфеном со всеобщего одобрения. Такое решение вопроса ускорило ход переговоров, которые вели от имени Барбароссы сначала Генрих VI и его советники, потом епископы Вюрцбургский и Бамбергский, тогда как папу представляли кардиналы Йордан и Петр. Это привело к соглашению, опубликованному в Страсбурге 3 апреля Генрихом VI, который вернулся из Италии и принял на себя правление Германским королевством. Папа обязывался короновать Генриха VI императором при жизни его отца; отец же признавал суверенитет папы в Церковном государстве, он возвращал ему то, что было конфисковано в Орвьето, Орта, Нарни, Тускулуме, Террачине, Тиволи и других местностях, освобождал от клятвы верности тех, кто давал ее в этих городах, а также в Витербо, Романье и Кампанье. Вместе с тем документ уточнял, что папство получает эти области, а заодно и все территории Патримонии *quoad possessionem* (во владение), но не в собственность, и за исключением прав империи (*salvo iure imperii tam de proprietate quam de possessione*).

Что касается спорных территорий в Центральной Италии, в частности, владений Матильды, то здесь ничего не было решено, и люди императора продолжали их занимать де-факто, если не де-юре.

Эти ограничения и оговорки лишний раз свидетельствовали о желании Штауфена не уступать, при том что Климент III в интересах крестового похода не мог вести себя иначе. Удовлетворившись этим актом, упрочившим его предыдущие успехи, Барбаросса 10 апреля направил главе церкви послание с поздравлениями, 18 апреля то же самое сделал Генрих VI.

Во время этих переговоров Фридрих не прекращал деятельности в Германии и других своих государствах для обеспечения там порядка на время своего отсутствия. Он опасался, как бы Генрих Лев, подстрекаемый к действию недавним мятежом архиепископа Кельнского, не занялся в его отсутствие интригами, тем более что бывший герцог Саксонский был в прекрасных отношениях с новым архиепископом Бременским, у которого, в свою очередь, были счеты с Бернхардом Анхальтским, получившим главные выгоды от решения 1180 года. Поэтому Фридрих предложил своему сопернику в присутствии ассамблеи, собравшейся в августе 1188 года в Госларе, либо поклясться, что он больше не будет заявлять своих территориальных притязаний и требовать возвращения некоторых конфискованных у него поместий, либо принять участие в крестовом походе за императорский счет, либо отправиться в новую ссылку на три года с тем, чтобы не быть в Германии на все время похода. Лев, который не мог принять ни первого предложения — оно лишило бы его и его потомков возможности заявить протест и превратилось бы в постыдный отказ от своих прав и имущества, ни второго — поставившего бы его в прямое подчинение Штауфену, в апреле 1189 года вновь отправился в Англию.

На той же самой ассамблее в Госларе монарх «с одобрения князей» провозгласил уложение, гаранти-

рующее право убежища в церквях и регламентирующее прерогативы поверенных в вопросах церковного имущества. Вскоре (в декабре) он возобновил запрет епископам жаловать в качестве лена право управления, то есть публичную власть, принадлежащую епископату и делегированную ему королем. Эти две меры вновь указывали на его желание ограничить злоупотребление феодальными практиками, причем вторая мера напоминала особый характер концессии, жалованной епископам и составлявшей один из способов королевской администрации.

Между тем Фридрих организовывал управление империей на время своего пребывания на Востоке, составляя документ, ставший чем-то вроде его завещания. В политическом плане Генриху VI, королю римлян, королю Германии и королю Италии, которому вскоре должна была быть пожалована императорская корона, выпала задача управления всеми императорскими территориями. Его старший брат Фридрих, герцог Швабский, с тех пор, как умер двоюродный брат Барбароссы, сын Конрада III, должен был участвовать в крестовом походе. Что касается личных владений семьи Штауфенов, находящихся, в основном, в Швабии (наследные земли и выкупленные владения Вельфа VI) и Эльзасе, а также во Франконии, Западной Баварии, Лотарингии и даже (по крайней мере с 1180 года) в Тюрингии, Саксонии и Лужицкой земле, то они были разделены между четырьмя старшими сыновьями, а пятый, Филипп, предназначенный для служения церкви, получил пост судьи при соборном капитуле в Ахене. Генрих VI получит самую большую долю, в частности, в Эльзасе, Лотарингии, Швабии, Тюрингии, Саксонии и Лужицкой земле, кроме того, он получит все области, непосредственно подчиняющиеся императору. Фридрих Швабский получит в своем герцогстве все графские владения, а также графство Пфуллендорф; после смерти Вельфа VI ему достанутся наследные земли,

которые Вельф продал Штауфену. Третьему сыну, Оттону, достанутся владения, принадлежавшие Беатрис, то есть графство Бургундское, тогда как у четвертого сына, Конрада, будет графство Ротенбург, а кроме того большие владения во Франконии, описанные его невесте Беренгарию Кастильской, дочери короля Альфонса VIII.

Уладив эти вопросы летом 1188 года, Фридрих посвятил себя подготовке к походу, оставив Генриху VI управление делами, что объясняет, почему переговоры со святым престолом и заключение Страсбургского договора были осуществлены именно им.

Несмотря на трудности, возникшие в результате его решения, он избрал сухопутный маршрут в Сирию. С одной стороны, у него в самом деле не было ни собственного флота, ни средств для получения очень дорогостоящей помощи Генуи, о которой уже попросили Франция и Англия. С другой стороны, он опасался, что к тому времени, когда он прибудет в святую землю, ее порты могут оказаться в руках Саладина. Зато, имея за плечами опыт 1147–1148 годов, он надеялся, что сможет избежать западни на суше.

В дипломатическом плане он позаботился о том, чтобы завязать отношения с суверенами тех стран, которые ему предстояло пересечь. Он направил очень любезные послания королю Венгрии, великому жупану Сербии, византийскому императору Исааку Ангелу и султану мусульманского княжества Конья (Икониум), который до сих пор сопротивлялся действиям Саладина. В военном отношении он принял решительные меры к тому, чтобы в армии была строгая дисциплина, во избежание тех беспорядков, которые имели место во время второго крестового похода. Он потребовал, чтобы крест приняли только те, кто сможет самостоятельно купить себе военное снаряжение и сам себя обеспечить материально на два года. Тем самым он воспрепятствовал участию в походе пехотинцев и выходцев из народа; поход должен был

быть по его разумению исключительно рыцарским предприятием, и большинство его участников должно было принадлежать к высшей и средней знати. Что же до торговцев, которые последуют за войском, то они будут под строгим наблюдением.

Объявив об этих решениях, он созвал крестоносцев весной 1189 года в Ратисбонн на Дунае. Его маршрут был прост. Первый этап должен был привести его, не взирая на возможные нападения местных жителей, прямо в Византийскую империю, так как Исаак Ангел согласился оказать помощь и поставить необходимое довольствие в обмен на обещание Фридриха, что никаких военных действий не будет проведено ни на греческих территориях, ни в ущерб греческим интересам. Затем второй этап — в ходе которого армия ускорит темп передвижения, сохраняя при этом боевой порядок, так как тут уже можно будет встретить вражеские войска — позволит достичь христианского государства Малой Армении у самых ворот Сирии. Тогда начнется последняя часть операции, являющаяся целью крестового похода, — вторжение на территории, захваченные Саладином.

В начале мая в Ратисбонне собралось тысяч двадцать воинов, а не более ста тысяч, как утверждали некоторые авторы хроник, неспособные перевести в реальные цифры толпы, бывшие у них перед глазами, и дабы лучше показать силу и мощь войск, склонные называть такие числа, которые людям XII века казались бесконечно большими. Впрочем, эта армия была самой многочисленной из тех, которыми когда-либо командовал Фридрих за все время своего правления. В военном отношении она представляла собой страшную силу, сформированную из воинственных рыцарей, во главе с превосходным и всеми почитаемым военачальником, окруженным советниками, в составе человек шестидесяти принцев и сеньоров.

1 мая император дал сигнал к отправлению. Армия тронулась в путь батальонами примерно человек

по пятьсот. Первый этап похода прошел по предусмотренному плану. Венгрию прошли совершенно спокойно, так как король Бела выполнил свои обязательства и высказал тем большую готовность помогать немцам, что Фридрих попросил у него руки его дочери для своего сына Фридриха Швабского. В Сербии тоже все прошло прекрасно, и великий жупан даже предложил Штауфену принять его княжество под свой императорский сюзеренитет. Однако трудности возникли, когда за Нишем войска вошли в теснины, поднимающиеся от долины Моравы и вновь спускающиеся к Марице и окрестностям Софии. Там на них напали сербские и болгарские разбойничьи отряды и преградили им дорогу. Тут оказалось, что маршрут не может быть выдержан в точности, не хватает продовольствия, многие рыцари ослабели из-за болезней. Вместе с тем, ситуация была не настолько серьезна и, когда в начале августа войско вышло к византийским границам, для пессимизма не было оснований.

И вот здесь появились настоящие опасности, порожденные политикой Исаака Ангела. Когда Штауфен обратился к нему за поддержкой, он не смог отказать; но на самом деле у него не было намерения действительно помогать западной экспедиции. С одной стороны, он действительно и с полным основанием опасался вымогательств и репрессий немецкой военщины, оставившей ужасную память о своем походе через Византию в 1147 году. С другой стороны, он боялся — напрасно, впрочем — что Барбаросса, мечтающий, как считал Ангел, о мировом господстве, может воспользоваться своим походом для захвата греческой территории и станет единоличным монархом-императором. К тому же Ангел проводил собственную восточную политику; он старался расширить свои владения за счет султаната Коньи и в этих целях установил контакты с Саладином. Саладин хитро дал понять, что готов признать права

Византии на святую землю (протекторат учреждений, привилегии), исключаящие права любой другой державы, если греки не будут участвовать с Коньей, утверждая, что единственное реальное спасение, которого она может ожидать от христиан, кем бы они не были, это спасение, исходящее от него.

Может быть, Барбаросса и не был бы удивлен поведением Исаака. Кроме того, он знал, что византийские греки не могут испытывать к немцам никаких дружественных чувств. Но, если он никогда не собирался завоевывать Византию, тем более сейчас, когда вся его энергия была устремлена на достижение Святой земли, он не хотел быть стесненным политическими интригами. Поэтому он строго придерживался своего плана.

16 августа его войска взяли приступом ущелье Траяна. 24 августа они пошли в Филиппополи, заняли несколько соседних крепостей и завладели продовольственными складами. На следующий день посланцы Ангела передали ему приказ оставить заложников, если он намерен продолжать свой путь, и обязаться уступить часть своих будущих завоеваний. Фридрих отправил к императору послов, которые были брошены в тюрьму. При этом известии Фридрих прервал переговоры и приказал своей армии, вполне пришедшей в себя после утомительного пути и невзгод, идти на Константинополь, предавая огню и мечу все на своем пути. Он даже подумал было в приступе ярости, овладевшей им в тот момент, взять в собственные руки управление Византийской империей для облегчения себе дальнейших действий в Палестине. 16 ноября он написал об этом Генриху VI с просьбой снарядить флот и упротить папу призвать к походу также и против Византии. В конце октября он овладел Андрианополем. Тогда Исаак, уже возобновивший с ним контакты, уступил. После долгих переговоров 21 января 1190 года было заключено соглашение. Фридрих обещал не проходить через Константинополь, а сделать обход

через Галлиполи, за что Ангел предоставит ему продовольствие, а также корабли для пересечения пролива.

Немецкое войско в течение двух месяцев отдыхало. В последние дни мая оно переправилось через море в районе Галлиполи и продолжило свой путь на Конью и Армению. Все шло хорошо. Конечно, известия с Запада не были превосходными, так как после смерти 18 ноября 1189 года Вильгельма Сицилийского Генрих VI и Констанция испытывали серьезные трудности, заставляя признать свои права престолонаследия довольно сильную группу нормандской знати, объединившуюся вокруг побочного сына Роджера II Танреда из Лечче. Но, так как в Германии и в Северной Италии было спокойно, казалось, что этот вопрос легко можно будет уладить после крестового похода, когда Генриху VI уже не надо будет править всей империей; точно так же можно будет подавить волнения, вспыхнувшие в графстве Бургундском против молодого Оттона.

Начался второй этап похода. Здесь сразу же войско натолкнулось на неожиданные трудности. Султанат Коньи занял воинственную позицию в отношении немцев, так как происки Саладина привели к этому дипломатическому перевороту с помощью силового приема, устранившего от власти султана в пользу его сына. Армия не получила продовольствия, на которое рассчитывала. Переход через страну был крайне тяжелым, там погибло множество рыцарей. Наконец 18 мая войско подошло к Конье и взяло ее приступом. Победенный новый султан должен был обеспечить продовольствие войску и пропустить его дальше. Таким образом, крестоносцы достигли Малой Армении, где их очень хорошо приняли.

И вот там 10 июня 1190 года император, сопровождаемый армянскими проводниками, желая перейти вброд речку Селиф, чтобы подойти к городу Селевкии, не смог справиться со своим конем, тот испугался и оступился. Течение подхватило его, и он потонул. Когда императора вытащили из воды, он уже был мертв.

Это внезапная смерть привела крестоносцев в подавленное состояние, чуть не превратившееся в беспорядочное бегство, так как некоторые принцы тут же отправились назад в Германию. Тем не менее Фридрих Швабский сумел сохранить в войске порядок и дисциплину и довести его до Антиохии. Потом эпидемия унесла многие жизни, в том числе и самого молодого принца. Остатки великолепной немецкой экспедиции в конце концов пополнили франко-английский объединенный контингент у стен Акры.

Так то, что должно было стать величайшим апофеозом императора и империи и в 1188–1189 годах действительно стало таковым, завершилось трагическим и банальным несчастным случаем.

Тем не менее история Фридриха Барбароссы не заканчивается. Пав на пути в Иерусалим во всей своей славе, в момент, когда имперское величие выросло еще более благодаря выдающейся заслуге, оказываемой им делу христианства, умерев как бы за Христа, император Штауфен, самым великолепным образом закончив восстановление авторитета империи во всем его блеске, оставил в сердцах людей необыкновенную память. К тому же, распространив на Италию немецкое господство, он обеспечил Германии право на законную гордость.

Поэтому неудивительно, что в следующие века эта память перемешалась с легендой, тогда как создавался – из иных соображений – миф об императоре мирового ранга, основанный на деяниях и суровых битвах его внука Фридриха II.

Тема нашего героя – чисто немецкая. Она возникла в 1160–1162 годах, когда неизвестный автор составил в баварском аббатстве Тегернзее длинную поэму под названием *Ludus de Antichristo*, в котором, воспевая триумф Штауфена, громко возвещал о своем убеждении в том, что перед концом света, когда все люди объединятся против Антихриста в ожидании Второго пришествия, то возглавит это необычайное собрание

немецкий император, еще один Фридрих. В последующие годы миннезингеры, выступавшие при дворе Штауфенов и принесшие туда в своих *Lieder* моду на куртуазный героизм, также воспевали германские рыцарские добродетели, которые наилучшим образом воплощал в себе Барбаросса. По крайней мере, такое ощущение можно вынести из чтения поэтических произведений Генриха фон Вельдеке, Вальтера фон Фонельвейде, Фридриха фон Хаузена, также погибшего в крестовом походе под Коньей, и несколько позже — Вольфрама фон Эшенбаха. Наконец, в ту же эпоху возник цикл о Нибелунгах. В 1160–1170 годах неизвестный австрийский поэт создал вторую его часть, краткую эпопею «Конец Нибелунгов». В 1200–1210 годах другой австриец увязал эту поэму с обеими первоначальными сагами, составлявшими первую часть, и придал *Песни о Нибелунгах* окончательную форму, гениально подчинив ее вкусам куртуазного общества. Это произведение вновь возвеличивало Германию и ее древние мифы, оно показывало германского героя, наделенного наивысшими добродетелями воинственного народа, принимающего неотвратимый рок и следующего ему, но отказывающегося быть всего лишь слепым орудием, потому что целью героя было заполучить *Horst* — сокровище, символизирующее могущество и господство, и ни за какую цену не уступить его врагу: *«Рейн сохранит золото, разделившее — воинов, — заявляет Гунтер, быстрая река сбережет сокровище Нибелунгов»*.

За всем этим обнаруживается гордость, порожденная деяниями Барбароссы, а также славой и трагедией его судьбы. И все же, эта Фридрихова легенда, после смерти Штауфена заключавшая в себе все то, что могло создать ей необыкновенный успех, не смогла действительно упрочиться в XIII веке, так как имперская тема в тот момент как бы ассоциировалась с памятью о Фридрихе II. Дело в том, что в путанице людей и настроений, следовавшей за его кончиной

(1250 год), стал складываться «образ сверх-императора, которого умозрительные построения представляли то как гонителя, то как исправителя христианства» (Р. Фольц). Родившийся в Италии, раздираемой ссорами гвельфов и гибеллинов, достигшими кульминации в кровопролитном сражении при Монтеапerti (1260 год), в том же году, когда в Перудже и других городах возникли первые секты флагеллантов, усиленный поражениями Штауфенов и в частности гибелью Конрадина, этот образ стал образом самого Фридриха II или одного из его потомков, возрождавших империю во всем ее величии. Он поддержал легенду о том, что император продолжает жить в кратере Этны. В Германии он стал чем-то вроде пророчества о том, что император Штауфен возродит также и церковь, доведя папство до бедности.

В XIV и XV веках это пророчество продолжало существовать, хотя в противовес ему и распространялся миф об императоре-потомке Карла Великого, который освободит церковь от любого мирского засилья, в том числе от претензий германского империализма. И тут в Германии возникла мощная национальная реакция. Это было знаменитое так называемое пророчество Гамалиона примерно 1420 года. «Немцы, — утверждало оно, — изберут императора *Almania alta*, то есть уроженца верхней долины Рейна; он соберет вокруг себя в Ахене мирской собор, который учредит в Майнце патриарха, и этот патриарх получит папскую митру; император будет сражаться и умертвит папу римского, и Рим утратит свою роль столицы христианского мира, которая перейдет к Майнцу» (Р. Фольц).

Воодушевленные этой легендой немцы какое-то время надеялись, что Сигизмунд, положивший конец Великому расколу, устранив трех бывших одновременно в наличии пап, и будет этим папой-восстановителем. После него они поверили во Фридриха III Габсбурга, который очень их разочаровал. Тогда, вернувшись к

древнему мифу XIII века и смешивая его с эпическими повествованиями предыдущей эпохи, они стали мечтать просто «об императоре, одновременно мировом и немецком, который одарит свою страну благодеяниями золотого века» (Р. Фольц). Он будет зваться Фридрихом и выйдет из горы. Но национальное ожесточение помешало тому, что это опять-таки будет Фридрих II, более итальянец, нежели немец. И вот тогда мечта, миф и легенда перенеслись на Барбароссу, великого *немецкого* государя, восстановившего порядок и власть в *Германии*, навязавшего *немецкое* господство Италии, папству и умершего по пути в Иерусалим во главе *немецкого* крестового похода:

«Он не умер, — утверждает одна из легенд. — Он просто спит в горах Тюрингии, сидя меж шести рыцарей за каменным столом, в ожидании того дня, когда он придет освободить Германию от рабства, дабы дать ей первое место в мире...»

Все это позволяет лучше понять происхождение и успех несколькими годами позже (1520 год) *«Призыва христианской знати немецкой нации к восстановлению христианского общества»*, провозглашенного Мартином Лютером.

Связанная отныне с германским национализмом и антипапскими идеями легенда о Фридрихе Барбароссе, спящем императоре, который однажды придет возродить Германию, а через нее, вместе с ней, в ней — и весь христианский мир, не переставала быть источником вдохновения. Почти утратившая свое воздействие на людские умы и настроения и даже подвергавшаяся в современную эпоху насмешкам из-за своего слишком мистического характера, осуждаемого в эту эпоху рационализма и космополитизма, она, естественно, возникла вновь вместе с романтизмом, любовавшимся этими возвышающими дух эпопеями и интересовавшимся всем тем, что относилось к средневековью, а также с утверждением немецкой государственности в XIX веке. Тогда *der alte*

Barbarossa (старый Барбаросса – нем.), по выражению из знаменитой баллады Фридриха-Иоганна Рюкерта (умершего в 1866 году), занял в душе народа и коллективной памяти масс исключительное место: великий среди великих, более великий, чем Карл Великий, потому что типично немецкий: император, чья трагическая гибель сотворила миф, превращающийся теперь благодаря объединению страны в величайший апофеоз, который даже Виктор Гюго после своего путешествия к берегам Рейна постарался передать в своей драме *Бургграфы*.

История – воплощение ума и опыта веков – и легенда – их поэзия – объединились вокруг этого человека, действительно проделавшего за тридцать восемь лет правления огромный труд.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Помимо легенды и мифа, чтобы подвести итог жизни Фридриха Барбароссы, нужно вновь обратиться к истории.

В момент его прихода к власти в 1152 году империя была ослаблена. По меньшей мере с 1122 года она утратила часть своего авторитета и власти из-за деятельности и успехов папства. Принцы в Германии были разобщены, потому что святой престол вмешивался в выборы монарха. В Италии власть императора могла вообще оказаться забытой или сохраниться ради чистого принципа, без прямой связи с организацией политического общества. Зато в 1190 году монаршая власть в Германии упрочилась и всеми почиталась, Вельфы как будто полностью были устранены с политической арены, принцы и князья в основном согласились добровольно сотрудничать с монархом. На полуострове города и сеньоры сознавали, что являются подданными империи и императора; королевство подчинялось или контролировалось агентами и офицерами Фридриха; папство согласилось с тем, что его деятельность ограничена довольно тесными территориальными рамками, а суверенные и имущественные права определены весьма туманно, а то и оспариваются; Сицилия же досталась сыну Фридриха Генриху VI.

Таким образом, империя как будто вновь обрела «все свое величие». Никогда еще «ее слава» не была такой сияющей, никогда ее так не почитали и не боялись. К тому же она встала на путь превращения в наследственную монархию в пользу династии

Штауфенов и будет ею при Генрихе VI и Фридрихе II в течение более полувека.

Никогда со времени Карла Великого и Оттона Великого успех не был таким блестящим, и если уж сравнивать этих императоров, то наибольшего уважения заслуживает Барбаросса. Потому что Оттон хоть и установил в Германии монархию как учреждение и власть собственной семьи, но никогда не сумел дать Италии почувствовать свое постоянное присутствие, как это удалось Фридриху благодаря его действиям в Тоскане и Пьемонте. Что же до Карла Великого, чья деятельность имела более широкий диапазон и разворачивалась на больших пространствах, то результаты его трудов оказались до странности недолговечными. Впрочем, трудно судить об этом, соотнося его дела с делами Штауфена, так как у них были совершенно разные масштабы.

Действительно, прославленный император XII века в противоположность своему авторитетнейшему предшественнику и несмотря на иногда разыгрывавшуюся фантазию, никогда не ставил перед собой задач, охватывавших весь Запад целиком. По этой причине, если мы будем рассматривать их в плане Европейской истории, то Карл Великий, может быть, был более значительной фигурой, так как, распространяя и укореняя христианство, укреплял понятие государства, воссоздавая империю, он внедрил на нашем континенте учреждения, которые несмотря на всевозможные изменения никогда полностью не были забыты, и всемерно способствовал заложению основ цивилизации, сохраняемых Европой до наших дней. К сожалению, несмотря на эти результаты его дело пострадало именно от безмерности его территориальной протяженности, ибо у этого Каролинга никогда не было ни малейшего «географического представления» о том огромном мире, которым он в сущности правил.

Барбаросса, напротив, был единственным императором, имевшим четкое понятие о своих государствах,

или, по крайней мере, умевшим приложить свои усилия в пространстве, которое было ему прекрасно известно. В этом и состояла благодаря его реализму, хотя порой он долго осознал реальность (например, в Ломбардии) — основополагающая черта его гениальной натуры. Этим объясняется его все более явная осторожность в отношении Южной Италии и отказ от любых проектов прямого подчинения себе Сицилийского королевства. Этим объясняется и его равнодушие к германской экспансии на востоке, свобода, которую он предоставлял Генриху Льву и вообще двусмысленность их отношений. При этом географические рамки его деятельности остались теми, пределы и различия которых были ему знакомы: это территория, которая на севере немного выходила за Лан, на востоке оканчивалась Лужицкой землей и Австрией, на западе охватывала области по берегам Мозеля, современную Лотарингию. Эльзас и Франш-Конте, зато на юге простиралась до южных границ герцогства Сполето и Марке, то есть до Римской области. И здесь его деятельность была изумительно последовательной. Он оставил во всех своих странах след — немецкий отпечаток, заставляя соотечественников наблюдать за негерманскими областями, привязывая их к судьбе империи, дух которой, душа и власть были немецкими. По этой причине и именно потому, что Карл Великий выходит за пределы этого ограниченного пространства, Барбаросса остается самым великим политическим деятелем и самым авторитетными императором средневековой Германии. И все же его замыслы несмотря на их удачу, на их славу были далеки от полного успеха. В Германии никто более, чем он, не способствовал феодализации общественных функций и даже росту влияния принцев. Возможно, что он не видел другого способа действий, или же такого способа не существовало вообще. Но сотрудничество с высшей знатью в государстве, ста-

новившемся все более феодальным, требовало для сохранения монархии значительного авторитета, неустанной энергии и, помимо всего, отсутствия слишком серьезных проблем как внутреннего, так и внешнего порядка. Для этого сотрудничества фактически было необходимо ограничение его амбиций как монарха в Италии и контроль над привилегиями, пожалованными аристократии. Такие требования, истинный груз которых он вполне ощутил, не могли выдерживать долго, тем более что в территориальном отношении знать имела тенденции к расширению своей власти и принуждала короля применить принцип, установленный им самим, об обязательном перераспределении ленных владений и функций, тем более что ссора между Вельфами и Штауфенами окончательно не прекратилась. Естественный расклад сил был в пользу местных интересов, в ущерб центральной юрисдикции.

В Италии, если городские реалии областей долины По стали хорошо понятны после более чем двадцатилетней борьбы, то тем не менее причины этого всегда лежали больше на совести городов. К тому же, «консервативная» политика, которую проводил император — во всяком случае, в Тоскане, — могла в более или менее отдаленном будущем обернуться против интересов империи в виде взрыва, подобного ломбардскому в 1167 году. А главное — Фридриху пришлось отказаться от мысли быть сувереном для всех, управляя каждым городом и каждым графством через своих людей или верных посредников, и все это лишь для того, чтобы после 1183 года считаться распределителем прав и привилегий среди подданных, которые, в свою очередь, должны были ему помогать. Из главы государства император превращался в обычного лидера партии, предводителя гибеллинов, объединившихся против гвельфов в зависимости от их убеждений и преимуществ, которые они надеялись извлечь из имперской политики.

Германское засилье, давящее на полуостров, вело к глубокому и длительному разделу среди итальянцев.

Таким образом, бесспорная слава, неоспоримые заслуги, труд, значение которого состоит прежде всего в настойчивости, с которой он претворяется в жизнь в рамках и с учетом возможностей данной эпохи, но вместе с тем и непонимание некоторых проблем, мешавших упрочению власти — единственной по-настоящему поставленной задаче, — вот итог, которым нельзя пренебречь. Им удовлетворились бы даже наиболее просвещенные деятели, так как в жестоком ходе человеческой истории нет человека, который когда-либо создал нечто во всех отношениях совершенное или никогда не ошибался.

Эта истина позволяет — хоть это и может показаться наивным — обнаружить пределы возможностей одного человека. Во всяком случае в отношении Барбароссы, это не является банальностью, так как в его лице мы действительно встречаем умного, энергичного и авторитетного государя в борьбе с политическими, социальными и психологическими обстоятельствами, которые оказываются сильнее его и сущность которых ему порой бывало трудно понять: городской фактор в Италии, феодальный фактор в Германии. Его заслуга состояла именно в том, что он осознал их, может быть, даже сам того не желая, отказался идти против течения и постарался извлечь из своих дел наибольшую пользу, устремляясь на новые пути, но никогда при этом не забывая поставленной перед собой цели.

Так что это был один из величайших людей своего столетия, глава государства, чьи амбиции оказались на уровне его эпохи.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
<i>Глава 1.</i> Империя в 1152 году	8
<i>Глава 2.</i> Германия в середине XII века	29
<i>Глава 3.</i> Италия около 1150 года. Бургундское королевство	51
<i>Глава 4.</i> Избранник и его программа	72
<i>Глава 5.</i> Первые попытки и ошибки реставрации (1152–1156)	95
<i>Глава 6.</i> Срыв Констанцкого договора и первая итальянская кампания (лето 1156 – лето 1159)	117
<i>Глава 7.</i> Надежды и тупики (лето 1159 – лето 1164) ...	146
<i>Глава 8.</i> Время храбрости и энергии (1164–1168) ...	176
<i>Глава 9.</i> Перерыв и размышления (1168–1174) ...	199
<i>Глава 10.</i> Война и дипломатия (1174–1177). Венецианский мир	223
<i>Глава 11.</i> Новая политика (1177–1184)	250
<i>Глава 12.</i> Успех (1184–1188)	276
<i>Глава 13.</i> Трагический апофеоз (1188–1190)	295
Заключение	314

Серия «След в истории»

Марсель ПАКО

ФРИДРИХ БАРБАРОССА

Редактор: Диденко Н.

Корректоры: Муранова М., Подгорный Н.

Художники: Каштанов С., Киселёва Т.

Оригинал-макет: Брызгало С.

Лицензия ЛР № 062308 от 24 февраля 1993 г.

Сдано в набор 1.11.97 г. Подписано в печать 1.12.97 г.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офсетная.

Гарнитура Петербург.

Тираж 5000 Заказ № 335.

Издательство «Феникс»

344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО «Книга»

344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57.

Фридрих Барбаросса вместе со своим внуком Фридрихом II несомненно является самой яркой личностью немецкого Средневековья. К моменту его избрания императором (1152 г.) времена, когда благодаря династии Оттонов Священная империя (Германия и Италия) стала самой могущественной державой континента, давно прошли.

К моменту своей смерти (в результате несчастного случая в крестовом походе) Фридрих I успел проделать огромную работу: монархическая власть стала прочной и всеми почитаемой, соперничавшая с ним династия Вельфов – укрощена, а немецкие принцы по доброй воле сотрудничали с монархом.

Воспоминания о Фридрихе I переплелись с легендами: он воплотил в себе «куртуазные» добродетели. Поэмы – и среди них «Нибелунги» – культивировали имперско-германскую тему, способствуя в дальнейшем возвышению Фридриха II. Последующие неудачи многих суверенов Священной германо-римской империи вынуждали немцев мечтать о мировом властелине, который вернул бы страну в золотой век. Имя Фридриха Барбароссы отныне связывается с германским национализмом.

